

История Общество Политика 2022 №4(24)



Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского





ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

**№ 4(24)
2022**

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2022. №4 (24)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 29.12.2022

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов.**

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2022
© Коллектив авторов, 2022



HISTORY SOCIETY POLICY

**N 4 (24)
2022**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2022. №4 (24)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 01/07/2022

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2022

© Authors, 2022

Содержание

ПРЕССА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

- Алферова И.В.* Периодическая печать как средство взаимодействия фронта и тыла в условиях Первой мировой войны **6**
- Свиридова А.С.* Цензура периодической печати Первой мировой войны в России, Великобритании и Германии: общее и особенное **14**

ДРЕВНОСТИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Брешков Р.В.* Металлические элементы средневековых книжных переплётов из Лопуши **19**
- Чурсин Д.И.* Милолюбль с округой в XII–XV вв. **31**

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

- Фельдман А.Д.* Эволюция образа «холодной войны» в советской карикатуре 1970-х гг., на основе материалов газеты «Правда» **60**
- Назин В.Ю.* “Красный Нантер” Пьера Граппена и Поля Рикёра **68**
- Федотов А.А.* Нордическая идея Ганса Гюнтера, её истоки и влияние **73**

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА

- Блуменау С.Ф.* Четыре десятилетия на подъеме **77**

РЕЦЕНЗИИ

- Артамошин С.В.* Судьба немецкого левого либерализма в кайзеровской Германии **85**

- О сетевом издании «История. Общество. Политика» **89****

ПРЕССА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

УДК 94(100)“1914-1918”:316.75

И.В. Алферова

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК СРЕДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРОНТА И ТЫЛА В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Аннотация: Статья посвящена роли периодической печати в становлении взаимодействия фронта и тыла в условиях Первой мировой войны. На основе ранее неизвестных документов и материалов самой российской прессы раскрывается механизм этого взаимодействия, демонстрируется отношение к периодической печати военных и гражданских властей, затрагиваются составные элементы этого процесса в виде деятельности военной цензуры. В статье приведены биографические данные, в том числе ранее неизвестные, М.Н. Коландса и В.В. Казаринова, выступивших с необычной инициативой сбора газет для фронта. Автор статьи приходит к выводу о том, что периодические издания выполняли в условиях войны ряд важных функций, оказывая воздействие на настроения, господствовавшие в тылу и на фронте. Периодическая печать сумела освоить новые инструменты подчинения общественных настроений общегосударственным и военным целям. Данным обстоятельством объясняется не только стремление военного командования обеспечить фронт необходимой печатной продукцией, но и возникавшие на этот счет инициативы в тылу.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, военная цензура, М.Н. Коландс, В.В. Казаринов, взаимодействие фронта и тыла

Alferova I.V. Periodical as a means of interaction between front and rear in the conditions of the First World War

Abstract: The article is devoted to the role of the periodical press in the formation of interaction between front and rear in the First World War. On the basis of previously unknown documents and materials of the Russian press itself the mechanism of this interaction is revealed, the attitude of the military and civil authorities to the periodical press is demonstrated, and the constituent elements of this process in the form of military censorship activities are touched upon. The article provides biographical data, including previously unknown ones, of M.N. Kolands and V.V. Kazarinov, who came up with the unusual initiative of collecting newspapers for the front. The author of the article concludes that periodicals performed a number of important functions during the war, influencing the mood prevailing in the rear and at the front. The periodicals managed to master new instruments of subordinating public sentiments to the national and military goals. This circumstance explains not only the desire of the military command to provide the front with the necessary printed products, but also the initiatives arising on this account in the rear.

Keywords: First World War, periodicals, military censorship, M.N. Kolands, V.V. Kazarinov, Interaction between the Front and the Home Front

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-28-00900 «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»

Первая мировая война поразила современников и потомков не только своим масштабом, военно-техническими новшествами и небывалым числом жертв. Помимо военной сферы она продемонстрировала новые способы политического и культурно-просветительного воздействия на состояние духа в тылу и на фронте, освоила новые инструменты подчинения общественных настроений общегосударственным и военным целям. Активным участником этого процесса выступала периодическая печать, «которая выполняла роль посредника между воевавшими и оставшимися дожидаться их в тылу, формировала образ врага и должна была убедить население мужественно переносить неизбежные всевозможные трудности, проявлять готовность к несению добровольной военной службы» [4, с. 37].

Для реализации всех этих функций необходимо было, как минимум, обеспечить поступление периодических изданий к непосредственному читателю, а в условиях фронтовой действительности это зачастую превращалось в сложную, если в неразрешимую задачу. Большие трудности возникли и в деле создания, в первую очередь для газет, условий, при которых они должны были стать «выразителем духа государственной сплоченности и решимости довести войну до полной победы, не взирая ни на какие лишения и жертвы...» [9, с. 7]. Дело в том, что в российском Генеральном штабе отрицательное отношение к периодической печати в целом сложилось еще со времен Русско-японской войны, когда в ее публикациях освещался ход мобилизации, размещались подробные описания сражений с перечислением частей действующей армии. Однако и военное и гражданское руководство понимали, что роль посредника между армией и народом в условиях начавшейся войны могла играть только газета, ежедневная и вовремя доставляемая до адресата.

Начавшаяся Первая мировая война способствовала появлению российского массового читателя там, где чтение никогда не считалось способом организации и проведения досуга. Иллюстрацией сложившейся ситуации является заметка в одном из номеров военного времени газеты «Орловский вестник». В ней рассказывается о посещении почтальоном одной из многочисленных деревень средней полосы России. Два раза в неделю он отправлялся на ближайшую станцию и приносил оттуда «полную сумку новостей». К вечеру из ближайших селений к нему в избу собирались крестьяне в надежде получить известия с фронта. Письма и свои, и чужие прочитывались быстро, поскольку в них содержался минимум информации. Этому существовало объяснение. Во всех воинских частях офицеры проводили регулярную работу, предупреждая нижних чинов о необходимости соблюдения военной тайны. Кроме этого, все комбатанты знали о существовании военной цензуры и о том, что она не пропустит почтовые отправления, содержавшие излишние подробности описания окопной жизни.

Солдатам, жизнь которых на фронте, кроме непосредственных военных событий, о которых рассказывать запрещалось, поведать своим родственникам особо было не о чем. Письма изобиловали общими фразами: «Жив, здоров, слава Богу, а сворчусь живой или нет – Бог святой знает, чего и вам от Господа Бога желаю» [5].

После писем приступали к чтению газет. Прежде всего читатели, родственники и знакомые которых находились на фронте, знакомились со списками убитых и раненых на полях сражений. Затем переходили к обзорам «по фронтам», с трудом разбирая незнакомые названия местностей и городов, не всегда понимая встречавшуюся военную терминологию. Главный интерес для читающей публики при этом представлял не фактологический материал, а «настрой» изложенного газетного материала, поскольку он давал возможность отгадать – на чьей же стороне, наконец, победа.

В городах газет для читателей было несравненно больше. Каждая из них имела свой устойчивый контингент пользователей, в своем большинстве отличавшийся от сельских жителей более высоким уровнем грамотности. Однако основная масса, обращаясь к

периодической печати, преследовала те же цели, что и население деревень: «Мы ждём с нетерпением выхода газеты, чтобы узнать, что происходит там. Каждый день, каждый час мы надеемся, что в проволоке телеграфных заграждений застрянет сообщение, которое воодушевит нас, а получив его, мы снова обращаемся к газетному листу и вновь лихорадочно ищем. И так создаётся вся наша жизнь здесь» [12, л. 1].

Читателями газет были и те, кто находился непосредственно на фронте. В статье в журнале «Военный сборник», написанной в конце 1915 г., ее автор, служивший в штабе одной из воинских частей, отмечал, что среди широких общественных кругов до определенного времени существовало мнение, будто на войне для чтения нет времени. Действительно, в ходе непрерывных боев их участникам было не до книг и не до газет. Однако со временем сражения переставали быть интенсивными, войска отводились для перегруппировки. Такого рода передвижение вооруженных сил с одного фронта на другой зачастую занимало целые недели. «Наконец, позиционная война, сидение в окопах месяцами при одной артиллерийской перестрелке, да и то не каждый день, работа в штабах и близком тылу, – всё это было бы крайне томительно, если бы армию в той или иной форме не обслуживало печатное слово» [8, с. 84-85], – отмечал автор.

В этих условиях появление на позиции газет вызывало живейший интерес, поскольку они являлись главными источниками, пусть и с запозданием на несколько дней, сведений о происходивших вокруг событиях. Издания буквально вырывали из рук и в солдатской среде внимательно перечитывали их «от первой буквы заглавия, до последней буквы объявлений, как будто ища везде какого-то затаенного, непонятного сразу, смысла» [8, с. 85].

Автор статьи в журнале «Военный сборник» представил своё, достаточно убедительное, видение этих особенностей отношения к периодической печати в условиях проходившей войны. Газета, по его мнению, превращалась для фронта в необходимость, поскольку победа требовала веры в нее, а для укрепления этой веры требовалось знание задач ближайшего будущего, через понимание настоящего.

Однако российские газеты в условиях войны выполняли поставленную задачу с большим трудом из-за того, что они опаздывали даже в учреждения глубокого тыла. Доставка их на передовые позиции представляла собой неосуществимую по сложности задачу. Даже те редакции, которые предпринимали попытки отправки в армию напрямую большого количества экземпляров своих изданий, не добивались поставленных целей. Газеты залеживались в тыловых штабах, терялись или доходили с большим опозданием. Автор публикации в журнале «Военный сборник» вспоминал как в Восточной Пруссии корпус, в котором он находился, получил в декабре кипу октябрьских газетных номеров [8, с. 87].

Для решения задачи оперативного информирования армии были созданы специальные издания на различных фронтах. Центральным органом военного министерства был упомянутый военно-научный журнал «Военный сборник» и газета «Русский инвалид». Свои печатные органы имели военные округа и штабы казачьих войск. «Однако на начало военных действий какая-либо фронтовая печать, на страницах которой объяснялись бы цели и задачи происходивших событий военнослужащим, в действующей российской армии отсутствовала» [1, с. 7-8].

Руководствуясь этими соображениями, в последние дни июля 1914 г. в Главный штаб российских войск от начальника штаба верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Н.Н. Янушкевича было направлено письмо с просьбой об издании специальной для нижних чинов газеты, содержащей сообщения о действиях российской и союзных армий, а также о заслуживавших внимания сообщениях о событиях внутри страны и в соседних государствах. В начале августа на основе решения Военного совета из военного фонда были выделены

необходимые средства [11, л. 4]. «Военная летопись» с периодичностью два раза в неделю и тиражом в 100 тыс. экземпляров стала регулярно направляться на фронт, а в августе 1914 г. штабом армий Юго-Западного фронта начала издаваться газета «Армейский вестник».¹

Приблизительно в это же время начальник штаба сообщал верховному главнокомандующему, что была достигнута договоренность с редакциями о ежедневной поставке газет «Свет» (по три тюка, в каждом из которых было по 100 экземпляров) и «Петербургский курьер» (по 500 экземпляров) для госпиталей и санитарных поездов [11, л. 9].

Помимо перечисленных способов снабжения фронта печатным словом, с конца августа 1914 г. стала реализовываться еще одна инициатива, направленная на решение этой проблемы. Ее авторами и исполнителями являлись отставной вице-адмирал Митрофан Николаевич Коландс и поручик кавалерии в отставке, надворный советник Валериан Валерианович Казаринов, являвшийся председателем основанного им в Петрограде «Общества призрения сирот лиц, ставших жертвами долга».

До войны В.В. Казаринов являлся управляющим канцелярией созданного В.М. Пуришкевичем монархического Русского народного союза имени Архангела Михаила. Кроме этого он упоминался Сергеем Юльевичем Витте в качестве одного из участников неудавшегося на него покушения. В воспоминаниях бывшего премьер-министра России по этому поводу было сказано следующее: «За несколько дней до 29-го января, когда подложили мне адские машины, то сам Казаринов переехал в маленький дом, находящийся против моего дома. Дом деревянный, где внизу находится трактир, а наверху второстепенные меблированные комнаты. Поселился Казаринов в этих комнатах для того, чтобы наблюдать за картиной взрыва моего дома, который должен был совершиться 29-го января, в 9 часов утра» [6, с. 341]. По утверждению С.Ю. Витте, В.В. Казаринов из-за смертельной болезни своей дочери посчитал, что заболевание явилось наказанием ему за участие в преступлении и предупредил через дворника, чтобы Витте перебрался «с левой стороны дома в более безопасную правую» [6, с. 342].

В годы Первой мировой войны общество, созданное В.В. Казариновым организовало три лазарета, в которых получили медицинскую помощь около 5 тыс. раненых. Наряду с этим осуществлялось снабжение находившихся на фронте солдат и офицеров теплой одеждой, махоркой и периодическими изданиями. На этой почве состоялось соглашение с М.Н. Коландсом (вице-адмирал с 20.10.1908 г.), организация которого сосредоточилась на сборе газет для армии.

Биография М.Н. Коландса не содержала столь ярких и шокирующих сведений. Однако он, как и В.В. Казаринов отличался предприимчивостью и горел желанием оказать помощь действующей армии. Впрочем его имя также было вписано в историю борьбы с российским революционным движением. Будучи командиром броненосца «Двенадцать Апостолов», входившего в состав российского Черноморского флота, М.Н. Коландс вызвался потопить броненосец «Потемкин» с взбунтовавшейся на его борту командой «таранным ударом или, сблизившись вплотную, взорваться вместе с ним» [7, с. 86-87]. Эта идея, однако, не получила одобрения.

Еще одно свидетельство, характеризующее отставного вице-адмирала, сохранилось в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). М.Н. Коландс 18 февраля 1915 г. обратился к министру иностранных дел С.Д. Сазонову с необычным предложением. Он заявлял: «В настоящую, беспрецедентную по размерам Европейскую войну, все союзные нам государства одинаково, как Россия, стремятся воспрепятствовать ввозу в Германию и Австрию

¹ Подробнее об армейской печати можно узнать из работ Д.Г. Гужвы.

питательных продуктов из нейтральных стран» [2, л. 3]. Однако, по заявлению М.Н. Коландса, скандинавские государства, пользуясь близостью границ, продолжали обеспечивать противников России в войне продуктами. В частности, Норвегия, имевшая развитую рыбную промышленность, вылавливала большое количество рыбы, главным образом трески, и до недавнего времени снабжала ею Германию, Австрию, Испанию, Италию, африканские и другие государства в специально приготовленном для этого виде, преимущественно сушёном. Такая рыба именовалась «штокфиш». Она теряла при сушке около 75% веса, что позволяло ей выдерживать дальние перевозки, обеспечивало долгое хранение даже при тропической жаре, не требовало специально устроенных хранилищ. При этом продукт сохранял свои питательные свойства.

В 1915 г. из-за войны экспорт рыбы с берегов Норвегии через Северное море в южные страны стал затрудненным, и Германия получила возможность покупки рыбы для восполнения дефицита продуктов. Вице-адмирал в отставке предлагал организовать скупку российским государством в Норвегии всего улова рыбы 1915 года через заключение договоров и выдачу авансов. При этом операцию предлагалось сделать с большой осторожностью, чтобы не дать понять германским агентам о предпринятых Россией шагах по изъятию норвежской рыбы с германского рынка.

При этом вице-адмирал предлагал осуществить исполнение этого мероприятия через «единственное на Мурмане» рыболовное предприятие, которое производил промысел по соседству с Норвегией и в котором состоял сам М.Н. Коландс. Он также заявлял, что проведённая акция должна была повлиять на ускорение наступления в Германии и Австрии голода, а, следовательно, и на сокращение времени войны. Приобретенная рыба «может быть использована для питания военнопленных, военнообязанных и населения пострадавших от войны местностей если таковое будет продовольствоваться правительством» [2, л. 3].

В подготовленном в ответ на предложенный план анализе отмечалось, что из-за установления Англией блокады германских берегов возможность доставки в Германию трески морским путём «едва ли представляется возможным». «Осуществление предложения отставного вице-адмирала Коландса о скупке через фирму Спаде норвежских запасов сухой трески было бы, без сомнения, связано с весьма значительными расходами» [2, л. 5].

Было определено, что в 1912 г. в Норвегии было изготовлено 911/2 млн штук сухой трески, а в 1913 г. – 69 млн штук, общей стоимостью в 10 и в 7 млн крон. На русский рынок было вывезено в 1912 г. 42000 пудов, стоимостью 152000 руб. и в 1913 г. 21000 пудов, стоимостью в 81000 руб. Делался вывод о том, что российский рынок к этому продукту не привык: «Изготовление пищи из сухой рыбы требует специальных познаний, которых в России нет» [2, л. 5]. Также отмечалось, что фирма «Спаде» является латышской и кроме неё на Мурманском берегу имелся целый ряд рыбопромышленных и торговых предприятий, созданных местными жителями, уроженцами Архангельской губернии [2, л. 6].

Главное управление генерального штаба, также подключенное к решению этой проблемы, 12 марта 1915 г. заявило, что мера, предлагаемая адмиралом М.Н. Коландсом, «едва ли достигнет цели в виду трудности скупить весь улов и может послужить лишь к выгоде посредников (вероятно, подразумевалась фирма "Спаде". – Авт.)».

Рассмотренные события относятся к началу 1915 г., а ранее, М.Н. Коландс и В.В. Казаринов 24 августа 1914 г. обратились к военному министру с предложением организовать в широких размерах ежедневную отправку в действующую армию местных газет и печатных

телеграмм^{*}. С этой целью состоялись переговоры с начальником Главного управления почт и телеграфов, который поддержал выдвинутую инициативу, после чего последовало обращение организаторов с просьбой о содействии со стороны военного министра. От него требовалась отдача приказаний по отделу военных сообщений и полевой почты для доставки печатных изданий на фронт.

Согласие было получено, а 26 августа 1914 г. уже верховный главнокомандующий разрешил отправку в действующую армию газет и печатных телеграмм [11, л. 29]. По этому поводу от его имени в штабы Петроградского и Одесского военных округов, начальникам военных сообщений Северо-Западного и Юго-Западного фронтов были разосланы телеграммы с требованием организовать доставку изданий «для удовлетворения ощущаемой там крайней в этом потребности» [11, л. 38].

М.Н. Коландс вслед за этим 31 октября 1914 г. обратился в центральное правление, состоявшего под императорским покровительством общества «Повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям», с предложением о принятии на себя дальнейшего ведения организованного им дела сбора газет в действующую армию. Предложение было принято, а штаб верховного главнокомандующего подкрепило его своим согласием на доставку печатной продукции на фронт [11, л. 222].

О реализации этой инициативы рассказывалось в петроградской газете «Биржевые ведомости» в специальном обращении под заглавием «Жертвуйте газеты для армии!»: «Наши воины-герои, преимущественно нижние чины – солдатики, просят присылать чаще газеты и журналы. Приток же жертвуемых газет за последнее время сократился и поэтому комитет для сбора газет, состоящего под высочайшим его императорского величества покровительством Общества пострадавшим на войне солдатам и их семьям, обращаемся с просьбой жертвовать больше газет и иллюстраций, опуская их в ящики, расставленные по улицам Петрограда» [3].

В той же газете более подробно рассказывалось об этой акции в специальной статье «Радость от печатного слова» [10]. Из нее следовало, что было спешно организовано снабжение армии «печатным словом». Панаевский театр (на Адмиралтейской набережной. – Авт.) предоставил свои фойе в качестве помещения для упаковки газет и журналов. Поскольку желающих работать было много, а в фойе было тесно, вице-адмирал М.Н. Коландс нашел поддержку у владельца ресторана «Контан» – француза Альмира Жуае (Жуэна). Ресторан располагался на набережной реки Мойки, и хозяин отвел для этой цели большое помещение.

За длинными столами работали десятки человек: одни сортировали газеты, другие подбирали журналы, третьи штопали мешки. «Спешно зашивают посылки и партия в 121 пакет, что составляет 14 пудов 25 фунтов (около 240 кг) отсылалась на фронт. С половиной сентября 1914 г. до мая 1915 г. было отправлено 5488 пакетов (или 1471 пункт 12 фунтов)» [10].

Население своеобразно откликалось на призыв о сборе периодических изданий и жертвовало всё печатное, что у него было под рукой. На улицах Петрограда было установлено 55 ящиков для газет и журналов и нередко оттуда извлекали не только свежие газеты, но и старые, за последние 10-15 лет [10]. Старые номера газет продавались созданным комитетом на вес, а на вырученные деньги посылались в действующую армию табак, чай, сахар и т. п.

^{*} В годы Первой мировой войны телеграммы Петроградского телеграфного агентства издавались в виде широко распространяемых среди населения бумажных изданий (Авт.).



В адрес созданной организации с фронта поступали благодарственные письма, и публикация выдержек из них вызвала соответствующую реакцию военного цензора, который удалил из газетной статьи наименования воинских частей, в которых служили авторы писем: «2-го стрелкового полка, 7 роты», «Брестского 9-го госпиталя», «22-го Сибирского стрелкового полка». Зачеркнуто было и упоминание «Пироговского поезда в действующую армию, на который предполагалось сдать груз». Цензор предусмотрительно удалил также фразу, отражавшую настроение солдат на фронте: «Мы не только газет не видим, но даже не слышим родного голоса...» [12, л. 1]. Из нее были оставлены только слова: «...газет не видим». Сохранение такой оценки ситуации цензурой было воспринято в качестве допустимой.

Представляют интерес опубликованные в газете сведения о периодических изданиях, находившихся на фронте. Авторы писем упоминали чтение, доставлявшее им удовольствие: журналы «Огонёк», «Нива», «Разведчик», «Унтер-офицер», «Солнце России», «Родина». По оценке авторов, газеты не только знакомили офицеров и солдат с событиями, но и напоминали им о Родине «её дорогих нашему сердцу людям» [12, л. 1]. Они воспринимались в качестве своеобразного подарка, доставлявшего на чужбине много радости, содержали также необходимые сведения о войне, поскольку только из газет узнали, например, о взятии Перемышля.

Однако существовал и иной взгляд на обозначенную проблему: «Ошибаются те, кто думают, что нашему военному всё равно, что читать, если бы скука и заставила его читать газету, вышедшую несколько месяцев назад и посвящённую сплошь злобам дня, давно исчезнувшего, то какой от этого прок для кого бы то ни было и стоит ли тратить время и деньги на доставку армии подобного материала?» [8, с. 87].

Таким образом, газеты выполняли в условиях войны ряд важных функций, оказывая воздействие на настроения, господствовавшие в тылу и на фронте. Периодическая печать сумела освоить новые инструменты подчинения общественных настроений общегосударственным и военным целям, и эта важная ее функция стала очевидной уже в самом начале войны.

Данным обстоятельством объясняется не только стремление военного командования обеспечить фронт необходимой печатной продукцией, но и возникавшие на этот счет инициативы в тылу. Об одной из них, дополняющей общую картину общественных настроений и особенностей городской и сельской повседневности в условиях Первой мировой войны, было рассказано в представленной статье.

Библиографический список

1. Алферова И.В. «Армейский вестник» и «героическое» на его страницах в годы Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 7-12.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. № 155-и-5. Оп. 448. Д. 367.
3. Биржевые ведомости. 1915. № 14818. 1 мая.
4. Блохин В.Ф. «Героическое» на страницах иллюстрированного журнала «Лукоморье» 1914–1917 гг. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Брянск: «Курсив», 2016. С. 37-60.
5. В деревне // Орловский вестник. 1915. № 116. 12 мая.
6. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. 2-е издание. Л.: Государственное издательство, 1924. Том II. 518 с.
7. Гаврилов Б.И. В борьбе за свободу: Восстание на броненосце «Потемкин». М.: Мысль, 1987. 224 с.
8. Кривцов Е. Книга и газета на войне // Военный сборник. 1915. № 11. С. 84-92.
9. Потапов Н.М. Печать и война. М.; Л., 1926. 84 с.
10. Радость от печатного слова (в бюро по отправке в действующую армию газет и журналов) // Биржевые ведомости. 1915. № 14818. 1 мая.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 699.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 778. Оп. 2. Д. 203.



Сведения об авторе:

Алферова Ирина Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: alferovairi@yandex.ru

УДК 94(100)“1914-1918”:316.75

А.С. Свиридова

ЦЕНЗУРА ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ГЕРМАНИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ ¹

Аннотация: В статье рассмотрен процесс развития цензуры периодической печати в России, Великобритании и Германии в период Первой мировой войны. Посредством сопоставления английских, российских, немецких цензурных положений выявляются черты сходства и различия в цензурной политике этих государств в условиях военного конфликта.

Ключевые слова: цензура, периодическая печать, Первая мировая война, Россия, Великобритания, Германия.

Sviridova A.S. Censorship of World War I Periodicals in Russia, Great Britain, and Germany: common and specific

Abstract: The article deals with the development of censorship of the periodical press in Russia, Great Britain and Germany during the First World War. By comparing the English, Russian, and German censorship regulations, we identify the features of similarity and difference in the censorship policies of these states in the conditions of military conflict.

Keywords: censorship, periodicals, World War I, Russia, Great Britain, Germany.

В период Первой мировой войны во всех воюющих странах цензура вводилась сразу же после начала военных действий. Основной целью цензуры была защита военных секретов и передвижений: такие выводы были сделаны на основе предшествующего опыта франко-прусской и русско-японских войн. Так, в период франко-германской войны 1870 года тактика военных операций французской императорской армии была опубликована как во французской, так и в британской прессе к большой выгоде немецкого военного командования. То же самое произошло и в русско-японской войне 1904-1905 годах в пользу японцев. Однако теперь цензура распространилось и на политические вопросы: все, что могло критиковать правительство, огорчать и беспокоить население или ослаблять его моральный дух, должно было быть запрещено или, по крайней мере, смягчено и оправдано.

С началом Первой мировой войны во всех странах-участницах военного конфликта были организованы центральные цензурные управления: Главное цензурное управление в октябре 1914 года в Берлине, подчиненное Службе разведки и новостей Верховного командования, которое приступило к работе в феврале 1915 года; в Великобритании цензура была санкционирована Законом об обороне королевства [4]. В Лондоне Официальное бюро печати (названное по адресу Веллингтон Хаус) под руководством Министерства иностранных дел цензурировало только газеты и их телеграфные соединения и в то же время выпускало официальную информацию, в то время как цензура частных и коммерческих телеграмм и почты осуществлялась двумя отдельными отделениями под контролем Военного министерства. В России 22 июля 1914 года правила гражданской цензуры были заменены военной цензурой в соответствии с Временным указом о военной цензуре и дополнительным списком военных тайн [3].

Организация цензуры была несколько изменена в ходе войны, в связи с тем, что в некоторых странах цензурные органы утратили свою автономию. В Германии в октябре 1915 года они были объединены с отделами пропаганды в Военное управление печати, подчиненное Службе разведки и новостей. Кроме того, немецкие «министерства» рейха в ранге имперских

¹ НИР выполнена при поддержке гранта РНФ «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914-1917 г.)» (номер 22-28-00900).

канцелярий и другие гражданские органы власти имели свои собственные цензурные отделы, всего их насчитывалось 22 [5, р. 12]. В феврале 1916 года британское военное министерство расширило бывшее небольшое управление до огромного Управления военной разведки, которое занималось организацией пропаганды, но также цензурой по военным вопросам.

Центральными цензорами в России были в основном кадровые офицеры, а в Великобритании и Германии - в основном гражданские лица. Власти Германии также нанимали профессиональных писателей, например, Арнольд Цвейг.

Цензоры получали свои инструкции от отделов службы военных властей и различных министерств, в некоторых случаях также от премьер-министров, и передавали их прессе либо напрямую, либо на регулярных пресс-конференциях, в которых в Германии, например, участвовали также представители Имперских ведомств и Адмиралтейства. [5, р. 13]. Однако иногда возникали серьезные конфликты по конкретным вопросам. Например, в Германии Управление продовольственного снабжения выступало за открытое обсуждение проблем снабжения, в то время как Министерство иностранных дел хотело подавить эти новости, чтобы избежать впечатления за рубежом, что власти не в состоянии должным образом накормить народ.

Германия, за исключением Баварии, была передана под управление 57 военным командирам, которые, лишь номинально находясь под надзором кайзера, взяли на себя исполнительную власть в своих округах и были неограниченны в своих полномочиях. Рассматривая инструкции для прессы в Берлине лишь как руководство, местные цензурные управления произвольно принимали решения о цензурных мерах, которые должны были осуществляться либо подчиненными командованиями, либо местной полицией, либо государственными служащими. Хотя с весны 1917 года военные командиры должны были принять последовательные принципы, переданные через прусское военное министерство, их практическое применение оставалось далеко не единообразным. Некоторые военные командиры слыли довольно терпимыми, другие были крайне суровы. Например, командир в Штеттине полностью подчинился померанским юнкерам и поэтому в январе 1915 года приостановил деятельность газеты Greifswalder Tageblatt до конца войны из-за ее кампании против непомерно высоких цен на хлеб и картофель. Он также отвечал за часть провинции Позен, где ввел превентивную цензуру для польских газет и запретил газету «Лех» до конца войны [5, р. 14].

Сложная организация цензуры в Германии привела к следующим результатам: статьи, подавленные в одном районе или в одной газете, проходили в другом; то же самое происходило в России и Великобритании, несмотря на их более централизованные системы.

В Великобритании отношения между цензорами и журналистами были гораздо более удовлетворительными, чем на континенте. Цензоры работали более слаженно, потому что они более или менее концентрировались на лондонской прессе и разрабатывали свои рекомендации в ходе неформальных дискуссий и социальных контактов с редакторами газет, некоторые из которых даже работали в администрации. Кроме того, редакторы, журналисты и цензоры принадлежали к одному классу, в то время как прусские военные цензоры не принадлежали к интеллектуальной элите. Более того, британские власти иногда специально игнорировали нарушения, чтобы избежать огласки путем судебного преследования.

В России превентивная цензура была введена в Петрограде и в районах военных действий; в других местах цензоры должны были подавлять только те публикации, которые наносили вред военным интересам. Это позволяло прессе публиковать весьма критические статьи по политическим вопросам. Когда Совет министров пожаловался, что «их злоупотребления, их сенсационные новости, их необоснованная критика возбуждают общественное мнение против правительства», военный министр Алексей Поливанов указал, что его военные цензоры «не особенно искусны в политических тонкостях», что «в законе о военной цензуре не

предусмотрено никакой политической цензуры», и генералы могут только подчиняться указу и списку [2, с. 105]. В результате, с февраля 1916 года цензура была распространена и на политические статьи, а позднее даже на выступления в Думе.

Вся информация, передаваемая по телеграммам и через информационные агентства (Reuters, Navas, Wolff), подвергалась предварительной цензуре, что означало ее подавление, изменение или, по крайней мере, задержку [5, р. 16]. В Европе пресса получала многочисленные цензурные инструкции, некоторые из них были постоянными, другие - временными («до дальнейшего уведомления»): в Германии в конце 1916 года цензурных инструкций было уже 2000 [5, р. 16]. Чтобы облегчить работу журналистов, цензурные органы Германии, Великобритании сводили инструкции в цензурные книги, секретные и недоступные для общественности.

Превентивная цензура существовала в Германии и Великобритании, но ограничивалась лишь особыми случаями, например, в Германии - военными статьями, солдатскими письмами, подозрительными газетами национальных меньшинств, экстремистскими политическими взглядами, а с июня 1917 года - также частными листовками и памфлетами. Поскольку цензоры контролировали и последующие публикации, всегда было безопаснее, по крайней мере, в деликатных вопросах, представить статью заранее. В противном случае можно было столкнуться с санкциями различной степени. Выпуск газеты мог быть приостановлен: в Великобритании и Германии, как правило, только на несколько дней. В некоторых случаях журналисты должны были дать гарантии, что в будущем они будут более сдержанными, чтобы добиться отмены приостановки. Так, в 1917 году в Германии 21 газета была приостановлена на неопределенный срок, а в России были приостановлены газеты «Русское богатство» и «Заветы» [1, с. 479].

Таким образом, редакторы могли быть вызваны в офис цензора или регулярно вводилась превентивная цензура. В крайнем случае, все экземпляры газеты могли быть конфискованы и уничтожены, выпуск самой газеты приостанавливался на неопределенный срок, а журналистам запрещалось писать или они даже привлекались к уголовной ответственности. В Великобритании судебное преследование могло быть открыто против автора и типографии. До июня 1915 года судебное преследование осуществлялось военным судом с наказанием вплоть до пожизненного заключения, а затем гражданскими властями с наказанием в виде штрафа до 100 фунтов стерлингов (4300 фунтов стерлингов) или шести месяцев тюремного заключения [5, р. 16].

В Великобритании, из-за широко распространенного общественного требования мира с Германией путем переговоров, цензура была значительно усилена и достигла континентальных масштабов. Сначала цензоры пытались финансово задушить антивоенные газеты, такие как The Herald, Labour Leader и Tribunal, запрещая их продажу за границу; в Германии известен только один подобный случай. Антивоенные активисты, такие как Бертран Рассел и Эдмунд Д. Морель, которые пытались обойти это ограничение, размещая статьи за рубежом, были заключены в тюрьму за «уклонение от цензуры». Более важным было постановление Закона об обороне королевства от 15 ноября 1917 года: Все статьи о войне и заключении мира должны были проходить превентивную цензуру [5, р. 17].

Итак, в связи с ростом напряженности в 1917 году цензура в союзных странах была усилена. В частности цензура коснулась непосредственно армии: вводился почтовый контроль.⁷⁷ Его целью был поиск разглашения военных секретов, проверка морального духа солдат и выявление «подрывных идей». В немецкой и британской армиях цензура корреспонденции солдат сначала осуществлялась их собственными офицерами. Даже когда была введена центральная цензура, тайна переписки все равно нарушалась, по крайней мере, в немецкой армии:

«Даже интимные семейные письма разглашаются и превращаются в посмешище», - отмечают Бернд Ульрих и Бенджамин Зиманн [5, р. 18]. Кроме того в Германии солдат могли наказывать и даже отдать под трибунал за письма с критикой или содержащие «преувеличенную и ложную информацию».

Цензурировался в периодической печати и продовольственный вопрос. Нехватка продовольствия в Германии, кульминацией которой стала «репная зима» 1916-1917 годов, не могла быть обойдена молчанием, ее приходилось оправдывать и минимизировать. В ноябре 1916 года были выпущены четыре инструкции для прессы: журналистов просили избегать сенсационных сообщений о высоких ценах на продукты питания и нападений на торговцев и лавочников, сообщений о продовольственных бунтах и даже шуток о нехватке продовольствия. Постановление Главного цензурного управления от 10 марта 1917 года и Цензурная книга 1917 года разрешали информацию о продовольственных проблемах только на местном уровне и запрещали критику общей ситуации со снабжением и сообщения о конфликтах между сельским и городским населением [5, р. 18].

Другой популярной уловкой цензоров была задержка информации, а некоторые новости не разглашались и после войны, например, потопление британского пассажирского корабля «Лузитания». Потопленный 7 мая 1915 года немецкой подводной лодкой, он также перевозил боеприпасы и солдат, и этот факт был признан британским правительством только в 1982 году.

Существовали и официальные исключения из цензуры. В Великобритании цензура была, так сказать, «географически» ограничена: она подавила несколько левых газет, таких как *Forward* и *Worker*, но в остальном сосредоточилась на лондонской прессе и не касалась провинциальных газет. В Германии цензура была еще менее полной: цензурные инструкции разрешали все иностранные газеты, кроме тех, которые носили подстрекательский характер. Они действительно были доступны: чешские политические активисты регулярно пересекали границу с Германией, чтобы купить «Таймс». С конца 1914 года можно было публиковать даже коммюнике вражеской армии, что стало проблемой только летом 1918 года, когда немецкие армии потерпели поражение [5, р. 20].

Таким образом, цензура периодической печати в период Первой мировой войны не была одинаковой во всех воюющих странах, цензурные инструкции могли меняться время от времени. Как правило, все события, которые могли встревожить население, подавлялись, смягчались или подвергались превентивной цензуре.

Библиографический список

1. Данюк А. Н. К вопросу об истории журнала «Русское богатство» (1876–1918 гг.) // Молодой ученый. 2013. № 7 (54). С. 477-480.
2. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника: 1907—1916 / Под ред. А. М. Зайончковского. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. Т. I. 240 с.
3. Указ об утверждении временного Положения о военной цензуре. 1914 г. // Россия. Законы и постановления. Временное положение о военной цензуре: [Утверждено 20 июля 1914 года]. - [Пг., 1914] [Электронный ресурс] // URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/13677-rossiya-zakony-i-postanovleniya-vremennoe-polozhenie-o-voennoy-tsensure-utverzhdno-20-iyulya-1914-goda-pg-1914/> (дата обращения: 17.11. 2022)
4. Defence of the Realm Act 1914 (DORA) // International Encyclopedia of the First World War. 2016. Т.2. Р. 341-342.
5. Demm E. Censorship and propaganda in World War I. Bloomsbury academic: London, 2019. 326 p.



Сведения об авторе:

Свиридова Алина Сергеевна - аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Древности и археология

УДК 903.26(470.333)

Р. В. Брешков

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КНИЖНЫХ ПЕРЕПЛЁТОВ ИЗ ЛОПУШИ

Аннотация: Вводится в научный оборот информация о металлических элементах книжной гарнитуры (застёжки, жуковины) происходящих с территории Лопушского археологического комплекса. Установлено, что книги использовались на поселении Лопушь почти не прерывно начиная с периода не позднее середины XIII века.

Ключевые слова: Книжная застёжка, Книжная культура древней Руси, металлические элементы книжных переплёт, материальная культура Подесенья, Металлопластика, Лопушь.

R. V. Breshkov. Metal elements of medieval book bindings from a Lopush

Abstract: Information on the metal elements of the book headset (posters, Zhukovins) occurring from the territory of the Lopush archaeological complex is introduced into scientific circulation. It was established that the books were used in the settlement of Lopush almost without interruption from the period no later than the middle of the 13th century.

Keywords: book fasteners, book culture of Ancient Russia, metal elements of book bindings, material culture of pods, metal-plastic, and burly.

Подготовка данной статьи была вызвана важностью продолжения всестороннего изучения значимого для истории Брянского края памятника древнерусского времени - археологического комплекса Лопушь. Материальная культура этого памятника содержит ценнейшие материалы для изучения проблемы развития древнерусского поселения Подесенья. Среди таких материалов в Лопушской коллекции присутствуют металлические элементы книжной гарнитуры. Искусство средневекового русского обиходного переплёта не отделимо от книжной культуры. В этой связи изучение и систематизация элементов книжных переплёт по данным археологии, и по отдельным находкам является весьма важной задачей для понимания развития книжности как явления культуры. Для возможности таких исследований, совершенно необходимо вводить в научный оборот все вновь выявляемые предметы и находки.

На лопушском селище было обнаружено значительное количество предметов, которые были атрибутированы как металлические элементы книжных переплёт. Всего было обнаружено 16 предметов среди которых присутствуют пряжки от книжных застёжек в количестве 11 шт, жуковины в количестве 2 шт., шпеньки 2 шт. и пробой 1 шт. Основная часть этих находок кратко описывалась ранее в публикациях [1, С.61-63], [2, С.98]. Однако краткое описание не имело подробных сведений, а лишь замаркировало общий контекст находок. В данной статье будет приведена более подробная информация об этих находках в части их атрибуции, периодизации, технологии изготовления и других характеристик. Так же будет попытка уточнения контекста данных находок в сопоставлении с имеющимися письменными источниками и сведениями.

Все находки были разделены на две группы. Первая группа находок отнесена к периоду со второй половины XII и по конец XIV века. Вторая группа находок относится к периоду рубежа XIV-XV веков и по середину XVII века.

В первую группу находок входят пряжки и шпеньки от книжных застёжек книг выполненных по византийскому образцу конструкции книжного переплёта (рис.1). В этой конструкции шпеньки (рис.1-1) фиксировались в торцевом ребре верхней деревянной крышки

переплёт. Для переплетных крышек ранних древнерусских книг использовались очень толстые доски (до 2 см), грубо обработанные, массивные [3], [4, С.8]. На шпенёк набрасывалось кольцо или пряжка, прикреплённая к нижней крышке переплёт с помощью трёхчастного ремня (рис.1-2). Восточнославянские книги, изготовленные по византийской технике, имели так же вариант с упрощённым грубым ремнём с прорезью или пряжкой, который так же набрасывали на шпенёк [4, С.17]. Такой тип застёжек постоянно использовался на Руси до начала XV века [5, С.180-183]. В Лопуши были обнаружены 2 фрагмента шпеньков классической древнерусской формы (рис 2). Детали выполнены из медного сплава методом литья. Плоская часть изделия выполнялась заострённой для возможности вбивания её в торцевую часть доски переплёт. Эта часть полностью заходила в торец доски до стопорного уступа хорошо различимого на фрагменте 1 (рис.2).

Для дополнительной фиксации в плоской части шпенька выполнялось отверстие. Часть такого отверстия сохранилась на шпеньке 2 (рис.2). Для надёжной фиксации пряжки на шпеньке, головки шпеньков выполнялись с характерной выпуклостью “вверх”, то есть в направлении зацепа пряжки. Находки таких элементов известны по всей территории древней Руси, но наиболее массовые находки происходят с территорий южной Руси. Так же в Лопуши были обнаружены 2 пряжки (рис. 3, 4), которые накидывались на шпеньки. Одна из пряжек имеет классическую форму, восходящую по стилистике к византийским образцам (рис.3). Изделие выполнено методом литья из медного сплава. Отливка выполнялась в двустворчатой форме. На боковой поверхности видны литейные швы. Габаритные размеры пряжки составляют 24 мм в высоту и 17,5 мм в ширину. Ширина “прорези” под ремешок 8,5 мм. Диаметр отверстия под шпенёк 8,5 мм. Вес изделия 3,2 г. Подобные пряжки, как и описанные выше шпеньки, хорошо известны по археологическим находкам на памятниках древней Руси относящимся к городским и другим статусным поселениям. Места находок аналогичных изделий обобщены в новейшей статье [6, С.264-276]. Ближайшие опубликованные находки аналогичных предметов были найдены при раскопках Чернигова [7, С.89] и Серенска [8, С.213-221]

Другая пряжка представляет из себя редкий тип книжной пряжки с украшением в виде черневого узора (рис.4). Предмет изготовлен из медного сплава литьём, с последующим

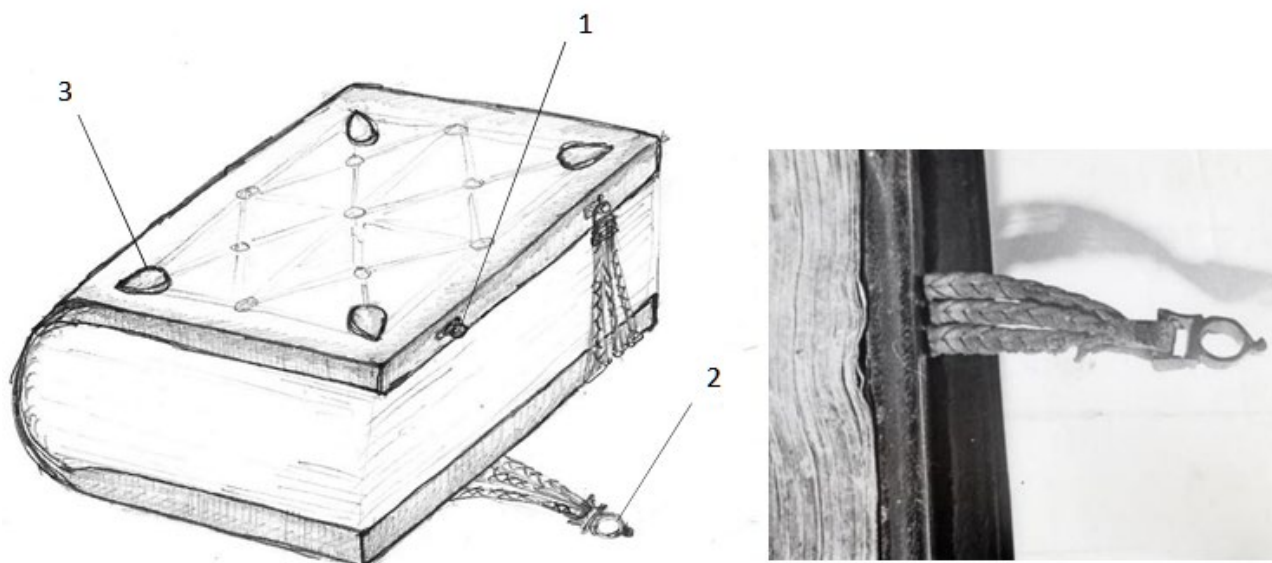


Рис. 1 Эскиз книги с переплётom, выполненным по византийскому образцу. Византийская застёжка на трехчастной ремне (изображение с сайта ГОСНИИР)



Рис.2



Рис.3



Рис.4.



Рис.5.

нанесением черного состава, который частично сохранился. Следов литьевых швов не зафиксировано. С обратной стороны у пряжки сохранился (частично обломан) штырёк для фиксации к ремешку, а в центре изделия выполнено отверстие для фиксирующей заклёпки. Габаритные размеры изделия 25,5х19,5 мм. Диаметр отверстия под шпенёк 10,5 мм. Отверстие под заклёпку выполнено при литье и имеет диаметр 3 мм. Вес изделия 3,2 г. Аналогичные пряжки представлены в экспозиции Киевского исторического музея и датируются XI-XIII вв. [1, С.62]. В публикациях подобные предметы пока не обнаружены.

Помимо деталей шпеньков и пряжек в первую группу предметов можно отнести обнаруженные на селище жуковины (рис.5). Жуковины регулярно использовались на древнерусских переплётках, начиная с XIII в. и позднее. Форма и материал жуковин на переплётках древнерусских рукописей практически не отличались от тех, что использовались на византийских переплётках: они могли быть круглыми и миндалевидными (в виде «капелек»). Обычно жуковины устанавливались на плоскости переплётной крышки с соблюдением определенной симметрии и в соответствии с расположением тисненого орнамента: в центре, на углах, в местах пересечений прямых линий, образующих ромбические или диагональные крестообразные композиции (рис.1). Жуковины из Лопуши изготовлены из медного сплава методом литья. Литьё миндалевидной жуковины 1 производилось вероятно в открытой форме. После литья выполнялась механическая доработка лицевой поверхности и стачивалась фаска по периметру. На поверхности шляпки сохранились следы от воздействия инструмента. Жуковина имеет размеры шляпки 16,5х13,5 мм. Толщина шляпки 3,5 мм. длина штырька 12,5 мм, а его диаметр у основания 3,5 мм. Вес изделия 3,16 г. Другая жуковина 2 отлита в закрытой форме, и не имеет следов механической доработки. Шляпка изделия с полусферической формой диаметром 9 мм.

Высота шляпки 4, длина штырька 10,5 мм, его диаметр у основания 2,8 мм. Вес изделия 1,61 г. Обнаруженные в Лопуши жуковины можно отнести к раннему периоду ввиду того, что стержень (штырёк) изделий имеет длину более 10 мм.



Рис. 6 Пример книжного переплёта с застёжкой на пробой

При такой длине, жуковина могла устанавливаться только на переплётные крышки с толщиной досок не менее 15 мм. Как было указано ранее, крышки такой толщины использовались на ранних древнерусских переплётках до конца XIV века. В конце XIV века, после появления бумаги взамен пергамента, толщина крышек переплётков получила тенденцию к сокращению до 9-11 мм.

Первое появление книг в Лопуши вероятно следует связывать с наличием церковного прихода на поселении. Появление такого прихода могло произойти в период общего расцвета христианской культуры на Руси начиная со второй половины XII века. Именно тогда же в близлежащих княжеских городах строятся каменные храмы. Локализованные на сегодняшний день следы древнерусских каменных храмов во Вщиже, Карачеве и Трубчевске, находятся в радиусе не

более 62 км от Лопуши. При этом само поселение в XII-XIII вв. имело высокий статус [9, С.56-59] и располагается на основной транспортной артерии региона – на реке Десне. Версия появления храма в указанный период хорошо согласуется с многочисленными находками на селище древнерусских крестов-тельников (30 шт.), наибольшее количество которых (25 шт.) датируется второй половиной XII-XIII вв. Ещё одним, особым признаком можно считать находки на поселении большого количества крестов-энколпионов (10 шт.), так же датированных второй половиной XII- начала XIII вв. [10].

Другое очень возможное время появления храма в Лопуши можно связать с событием переноса из Глухова в Брянск епископской кафедры после 1256 года [26]. Лопушское поселение, как и Брянск вероятно не было затронуто боевыми действиями при нашествии хана Батые, и продолжало существовать не тронутым как минимум до конца XIII века. При проведении разведочных археологических работ на поселении характерных следов пожарищ зафиксировано не было [11]. Соответственно на не тронутые монгольским нашествием территории хлынул поток населения с разграбленных земель. Для вновь прибывшей многочисленной паствы мог быть организован приход, для которого соответственно были нужны книги. Поскольку в 30-50-е годы XIII века книгописание на Руси вероятно было приостановлено [12, С.266], то следует полагать, что книги для храма могли быть сформированы из числа ранее изготовленных и сохранившихся после нашествия монголов. Минимальное количество книг, требуемых для богослужения в XIII веке, по разным оценкам, могло быть от одного Евангелия [13], до не менее 8 специальных книг [14, С.70]. Обнаруженные же на Лопушском памятнике различные 2 книжные пряжки, 2 шпенька и 2 жуковины относящиеся к первой группе представляют комплекс деталей от 2-6 различных книг. Как дополнительное косвенное свидетельство существования храма во второй половине XIII века, примечательно предание о Явленной и

Чудотворной иконе Святителей Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских в Лопуши. Предание сообщает, что посланным в 1288 году от Черниговского и Брянского князя Романа Михайловича в Киевский

Печерский монастырь – даны были из этого монастыря, кроме известного образа Божией Матери, две другие иконы, среди которых была, и икона Святителей. Святая икона явилась одновременно с иконой Свенской Печерской Божией Матери, на вязовом дереве в Лопуши. Примечательно, что по сведениям второй половины XIX века в селе указывали место явления иконы, в котором были на тот момент отростки вяза [15, С.657-658]. Я лично был свидетелем существования в селе (как раз в центре древнего селища) огромного старого вяза. Это было единственное в округе дерево возрастом более 150 лет, которое спилили около 1998-2000 гг. Этот вяз находился практически рядом (около 20 м) с предполагаемым местом расположения древнего храма (ссылка). В непосредственной близости были найдены и описываемые в статье детали книжных переплётов. Все вышеуказанные сведения достаточно хорошо сопрягаются между собой, что даёт повод считать гипотезу о существовании в XIII в. храма на поселении весьма состоятельной.

В период XII-XIV вв. приоритетной группой читателей книг было духовенство, бояре и князья. Соответственно они же являлись и заказчиками книг, а также организовывали их переписку, и «вкладывали» книги в церкви и монастыри. В качестве примера организации книгописания, в истории Древней Руси не имеет аналогов деятельность Владимиро-Волынского князя Владимира Васильковича. Этот Князь во второй половине XIII века фигурирует как инициатор книгописных работ вместе со своей женой княгиней Ольгой Романовной [16, С.251]. Примечательно, что княгиня эта приходилась дочерью князю Роману Михайловичу Брянскому. Сохранившиеся записи содержат упоминания о написании Ольгой книги совместно с мужем [17, С.319-322]. В домонгольское время княгинь, как и княжичей с самого раннего возраста обучали грамоте [18, С.137-146]. Грамотность, очевидно, так же была и в среде лопушских жителей. Помимо находок книжной гарнитуры на селище были найдены фрагменты керамики с граффити в виде букв древнерусского алфавита [19, С.58-60].

Следующая группа предметов показывает нахождение в Лопуши книг с применением в их переплётах уже западноевропейской системы застёжек на пробой (рис.6). Такая система застёжек начала бытовать на восточнославянских переплётах начиная с рубежа XIV-XV веков [5, С.181] и постепенно заменила византийский тип. В этот же период (с конца XIV века) происходит перемена в использовании материала для письма книг. Появляется бумага взамен пергамента. Далее, начиная с середины XVI в. застёжки на пробой несколько изменяются и приобретают классический вид, который использовался до конца XVII в., и позднее на переплётах старообрядческих и единоверческих изданий вплоть до начала XX в.

Таким образом, Лопушские находки этой группы застёжек можно хронологически разделить на периоды с начала XV по середину XVI вв., и со второй половины XVI по конец XVII в. Общее количество обнаруженных элементов переплётов данной группы составляет 10 предметов. Из них 9 пряжек и один пробой. Все пряжки разные, из чего следует, что обнаруженные предметы относились 9-10 различным книгам.

В период XV в. началось использование застёжек с составными пробоями (рис.7) или по терминологии, предложенной исследователями из Санкт-Петербурга – пробой со вставной перекалиной [20, С31-45]. В Лопуши обнаружен фрагмент накладного пробоя, который предположительно может быть отнесён к данному типу (рис.8). Предмет представляет из себя накладную деталь, выполненную из медного сплава методом литья. Лицевая часть изделия украшена характерным циркульным орнаментом. Орнамент выполнен механическим способом после литья. В центре отфрезерованной окружности выполнено углубление в материале.

Углубление образовано, вероятно, сверлом. Сама окружность очерчена, по всей видимости, вращающимся полым цилиндрическим инструментом. Углубление и окружность имеют небольшие смещения относительно их общего центра, что свидетельствует о выполнении операций последовательно различными инструментами. На поверхности так же присутствуют следы коррозии от железного фиксирующего гвоздя

В особую группу выделяются пряжки с крючком, имеющие характерную фигурную (зооморфную?) форму основания в месте крепления к ремешку и выполненные исключительно из листового материала (рис.9). Все пряжки имеют утонение толщины металла в зоне фигурной формы основания. Это хорошо видно на снимке бокового вида пряжки №5 (рис.10). Так толщина листа возле крючка пряжки составляет 1-1,3 мм, а в зоне фигурного основания 0,6-0,7 мм. Этот эффект был получен, вероятно, плющением листового материала заготовки при изготовлении изделия. Возможно, что утонение материала в данном месте было необходимо чтобы облегчить процесс вырезки формы основания (?), поскольку его зооморфная форма образована именно путём резки. Пряжки №1,2,5,6 имеют украшение в виде циркульного орнамента, а на пряжке №1 дополнительно имеется рисунок с насечкой (Рис.12).



Рис.7 Пример накладного составного пробы.



Рис. 8.



Рис.9.



Рис. 10

Циркулярные орнаменты пряжек были нанесены тем же способом, что и для составного пробоя. Изображение орнамента хорошо различимо на пряжке №6 (рис.11). Диаметр внешней окружности циркулярного орнамента пряжек составляет от 3,1 до 3,8 мм, а диаметр углубления в их центре 1,2-1,9 мм. На пряжке №1 (рис.12) присутствует дополнительный орнамент в виде насечки, образованный чеканкой или накаткой. На всех пряжках данной группы отверстия под крепление ремешка выполнены методом пробития изделия. Об этом свидетельствует остаточная деформация материала вокруг этих отверстий, которая хорошо видна на изображениях (рис.10,11). Следы использования железных заклёпок для крепления пряжек к ремешкам присутствуют на изделиях №1,5,6,7. На пряжке №2 сохранилась заклёпка из медного сплава

При поиске аналогичных пряжек из археологических коллекций удалось найти идентичный экземпляр, происходящий из культурного слоя конца XIV начала XV века окольного города древнего Суздаля [21, С.138-141], а так же фрагмент пряжки из слоя первой половины XV века с селища Михали-3 под Суздалем. Застёжка такого же типа известна из раскопок у Благовещенской церкви в Чернигове [7]. Датировка, к сожалению, не приводится, вероятно, ввиду нахождения предмета в переотложенном состоянии слоя.

Ещё одна идентичная пряжка известна из собрания предметов Московской Синодальной библиотеки. Она представлена в работе по истории и технике переплётного дела П. Симони как «застёжка очень старого типа» [22, Табл. LVIII №87]. Сопоставляя имеющиеся сведения по истории книжного переплёта и сведения о датированных находках из археологических источников, можно заключить, что вышеописанные находки второй группы могут быть отнесены к периоду конца XIV – началу XVI вв.

Почти без сомнения можно сказать, что эти находки из Лопуши являются элементами церковных книг. До середины XV века в Великом княжестве Литовском книга функционировала только в великокняжеском окружении, в среде удельных князей, церковных иерархов и священников [23, С.61]. Попробуем более детально разобрать временной период для данной группы застёжек с целью выявления возможных сведений и признаков о наличии на Лопушском поселении церковного прихода. Так в документах литовской метрики от 1497 г. [24, Документ 231] сообщается о запусении (не было ни пашни, ни людей) поселения до момента его передачи князю Ивану Андреевичу Можайскому, то есть до 1465 г. Запущение было видимо относительно не долгим, и могло быть связано с разорением брянских окрестностей татарскими царевичами в 1445 [25, С.22], или возможными боевыми действиями в округе после передачи Брянска в 1449 г. Михаилу Сигизмундовичу [26, С.214]. До запусения, поселение очевидно имело высокий статус, что характеризуется некоторыми интересными монетными находками чеканки 1399-1401гг. Брянского князя Романа Михайловича, дангами хана Узбека



Рис.



Рис.12

11

чеканки 1412г и Бека Суфи 1419 г, а также находками пражских грошей 1378- 1415гг. Помимо нумизматических памятников на поселении найдены кресты-тельники XIV начала XV веков. Князь же Иван Андреевич построил двор на том Лопаше, да привернул к нему ещё ряд близлежащих селений [24, Документ №231]. В 1496 году село Лопашь с людьми и окрестностями уже было пожаловано Господарем во владение другому князю Тимофею Андреевичу Капусте [24, Документ 212]. При этом в документах нет никаких упоминаний о наличии храма. Из данных сведений можно предварительно установить вероятное отсутствие церковного прихода в Лопуши в период второй половины XV в. Однако в конце XIV, и до конца первой четверти XV вв. (до запустения), в Лопуши вполне мог существовать церковный приход. Он мог функционировать ещё со времени образования Брянской епископской кафедры в XIII в., о чём говорилось выше. А на рубеже XIV-XV вв., во время руководства Брянской кафедрой архиепископом Исаакием, храм мог получить новые церковные книги. В 1408 г. Исаакий сопровождал из Брянска в Москву литовского князя Свидригайла Ольгердовича “прииде к великому князю из Добрянска князь Литовский Швидригайло Ольгердович служить, а с ним владыка Добрянский Исаакий, да с ним же..князь Михайло Хотетовский с брянскими боярами” [27, С.31]. Великий князь Василий Дмитриевич принимал гостей с особым радушием. Отмечу, что переходы князей в первой половине XV века с литовской службы и обратно происходили в отсутствие религиозной границы (кром). Возможно, что именно в этот период, из Московско-Владимирского региона (где были найдены аналогичные предметы), для нужд Брянской Епархии и её приходов (в числе которых могла быть и Лопушь), могли поступать церковные книги с обиходными переплётами на новых типах застёжек. Нельзя исключать и то, что какие-то книги могли попасть на двор Лопашь и в период его возрождения князем Иваном Андреевичем.

Другим, возможным временем появления в Лопуши церковных книг с тем же типом застёжек, мог быть период не ранее конца первой четверти XVI века. Время, когда на смену прежних поземельных отношений (которые довольно долго сохранялись с присоединения северских земель к России в 1500 г.) внедрялась поместная система [28, С.82].

В этот же период, после завоевания Смоленска в 1514 году, Брянская епархия была присоединена к Смоленской. Все эти факторы по всей видимости способствовали развитию Лопуши уже в первой половине XVI века. Об этом говорят многочисленные находки монет Ивана IV чеканки 1535-1547 гг и более позднего времени, а также находки крестов-тельников и нескольких наперсных крестов, датируемых не позднее конца XVI века [1, С.22-24]. Вероятно, именно в этот период в Лопуши появляется (возрождается?) новый храм, куда соответственно должны были поступить и книги. Однако данный период не совсем согласуется с ранее

обозначенными данными по археологии, где аналогичные застёжки по датировкам слоёв не выходят за период второй половины XV века. Но можно осторожно предположить, что в храм поступали старые (изготовленные ещё в XIV-XV веках) книги. Так, например известны свидетельства о вложении в Чудов монастырь в XVI веке книг XIV века [29, С.120]

Следующий период, со второй половины XVI века, представлен двумя пряжками (рис.13,14) от двух разных книг. В восточнославянских обиходных переплётах со второй половины XVI века начинают использоваться застёжки на пробой, так называемого классического типа [5, С.181-182]. Найденные в Лопуши застёжки этого типа можно отнести к периоду второй половины XVI – XVII веков. Одна из пряжек (рис. 13) изготовлена из листовой меди по похожей с предыдущим периодом технологии, имеет так же загиб-крючок на конце. Однако сама форма пряжки уже претерпела изменения. Данная пряжка может являться переходной по стилю и может быть отнесена ко второй половине XVI века. На поверхности присутствует циркульный орнамент (рис. 13), состоящий из 2-х окружностей и углубления в их центре. Орнамент образован механической обработкой - сверлением. Цвет патины тёмно-зелёный. В отверстиях для крепления к ремешку присутствуют коррозированные остатки железных заклёпок. Сами отверстия были пробиты. Габаритные размеры пряжки 26x14,2мм. Толщина листа от 0,4 мм у основания, до 0,8 мм у крючка. Вес 1,14 г.

Вторая пряжка (рис. 14) изготовлена методом литья, и имеет уже классическую форму и тип крючка, которые использовались на всём протяжении XVII века и затем воспроизводились на старообрядческих переплётах. На пряжке, методом сверления и гравировки выполнен циркульный орнамент, а так же сквозные отверстия. В одном из отверстий присутствует



Рис.13.



Рис. 14

коррозированный остаток железной заклёпки. Сами отверстия и орнамент выполнялись после отливки изделия. Отливка выполнена в двусторонней форме, о чём говорит литевой шов на боковой поверхности изделия. Габаритные размеры пряжки 32,3x16мм. Вес предмета 2,55г. Необходимо особо отметить чёрный цвет патины материала застёжки. Такой цвет свидетельствует о высоком содержании меди в сплаве. Такие сплавы были характерны для изделий мелкой пластики Тверских и Новгородских литейных мастерских начиная с XV века [30].

Откуда могли поступать книги в Лопушь во второй половине XVI века? Этот вопрос представляет собой отдельную весьма интересную задачу. Отмечу только, что известны факты переписки книг в середине XVI века на территории самой Смоленской и Брянской епархии [31, с.161]. После смутного времени в регион массово начали поступать книги московского

печатного двора. В этой связи интересным является анализ состава книг полученных в результате экспедиций МГУ в 1971-1976 гг проходивших в основном на территории современной Брянской области [32, с.294-301]. Было собрано 75 старопечатных книг периода второй половины XVI–XVII веков. Из них 13 книг 1560-1611 гг., и 62 книги 1620-1689 гг. Период конца XVI и первого десятилетия XVII века представлен 5 книгами московской печати, и 8 книгами, напечатанными в Вильно, Остроге, Евье и Крилосе. Период со второго десятилетия XVII века представлен исключительно московскими изданиями за исключением 2-х книг Киевского производства и 1 книги Львовской печати.

Возвращаясь к самим находкам, отметим, что практически все они были найдены в районе участка, выделенного как предположительное место расположения древнего храма известного по письменным упоминаниям начала XVII века [1, с.5]. Обилие книжной фурнитуры в этой зоне так же косвенно подтверждает гипотезу о расположении храма в данном месте, который очевидно не раз подвергался разорению и сожжению вплоть до начала XVII века [33]. При пожарах храмовых построек, соответственно страдали и книги. Так же обращает на себя внимание отсутствие в указанной зоне находок элементов книжной фурнитуры более позднего периода второй половины XVII-XVIII вв. Это, возможно связано со стабилизацией обстановки и прекращению каких-либо набегов и разрушительных военных действий на поселении после окончания смутного времени. В 1620 году на месте сожжённой церкви была часовня. В 1624 году в Лопуши существовала пограничная застава, возглавляемая сыном боярским Иваном Андреевичем Масловым [1, с.10]. Вероятно, при нём же на месте часовни была построена новая небольшая церковь, которая упоминается в 1628 году как действующая. Известно, что на её месте в 1753 году в селе была построена новая небольшая церковь. Чуть позднее, в 1783 году в селе была построена ещё одна новая более просторная церковь, но в другом месте (примерно 200-250 м от старого храма). Таким образом некоторое время в селе существовали одновременно постройки 2-х церквей. В 1808 году здание церкви на древнем месте было продано под выжиг кирпича [34, с.214-217]. А церковь на новом месте расширялась. На рубеже XVIII-XIX вв. на средства помещицы Масловой, вероятного потомка вышеупомянутого главы лопушской заставы XVII века, был устроен придельный алтарь во имя Николая Чудотворца. Здание церкви просуществовало до середины XX века, и, к сожалению, не сохранилась до наших дней. Участок её бывшего расположения в данный момент занят частной усадьбой, что затрудняет его исследования. При этом книги с переплётами и классическими застёжками, конечно, продолжали бытовать в Лопушской церкви. Известные сведения XIX в. сообщают о нахождении среди священных древностей церкви села Лопушь старопечатного издания Евангелия 1688 года [35, с.390].

С распространением гражданской печати в конце XVIII начале XIX века книга вошла в провинциальную среду дворян и помещиков. Интересно отметить сведения середины XIX в. о богатой библиотеке в доме Варвары Алексеевны Масловой [36, с.15-18]. Упоминаемые в этих сведениях книги относятся к гражданским изданиям конца XVIII начала XIX вв. Однако книги этого периода переплетались картоном и уже, как правило, не имели металлических застёжек.

Как видно, книга являлась предметом, использовавшимся в Лопуши почти не прерывно начиная с периода не позднее середины XIII века. Как отмечалось в начале статьи, детальное изучение металлических элементов книжных переплётов по данным археологии является важной задачей на пути изучения истории переплётного дела. Вопросы изучения стилистики, технологии изготовления и мест производства книжных застёжек пока остаются не до конца решённой проблемой. Решение станет возможным по мере накопления и систематизации информации о документированных находках.

Библиографический список

1. *Новожеев Р.В., Брешков Р.В.* Древности села Лопушь. Материальная культура деревни среднего подесенья в XI-XVII веках. Брянск: БГСХА, 2012. – 80 с.
2. *Поляков Г.П.* Домонгольские христианские древности сел-замков Брянского Подесенья // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 году. Брянск, 2015.
3. *Мокрецова И.П.* Средневековый книжный переплет : история, материалы и техника, принципы реставрации. – М.: РГГУ, 2005. – 82 с.
4. *Дзензелюк Л.С.* Изучение конструкции древней книги – важный фактор подготовки будущих реставраторов. <https://sworld.com.ua/konfer27/190.pdf> Обращение 15.08.2022.
5. *Гальченко О.М.* Оправа східнослов'янських рукописних книг та стародруків в Україні: історія, структура, опис. – Киев: НБУВ, 2005. – 376 с.
6. *Пескова А.А., Кононович А.Ю.* Писала и книжные застёжки из раскопок на Большом Шепетовском городище // Археологические вести. 2021. Вып. 31. СПб., 2021. С. 264-276.
7. *Черненко Е.Е.* Чернигов и нашествие монголов // Stratum plus. 2016. № 5. Нашествие. Пределы катастрофы XIII века. С. 83-98.
8. *Зайцева И.Е.* Предметы христианского культа из раскопок Серенска // Археология Подмоскovie, 2009. № 5. С. 213-223.
9. *Шинаков Е.А., Новожеев Р.В.* Лопушь: погост или частновладельческое село? // Вестник Орловского государственного университета. 2013. № 3. С. 56-59.
10. *Брешков Р.В.* Новые данные о находках крестов-энколпионов в Лопуши // История. Общество. Политика. 2021 №4 (20). С. 81-91.
11. *Гурьянов В.Н., Чубур А.А., Шинаков Е.А.* Разведочные работы на селище Лопушь // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2012 г. – Гомель: ГГУ им. Франциска Скорины, 2013. Вып.2. С.129-132.
12. *Феннел Д.* Кризис средневековой Руси 1200-1304. – М.: Прогресс, 1989. – 291 с.
13. *Волков Н.В.* Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI-XIV вв. и их указатель. – СПб. 1897. – 96 с.
14. *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI-XIII вв. – Л.: Наука. 1978. – 241 с.
15. Явленная и Чудотворная икона Святителей Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских, в селе Лопушь, Трубчевского уезда // О явленных и чудотворных иконах в пределах Орловского края, в период зависимости его от Черниговской и Рязанской епископий (до конца XV-го века) // Орловские Епархиальные ведомости №10, 1870.
16. *Столярова Л.В.* Начальный период в истории книги Древней Руси (XI - XIV вв.) // Люди и тексты. Исторический альманах. № 3: Историческое знание в контексте книжной культуры. М.: Институт всеобщей истории РАН. 2013. С. 243-290.
17. *Полякова С.Г.* Ольга-княжна Брянская, княгиня Волынская – и её генеалогия // Деснинские древности III. Брянск, 2004. С. 319-323.
18. *Аскарова В.Я.* Формирование представлений о читателе древней Руси XI - XV вв. // Вестник Челябинского университета. 1999. № 2(9) Серия 2: Филология. С. 137-147.
19. *Гурьянов В.Н.* Граффити на керамике с селища Лопушь // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XV Всероссийской научной конференции. – Калуга, 2013. С. 58-60.
20. *Крушельницкая Е.В., Стриженко Э.В.* К вопросу унификации специальной терминологии при описании переплетов славянских рукописей в системе электронного каталога // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. Отв. ред.: А.А. Романова. СПб.: Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), 2004. С. 31-47.
21. *Федорина А.Н., Красникова А.М., Шполянский С.В., Угулава Н.Д.* Селище и могильник Михали 3 под Суздаlem // Археологические открытия 2018 года. М., 2020. С. 138-141.
22. *Симони П.* Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси. СПб., 1903. – 307 с.

23. *Циценене Р.* Рукописная книга и ее рецепция в Великом княжестве Литовском XIV–середины XVI вв. // *Slavistica Vilnensis* 2013, Kalbotyra 58(2). С.59-78.
24. Акты,относящиеся к истории западной России. Сборник документов канцелярии Великого князя Литовского Александра Ягеллончика 1494-1506 гг., Институт российской истории РАН, т. 1(6) / Под ред. *С. М. Кашианова*. – М. – СПб: Нестор-история, 2012. – 664 с.
25. *Дмитриев Ф.* История Брянска. Орел : типография. А.Н. Хализева, 1894. – 71 с.
26. *Шинаков Е.А.* От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времён до XVII. М.: Центрполиграф, 2018. – 351 с.
27. *Пясецкий Г.М.* История Брянской епархии с древнейших времен до 1820 г. Брянск: Десяточка, 2011. – 431 с.
28. *Кром М.М.* Стародубская война. 1534-1537. Из истории русско-литовских отношений. М.: Рубежи XXI, 2008. – 140 с.
29. *Вздорнов Г.И.* Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца первой трети XV в. // *Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси* (Институт русской литературы. Труды Отдела древнерусской литературы. Т.22. – Л.: АН СССР, 1966. С.119-143.
30. *Гнутова С.В., Зотова Е.Я.* Кресты. Иконы. Складни. Медное художественное литье XI — начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, М.: Интербук-бизнес, 2000. – 136 с.
31. *Усачев А.С.* О географии написания русских рукописных книг в XVI в. (материалы к истории книги в России) // *Петербургские славянские и балканские исследования*. 2015. № 1 (17). С.141-168.
32. *Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М.* Каталог книг кириллической печати XV-XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М.: МГУ, 1980. – 360 с.
33. Писцовые книги Брянского уезда 1627-1629 гг. РГАДА Ф.1209. оп.1 Д.10231. Л.109-109об.
34. *Вязьмитин О.Р., Шахотин А.В.* Храмы Трубчевского уезда. – Брянск: Белые берега, 2013. – 421с.
35. *Пясецкий Г.М.* Описание священных древностей, находящихся Трубчевского уезда села Лопуши в Афанасьевской церкви // *Орловские епархиальные ведомости*. 1865. №18.
36. *Алексеев В.П.* Лопушский книголюб // *Госпожа Бовари Трубчевского уезда* (рассказы из жизни Брянских дворян первой половины XIX века) / Пересвет. 1992, № 8. – 63 с.



Сведения об авторе:

Брешков Роман Владимирович – историк-краевед, производственно-конструкторское предприятие ВЭЛКО-2000, г. Королёв, Московская обл. E-mail: breshkov@mail.ru

УДК 94(470.32+477-11)"11/14"

Д. И. Чурсин

МИЛОЛЮБЛЬ С ОКРУГОЙ В XII–XV вв.

Аннотация: В статье проводится анализ письменных, археологических и нумизматических источников, касающихся района Верхнего Подонцовья в эпоху Средневековья. Один из городов региона, Милолюбль, ассоциирован с Крапивенским археологическим комплексом, находящимся в Белгородской области. Наиболее вероятным временем его основания оказывается промежуток 1097–1127 гг., а упадка – 1432–1449 гг. В целом историю Милолюбля и округа можно разделить на три периода: домонгольский (до 1239 г.), ордынский (1239–1397 гг.) и литовский (1397–1500 гг.).

Ключевые слова: Путивльский уезд, Северский Донец, Крапивенское городище, Дешт-и-Кипчак, Еголдай

D.I. Chursin. Milolubl city and its environs in the 12th – 15th centuries

Abstract: The article analyzed of written, archaeological and numismatic sources relating to the Upper Donets region in the Middle Ages. One of the cities in the region, Milolubl, is associated with the Krapivensky archaeological complex, located in the Belgorod Oblast. The most probable period of its foundation is 1097–1127, and the period of decline – 1432–1449. In general, the history of Milolubl city and surroundings can be divided into three stages: pre-Mongolian (until 1239), Horde (1239–1397) and Lithuanian (1397–1500).

Keywords: Putyvl district, Seversky Donets, Krapivnoe hillfort, Desht-i Qipchaq, Jagoldai

Источники Нового времени и локализация

В 1628–1629 гг. московским дворянином Петром Мусор(г)ским и подьячим Поместного приказа Гавриилом Фёдоровым было проведено писцовое описание Путивльского и Рыльского уездов, материалы которого в наши дни выступают ценнейшим источником, позволяющим производить ретроспективные географические реконструкции вплоть до древнерусского времени. В этом плане особенно выделяется хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов «Подлинная писцовая книга государевых оброчных, поместных и монастырских бортных ухажьев и всяких угодий» Путивльского уезда (по примеру Елены Русиной [128, с. 373–374] будем именовать её оброчной книгой)*. В ней содержатся сведения не только о существовавшей в то время административно-территориальной структуре уезда, но и о некоторых единицах данной структуры, что по каким-то причинам из неё выбыли. Так, по данным оброчной книги, Клепецкая, Тешковская, Коренская, Хотенская, Немирская, Лосицкая и Синецкая волости «запустили от литвы»† [127, л. 35]. Восточная часть путивльских земель ещё в конце XVI в. перешла в состав новообразованных уездов. К примеру, в оброчной книге указывается, что «на реке на Донце волость Милолюбская, Донецкая тож, ...со всякими угодьями отдана к Белугороду» [109, л. 537 об.–538]. Эту информацию подтверждает отдельная книга 1599 г., где значится «волость Донецкая по реке по Донцу от Белугорода вниз, а в ней было за помещики 14 ухажьев бортных с рыбными и з звериными ловлями з бобровым гоны. <...> А ныне по государеве, царе и великого князя Бориса Федоровича всея Руси грамоте, Донецкая волость, по Донцу юрты, которые были отданы за помещики, отданы донецким атаманом и казаком, которым быти на Донце по перевозам, от татар и от черкас беречи»‡ [102, л. 119–119 об.].

* За помощь в работе с данным источником благодарим Александра Винограденко.

† «Запустевшие» волости были полностью или частично захвачены Речью Посполитой в результате экспансии, начавшейся ещё в XVI в. и особенно активной в Смутное время. Сложившаяся за эти годы принадлежность тех или иных земель закрепились после Деулинского перемирия. Часть Тешковской волости к западу от реки Терн отошла к землям Польской Короны, в восточной же её части продолжали существовать ухажьи путивльских бортников. Подданными Речи Посполитой были заняты также значительные части Немирской и Лосицкой волостей.

‡ В состав Белгородского уезда перешла не только Донецкая волость. В отдельной книге упомянуто 111 бортных ухажьев, «что отмежевано от Путивля к Белугороду в Мужетцкой, да в Хотим[ыш]ской, да в Лосицкой, да в Ницанской волости» [102, л. 107]. Большая часть промысловых угодий в этих волостях, судя по материалам

Рубежи Донецкой волости в основном соответствовали междуречьям, по которым пролегали степные пути, такие как Муравский и Изюмский шляхи. Её граница с соседней Хотмышской волостью могла проходить вдоль Днепро-Донского водораздела, по междуречью Северского Донца и Ворсклы [137]. По-видимому, водораздел отделял Донецкую волость и от Мужецкой, занимавшей земли в верхнем течении Псла. В отдельной книге описан рубеж Белгородского и Оскольского уездов, очевидно, совпадающий с восточной границей Донецкой (Милолюбской) волости: «...от верх речки Корени и Корочи по Изюмскую сакму, на праве земля Белгородского уезда, а на леве земля Оскольского уезда, а вниз по Осколскому Изюмскую сакмою к верх Волчьим Водам, а от верх Волчьих Вод по Изюмскую сакму вниз Осколом, на праве земля Белгородского уезда, а на леве земля Оскольского уезда» [102, л. 123–123 об.].

Двойное название Донецкой (Милолюбской) волости связано с двумя городами, когда-то находившимися в её пределах. Первый из них – Донец – впервые упоминается под 1185 г. в т. н. Киевском своде, входящем в состав Ипатьевской летописи* [113, стб. 651]. Общепринятую локализацию этого города предложил в начале XIX в. Николай Карамзин, отождествивший его с Донецким городищем на реке Уды, означенным в Книге Большому чертежу и станичной росписи 1571 г. [62, с. 432, прим. 73; 71, с. 71; 3, с. 15]. Второе название Е.В. Русина соотносит с Милолюблем («*Milolubl*»), первое достоверное упоминание которого содержится в латиноязычном «Списке городов Свидригайла», составленном в Великом княжестве Литовском в сентябре 1432 г. [128, с. 377; 110, с. 525]. Наличие в конструкции данного ойконима посессивного форманта *-jъ*, почти не употреблявшегося при образовании новых названий после XII–XIII вв. [134, с. 390; 83, с. 49; 25, с. 73; 85; 168, с. 146], свидетельствует о возникновении города в домонгольское время. Происхождение его названия связывается с реконструируемым лингвистами славянским именем Милолюб [82, с. 219, 228; 84, с. 14; 35, с. 36]. В отличие от Донца, Милолюбль входил в состав Еголдаевой тьмы – татарского феода, более полувека просуществовавшего на литовских землях и разделённого на несколько самостоятельных частей в конце XV в.[†] В начале XVI в., вскоре после распада Еголдаевой тьмы, Путивльский

писцового описания 1628–1629 гг., осталась в руках путивльцев [127, л. 21 об.–23 об., 25–27, 30 об.–32]. В ряду путивльских земель продолжило числиться и Карпово сторожевище на Ворскле [54, с. 230].

* Факт упоминания Донца в летописном тексте в своём роде уникален, поскольку до наших дней дошло совсем немного сообщений, хоть сколько-нибудь подробно освещающих географию юго-восточных окраин домонгольской Руси. Известие об этом городе виделось средневековому хронисту очень важным в контексте действительности (согласно ему, именно в Донец прибыл бежавший из половецкого плена новгород-северский князь Георгий-Игорь Святославич, известный нам как герой «Слова о полку Игореве»). Достаточный перечень населённых мест региона появится только в XV в., и в нём Донец уже будет фигурировать наравне с соседними городами.

[†] Гипотеза о возникновении Еголдаевой тьмы в XIV в., декларируемая Еленой Русиной на основе построений Фёдора Петруня, не находит прямого подтверждения в источниках. Де-факто она базируется на допущении, что традиция упоминания «тьмы» в крымско-литовской дипломатической документации восходит непосредственно к ярлыку, выданному ордынским ханом Токтамышем великому князю литовскому Витовту, географическая номенклатура которого восстанавливается лишь по сходным документам XV–XVI вв. Вероятно, однако, что «*Сараева сына Егалтаева тма*» («*tumyen Szaraiewicza Jagalta*») начала фигурировать в текстах ярлыков лишь со времён Хаджи-Гирея, равно как Мценск, Любутск, Тула и другие пункты, наличие которых там признано позднейшей вставкой [105, с. 135–136; 178, р. 270; 44, с. 274]. На это намекает сама структура ярлыков, в которых «тьма» отделена от составлявших её волостей. Что касается ордынского эмира Ягалтая, фигурирующего в письменных источниках XIV в., то, несмотря на явное тождество имён, соотнесение его с литовским князем Дмитрием-Еголдаем Сараевичем, умершим в XV в., остаётся недоказанным [16, с. 58, прим. 40; 40, с. 149–150]. Имя Ягалтай (Ягалбай, Жагалмай, Жагалбайлы и т. п.), т. е. *сокол* – дербник, кобчик или чеглок, – широко распространено среди различных тюркских этносов в качестве родового с VIII в. [79, с. 108, 138–139, 401, 404–405 (табл. 3), 408 (табл. 4), 479]. Таким образом, наиболее основательно выглядит версия Стефана Кучиньского, согласно которой Еголдаева тьма возникла около 1438 г. Историко-географический обзор данной проблемы см.: [36, с. 53–54].

повет (уезд) переходит под юрисдикцию Московского государства. По-видимому, именно после этого и могло произойти объединение земель, тяготевших ранее к Милолюблю и Донцу, в одну волость.

Город Милолюбль

Где же именно находился Милолюбль? Соотнесение его с деревней Миролубово Курской области, встречаемое в научной литературе рубежа XIX–XX вв. [91, с. 247; 70, с. 293], однозначно опровергается данными путивльской оброчной книги [128, с. 377]. Очевидно, с этим городом следует отождествить какое-либо из укрепленных поселений периода Развитого Средневековья, расположенных на территории бывшей Донецкой волости. Такие городища, как Хорошево (Гуляй-Горка) и Змеево (Гайдары), не подходят на эту роль, поскольку характеризуются как сельские укрепления – «городки». Похоже, в древнерусское время они выполняли роль сторожевых форпостов с немногочисленным населением [165, с. 59; 65]. Что же касается Харьковского городища, расположенного всего в 8 км от Донца, то его роль в волостной структуре не вполне ясна. Самые ранние средневековые культурные напластования памятника относятся лишь ко второй половине XIII – XIV вв., т. е. ко времени, когда Донец испытывает частичное запустение [30; 33, с. 334; 32, с. 245; 164, с. 359–360]. Согласно предположению Ирины Голубевой, уже в 60-х гг. XIV в. Харьковское городище обезлюдело [31, с. 188], однако известие о находке монеты с именем ордынского хана Токтамыша, правившего в 1379–1398 гг. [159, с. 151], позволяет отнести упадок поселения на месте будущего Харькова к концу столетия. Нельзя исключать возможность его существования ещё в домонгольское время (с ним могут быть связаны погребения XI–XII вв., обнаруженные в центре Харькова [9, с. 346]), однако о значительности поселения в тот период говорить не приходится. Таким образом, в рассматриваемом нами районе остаются лишь два пункта, судя по размерам и разнообразию остатков материальной культуры, представлявших собой полноценные города.

Так как Донецкое городище убедительно ассоциировано с Донцом, Милолюбль имеет смысл соотнести с археологическим комплексом, расположенным на реке Корень близ села Крапивное Шебекинского района Белгородской области [157, с. 101–102]. Крапивенский комплекс обладает явными городскими признаками*, имеет собственную поселенческую округу и находится ближе всего к Мужечу и Осколу – местам, составлявшим, наряду с Милолюблем, Еголдаеву тьму†. Пик заселённости комплекса пришёлся на XII – первую половину XIII вв.: согласно Александру Дьяченко, именно этим временем датируется подавляющая часть собранного здесь керамического материала. Впрочем, ещё в IX–X вв. здесь проживали носители роменской археологической культуры, свойственной представителям летописной славянской общности северян [47, с. 104–105]. При этом Крапивное в силу автономного расположения не тяготело к роменско-древнерусскому «верхнедонецкому скоплению памятников», которое представляется местообитанием отдельного «малого племенного образования» на северянской периферии [97, с. 75–77 (рис. 23, 12; 25, 1), 85–88].

Крапивенский археологический комплекс складывается из городища и нескольких селищ-предградий‡. В 2021 г. он был обследован археологической экспедицией БРОО

* В их числе – усадебно-дворовая планировка т. н. окольного города (укрепленного посада), а также находки кузнечных шлаков, литейных форм, ювелирного пинцета и железного писала (стиля), указывающие на развитие ремесла и грамотность населения [47, с. 104].

† Оскол ассоциирован с Холковским городищем на реке Оскол, а Мужеч – с Гочевским археологическим комплексом на Псле [54, с. 19; 61, с. 271; 157, с. 97–100].

‡ Александр Дьяченко выделил в составе Крапивенского археологического комплекса семь селищ. В настоящее время они рассматриваются как связанные между собой объекты – остатки нижнего (селище «Крапивное – 2», соответствующее селищам №№ 1, 2 и 6 по А.Г. Дьяченко) и верхнего посадов («Крапивное – 3», ранее – селища №№

«Общество любителей древней истории» под руководством Виктора Каменева и Андрея Божко*. В ходе разведочных работ выяснилось, что керамика XIV–XV вв. присутствует лишь в культурном слое восточной части Крапивенского городища. Отсюда будет логично предположить, что в ордынский период площадь городской застройки сильно сократилась – быть может, даже до размеров единственной улицы, протянувшейся вдоль края городищенского мыса. По информации краеведа Сергея Петрова, с территории окольного города происходят джучидские монеты, выпущенные в Сарае ал-Джадид: пул с цветочной розеткой, чеканенный в промежутке с 1350 по 1352 гг., и данг, формально датируемый 1380/81 г. Что касается неукреплённых частей комплекса, то там также обнаружили материалы, относящиеся ко времени после монгольского нашествия. Местный житель передал членам вышеуказанной экспедиции ряд предметов, найденных на селище «Крапивное – 3». В их число вошли два джучидских данга: 1384/85 (монетный двор Крым) и 1400/01 (чекан Орду Муаззам) гг. выпуска (**рис. 1, 1–2**). В ходе археологической разведки на этом селище были обнаружены фрагменты керамики XIII–XV вв. и обломки чугунных котлов. Пик распространения аналогичных сосудов в Елецкой земле пришёлся на последнюю четверть XIV в. [149, с. 399–400, 402 (рис. 1, 2–3, 6–7)]. Судя по формам керамической посуды, селище «Крапивное – 2» было заселено в XII–XIV вв. На 2-м участке данного памятника (соответствует селищу №1 по А.Г. Дьяченко) «в 2009–2010 гг. находили татарские монеты второй половины XIII – XIV вв.»[†] [48, с. 63, прим. 6]. В 2021 г. среди подъёмного материала на том же участке был найден обломок чугунного котла второй половины XIV в., а в одном из разведочных шурфов встретились фрагменты керамики XV в. По сообщению С.В. Петрова, помимо различных вещественных находок, относимых к домонгольскому периоду, на 3-м участке селища обнаруживались данги 1346/47, 1360 (оба – чекана Сарая ал-Джадид), 1384[‡], 1392[§] и 1394/95 (монетный двор Белед Сарай) гг., а также пулы 1310-х (предположительно, чекан Азака), 1351/52 и 1360/61 гг. выпуска (монетный двор Сарай ал-Джадид). Известна грабительская находка из Крапивного – литая иконка-привеска арочной формы, датируемая концом XIV – первой третью XV вв. (**рис. 1, 4**) [182; 139, с. 69 (табл. XIII, 202), 157]. Сведений об обнаружении вещей, бытование которых было бы однозначно приурочено к середине – второй половине XV в., к настоящему моменту не получено. Скорее всего, испытыв некоторое оживление в XIV в., уже в следующем столетии Милолюбль был заброшен.

4 и 7). Ещё одно селище («Крапивное – 5» по А.Г. Дьяченко и Т.Е. Сидоренко), расположенное отдельно от посадов, по своему положению соответствует городскому предместью. Не исключён сугубо хозяйственный характер использования его пространства в древнерусское время. В свою очередь, учитывая топографию местности, выявленное Александром Григорьевичем селище №3 имеет смысл считать частью городища.

* Пользуясь случаем, приносим благодарность А.А. Божко за возможность ознакомления с археологическими материалами, полученными в ходе данного исследования.

[†] Одна из упомянутых монет (**рис. 1, 3**) представляет собой данг Токтамышша, судя по штемпельным связям, чеканенный в Хаджи-Тархане в 1384/85 г. На самой монете указана иная легенда: Сарай ал-Джадид как место выпуска и 782 г. х. (1380/81 г.) как дата. Благодарим Александра Лимарова за возможность публикации, а также Фёдора Ермолова за атрибуцию этой и других монет Крапивенского археологического комплекса.

[‡] Рисунки штемпеля, аналогичные находящимся на данной монете, применялись на монетном дворе Хаджи-Тархана в начале 786 г. х. [52, с. 303 (рис. 4, *Ав13/618, Рев27/653*)].

[§] Штемпельные рисунки идентичны присутствующим на одной из монет, найденных в Воронежской области [171].



Рис. 1. Находки ордынского времени из окрестностей Крапивного: 1 – данг Токтамыша, Крым, 786 г. х. (1384/85 г.), 2 – данг Шадибека, Орду Муаззам, 803 г. х. (1400/01 г.), 3 – данг Токтамыша, Хаджи-Тархан, 786 г. х. (формально – Сарай-ал-Джаид, 782 г. х.), 4 – иконка-привеска, конец XIV – первая треть XV вв., 5 – литое зеркало, XIV в. Поданы без масштаба.

Поселенческая округа

Попытаемся теперь в общих чертах описать округу города. По утверждению Алексея Зайцева, в домонгольское время «характер освоения этих земель был схож с сезонным промысловым использованием лесных угодий того же района в виде "бортных ухажав" жителями Путивля XVI–XVII вв.» [56, с. 80]. Фактически исследователь постулирует отсутствие постоянного сельского населения к югу от реки Псёл, что не соответствует действительности. В результате ряда археологических разведок на юге Белгородской области было выявлено несколько селищ с древнерусскими материалами – «Дальние Пески – 1», «Шишино – 5», «Шебекино – 1», «Чураево – 6», «Никольское – 2», «Пенцево – 3» и «Разумное – 4», – датировка которых в целом соответствует периоду с XI по XIII вв. [163, л. 3; 99, л. 1–2, 6–7, 10, 37–38; 129, с. 41–42; 21, с. 16–19; 5, с. 36–40]. Керамика того же времени обнаружилась в ходе археологических наблюдений за земляными работами при строительстве одного из домов в центре Белгорода. Основываясь на этом факте, А.Г. Дьяченко пришёл к выводу о существовании домонгольского поселения близ устья лога Цыганка, по тальвегу которого проходит современная улица Пушкина [46, с. 16–19]. Ещё одно древнерусское селище было выявлено в черте современного посёлка Старый Салтов Харьковской области Украины [166, с. 71]. В ходе работ на расположенном в той же области селище «Кицевка – 1» археологи обнаружили обломки

керамической посуды XIV–XV вв., а также погребение мужчины-кочевника, датируемое второй половиной XIII – началом XIV вв. [66, с. 248–249; 67, с. 201–203; 68, с. 292–293]. Неподалёку от него, на территории Печенежской поселковой общины, было найдено погребение татарского воина, вещевой комплекс которого отнесён к периоду с 1410 по 1425 гг. [81]. Таким образом, к настоящему моменту выявлено уже 10 пунктов из числа составлявших округу Крапивенского комплекса. Существование как минимум двух поселений можно приурочить к периоду после монгольского нашествия. Так, часть венчиков от горшков, обнаруженных на селище «Никольское – 2» Белгородской раннеславянской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Андрея Обломского (рис. 2), имеет сходство с формами, типичными для керамики Поднепровья второй половины XIII – XIV вв. [101, с. 29 (мал. 1, 4), 31–33 (мал. 3–5)]. Подобные варианты оформления сосудов происходят из комплексов ордынского времени в Посемье (Озаричи, Рыльск), Поворосколье (Полтава) и Подонье (Чернышова гора, Яблоново) [20, с. 101 (рис. 5, 2, 4–5); 26, с. 161 (рис. 1, 6, 16–17), 163 (рис. 5, 3–5, 11–12), 165 (рис. 7, 1–3); 80, с. 58, 61–66 (рис. 17, 2; 21, 3–6; 27); 136, с. 588 (рис. 1, 14, 24); 29, с. 113 (рис. 28, 9–11, 13–20)].

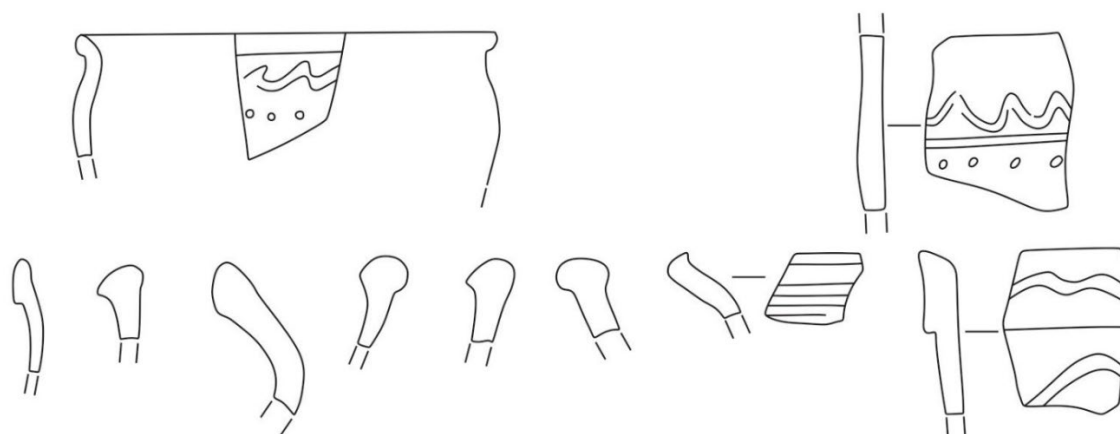


Рис. 2. Древнерусская круговая керамика селища «Никольское – 2». По: [99, л. 156 (рис. 17, 22–31)].

Упомянем также поселения, существование которых в интересующее нас время не подтверждено: «Крапивное – 1», «Чураево – 1» и «Доброе – 1». На этих селищах, выявленных Белгородской раннеславянской экспедицией в 1985 г., были найдены фрагменты круговой керамики, культурную принадлежность которых не удалось достоверно определить. Они могли относиться как к древнерусскому периоду, так и к салтово-маяцкой археологической культуре VIII–X вв., которой были свойственны развитые технологии гончарства [99, л. 2–3, 20–21, 146 (рис. 5, 29), 155 (рис. 16, 4), 174 (рис. 36, 22–23)]. На наш взгляд, данные памятники нуждаются в повторном обследовании, которое помогло бы прояснить их культурно-исторический облик. Весьма противоречивы сведения об обнаружении древнерусских материалов на селищах «Новодоновка – 2» и «Шоповка – 1» («Шопинка») в Харьковской области Украины [100, с. 251, №93; 96; 9, с. 346; 166, с. 70]. Помимо этого, в 2004 г. при проведении археологического надзора за земляными работами в центре Белгорода был обнаружен фрагмент донца красноглиняного кругового сосуда, имеющий сходство с ордынской керамикой XIV–XV вв. Ныне атрибуция данной находки пересмотрена, она признана относящейся к поздне римскому времени (III–V вв.) [53, с. 8, рис. 14, 2, рис. 16; 22, с. 8–9].

Для понимания системы расселения округа Крапивенского комплекса в период Средневековья следует обратить внимание на древний ландшафт, который с достаточной степенью

достоверности устанавливается при помощи почвенных карт (**рис. 3**) [97, с. 25–29, 31 (рис. 4)]. Так, Крапивенское и Донецкое городища расположены внутри своеобразных «островов» серых и тёмно-серых лесных почв (L_2 и L_3), окружённых чернозёмными пространствами. Это свидетельствует о том, что Донец и Милолюбль были спрятаны в глубине широколиственных лесов, служивших естественным укрытием от кочевников и ресурсной базой для промысловой деятельности. Данные массивы-«острова» соединялись между собой лишь одним «мостом», коим служили залесённые берега Северского Донца. Внутри таких массивов локализуется большинство известных древнерусских селищ исследуемого района. Два поселения («Шишино – 5» и «Разумное – 4») находились в зоне лугово-чернозёмных (долинных) почв, удобных для сельскохозяйственной деятельности в силу повышенного гумусирования и слабой залесённости. Ещё одно («Кицевка – 1») располагалось на стыке аллювиальных (пойменных) дерновых почв (A), более всего пригодных для скотоводства и выращивания кормовых культур, и леса на песчаных дерново-слабоподзолистых почвах (Pl^0). В Средневековье могли заселяться и зоны оподзоленных чернозёмов (Ch^n), хорошо подходящие для земледелия, но плохо защищённые из-за разрежённости лесов. Одна из таких территорий занимает обширное пространство в верховьях рек Корени и Разумной, а также на левобережье Северского Донца к северу от современного села Киселёво*. Зоны выщелоченных чернозёмов (Ch^e), соответствующие районам распространения небольших байрачных лесов, также были не слишком безопасными для проживания. К таковым относятся берега почти всех правых притоков Верхнего Донца, а также междуречье Нежеголи и Волчьей. В подобной зоне находится лишь одно известное селище, выявленное А.Г. Дьяченко в центре Белгорода. Наименее привлекательными для оседлого населения оказывались зоны типичных (северных) и обыкновенных среднегумусных чернозёмов (Ch_2), в основном тождественные ландшафтам луговых и типчаково-пыльных степей. В древнерусское время эти пространства были обитаемы значительным количеством кочевников тюркского происхождения. Об этом можно судить по наличию каменных изваяний («баб»), маркирующих места половецких (кипчакских) святилищ. Известно о расположении таковых в районе современного села Бессоновка Белгородской области и к северу от Волчанска Харьковской области Украины (близ Плетенёвки, всего в 15 км от Крапивенского комплекса) [58, с. 42–44; 77, с. 126, 213 (рис. 30, 2)]. Распространение кипчакских кочевий на север подтверждается как вещественными находками, так и летописными сообщениями 1147 и 1191 гг., судя по которым, зимовища половцев достигали среднего течения Оскола, а летовища – верховьев этой реки [148, с. 371–372; 124, р. 82–85; 113, стб. 341–342, 673].

* В XVII в. именно в зоне оподзоленных чернозёмов сформировалась Государева посопная волость, населённая дворцовыми крестьянами и включавшая в себя современные сёла Заячье, Ломово, Новая Слободка, Мазикино, Алексеевка, Городище и Тюрино. Зона лесных почв в то же время осваивалась преимущественно представителями служилого сословия, владевшими землей на поместном праве. Все крупные селения Белгородского уезда – сёла Никольское на Корени (71 двор), Ушаково (60 дворов), Пятницкое, Боровское тож (45 дворов), Никольское у Белого колодезя (ныне Ближняя Игуменка, 42 двора), деревни Чураева (58 дворов) и Устенка (ныне часть города Шебекино, 48 дворов), – находились в пределах этой зоны. Поселяне, однако, всё равно старались концентрироваться в наиболее удобных для земледелия местах. Так, самое большое село уезда – Сажное, насчитывавшее в 1626 г. 107 дворов, – располагалось на границе серых лесных почв и выщелоченных чернозёмов. Второе по величине – Никольское на реке Разумной (ныне Ястребово, 84 двора), – стояло на долинных почвах. Заселение интересующей нас местности в XI–XIII и XVI–XVII вв. проходило в сходных политико-географических условиях [148, с. 156–166; 155], поэтому поселенческая структура региона в данные периоды представляется в общих чертах аналогичной.

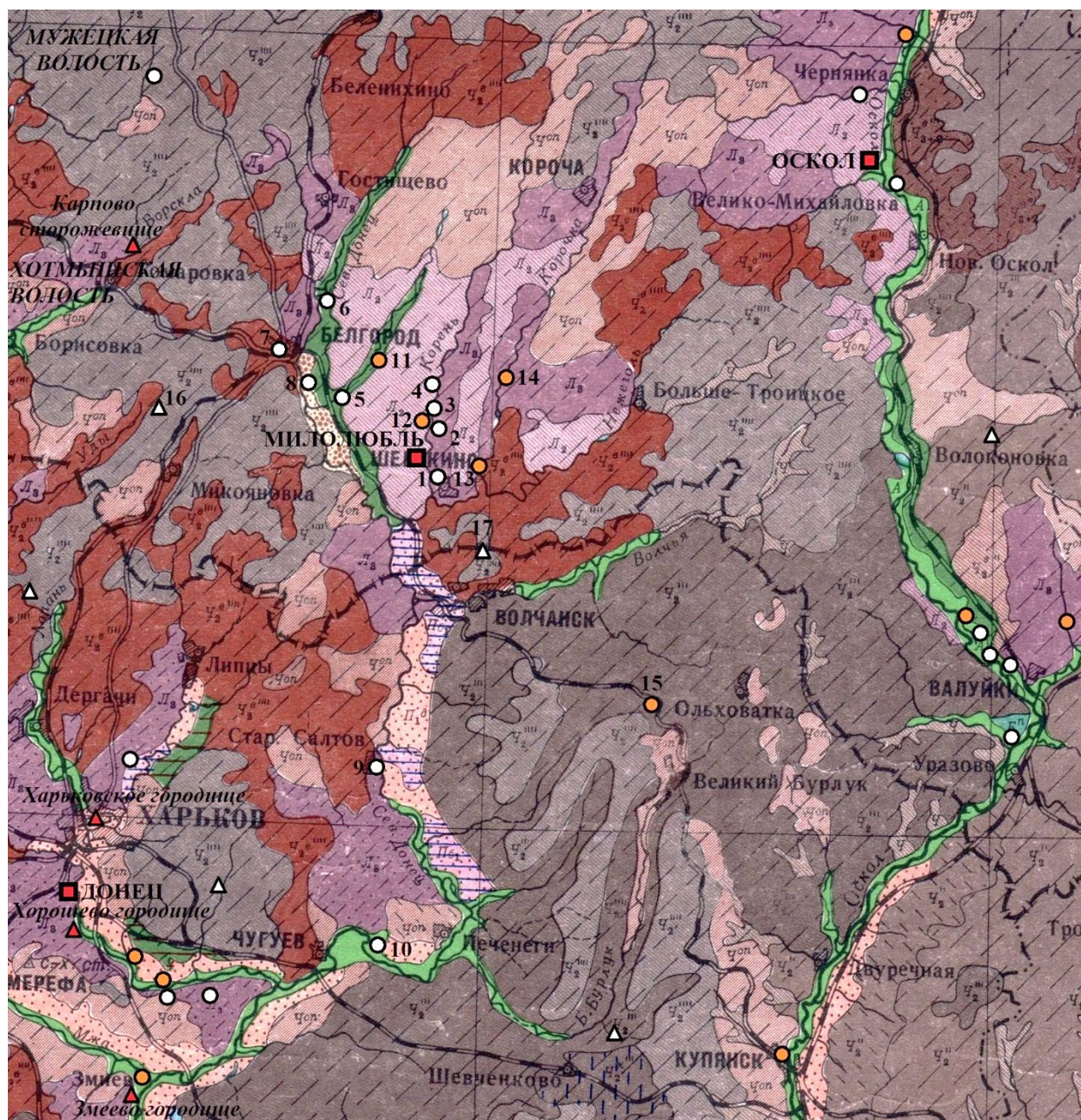


Рис. 3. Округа Крапивенского археологического комплекса в ландшафтном контексте.

Картооснова: [38]. Поселения XII–XV вв.: 1 – Шебекино, 2 – Чураево, 3 – Пенцево, 4 – Никольское, 5 – Разумное, 6 – Шишино, 7 – Белгород, 8 – Дальние Пески, 9 – Старый Салтов, 10 – Кицевка. Находки кладов и отдельных монет: 11 – Ястребово, 12 – Кошлаково, 13 – Доброе, 14 – Стариково, 15 – Приколотное. Половецкие «бабы»: 16 – Бессоновка, 17 – Плетенька

Дополнительные сведения об округе Крапивенского археологического комплекса приносит обращение к топографии кладов и отдельных находок, могущих отмечать места средневековых поселений. По имеющимся данным, таковые обнаруживались по берегам рек Нежеголь

(район г. Шебекино^{*}), Короча (близ Дмитриевки и Доброго[†]), Корень (окрестности с. Чураево[‡] и Кошлаково[§]) и Разумная (район Беловского, Ястребова^{**} и Мелихова). На берегу Северского Донца (в черте Белгорода близ улицы Молодогвардейцев) был найден крест-тельник, датированный XIII в. [104, с. 92, 95 (рис. 5)]. Согласно опубликованным данным, в 1883 г. при распахке поля близ села Стариково в поречье Корочи был обнаружен денежно-вещевой комплекс, сокрытие которого произошло не ранее 70-х гг. XII в.^{††} [162, с. 242–244]. В 2000-х гг. на берегу этой реки в Шебекинском районе находили монеты XIV в., в т.ч. анатолийского происхождения [150; 172]. В начале XX в. в личной коллекции земского начальника Василия Кузьмина хранился платёжный слиток (согласно источнику – *«рубль, ходивший в древней Руси в виде продолговатого куска серебра, отрубленного с одного конца»*), найденный *«на земле крестьян с. Ястребова Белгородского уезда»* [58, с. 42; 59, с. 34]. В 1876 г. во владениях дворянки Е.М. Авдеевой близ того же села было найдено 89 джучидских монет, выпущенных в промежутке с 1313 по 1364 гг. Значительная их часть относилась к чекану Азака. Помимо этого, в данном комплексе встретились сарайские и гюлистанские данги Джанибека, Бердибека, Кульпы, Хызр-хана и Мюрида, а также данги Абдаллаха монетных дворов Орду и Крым [151, с. 149, №104; 90, с. 495 (табл. 4, №4)]. В 1963 г. в черте современного посёлка Приколотное Харьковской области Украины обнаружили денежный комплекс, содержащий монеты XIV в., в т.ч. с именами Мухаммада, Токтамыша, Сююргатмыша и Тимура [159, с. 152]. Судя по составу, он был сокрыт после 1395 г.

Сведения о точных местах частных находок встречаются весьма редко. Где-то в пределах Шебекинского района были обнаружены: данг Абдаллаха 1368/69 г. с надчеканом в виде «черниговского трезубца» [17, с. 135, 139 (табл. 1, *Т1-20*)], данг Каганбека 1375/76 г. [180], именная монета литовского удельного князя Дмитрия–Корибута Ольгердовича Новгород-Северского, датируемая второй половиной 80-х – началом 90-х гг. XIV в. [161, с. 125–126 (рис. 1, *КА1, КР2*)], и подражание дангу Токтамыша, чеканенное в 80-х гг. XIV в. Четыре сходных подражания происходят из комплекса джучидских монет, найденного в Яковлевском районе, т. е. на территории либо Милолюбской, либо Хотмышской волости [36, с. 50, 57 (табл. 1, №53), 59 (табл. 3, №9)]. Известен найденный в Белгородском районе данг, чеканенный при хане Шадибеке (1399–1407 гг.) [173]. К сожалению, совершенно нет данных о локализации найденных в Белгородской области монет, обращение которых относится к периоду Егюлдаевой тьмы, в т.ч. подражания крымскому акче XV в. и данга Токтамыша 782 г. х. с «мстиславским» надчеканом второй половины XV в. [181; 187]. С территории области происходят и единичные находки джучидских монет с литовскими надчеканами «колюмн» ранних вариантов, датируемых 20-ми гг. XV в. [42].

^{*} Из его окрестностей происходит комплекс джучидских монет и местных подражаний 80-х гг. XIV в. За предоставление сведений, а также за определение монет округа Крапивенского археологического комплекса выражаем признательность Юрию Зайончковскому.

[†] Неподалёку от с. Доброе Шебекинского района был найден ряд медных и серебряных джучидских монет, в т.ч. данги Ордумелика (чекан Азака, 1361 г.), Мухаммада (чекан Орду, 70-е гг. XIV в.) и Токтамыша (монетный двор Белед Азак, формальная датировка – 1380/81 г.).

[‡] Из округа с. Чураево Шебекинского района происходят: данг, выпущенный в 1393/94 г. (монетный двор Крым), и фрагмент данга, вероятно, относящегося к чекану Пулад-хана (1407–1410 гг.). Известно также о найденном здесь комплексе монет, младшая из которых была отчеканена в период правления Токтамыша.

[§] Близ с. Кошлаково Шебекинского района был обнаружен комплекс джучидских дангов, в составе которого находилась также монета литовского удельного князя Александра Патрикеевича Стародубского, предположительно, чеканенная в промежутке с 1388 по 1393 гг. Её фото присутствует в одном из интернет-каталогов [1].

^{**} Из окрестностей с. Ястребово Белгородского района происходит данг Абдаллаха, чеканенный в Азаке в 765 г. х. (1363/64 г.).

^{††} Данный комплекс мог быть спрятан во время монгольского нашествия, около 1239 г. [72, с. 45; 164, с. 358–359].

Домонгольский период

А.Г. Дьяченко считает, что заселение Крапивинского археологического комплекса русью (представителями т. н. древнерусской народности) произошло в начале XII в. [47, с. 105]. Исходя из датировки керамического материала, к тому же времени можно приурочить появление нескольких окрестных поселений, в частности, «Шебекино-1» и «Разумное-4» [99, л. 2; 5, с. 39; 21, с. 19]. Возведение значительного укрепления на отдалённой и опасной окраине славянских земель не могло свершиться без определённого стратегического замысла (не обязательно военного) [51, с. 11]. По всей вероятности, данное событие стало одним из политических шагов русских князей на половецком направлении. Подчёркнём, что притяжательные по форме топонимы, к коим относится и Милолюбль, резонно считаются отражением владельческих отношений*. Юрий Моргунов видит в их распространении свидетельство «*побочной линии городского развития, зарождавшегося из боярских выселков или загородных усадеб, а затем оказавшихся в гуще интенсивных урбанизационных процессов. Это означает, что появление городов не всегда определялось произволом князя, но оно не могло произойти и против этой воли*» [97, с. 250]. Как нам представляется, строительство Милолюбля имело целью закрепление за Русью верховьев Северского Донца и находящихся к востоку от реки лесных массивов. Быть может, город служил местом контактов с кочевавшими по степи кипчаками – представителями объединений токсоба (токсобичей) и олберлик (отперлюевых, ольберов) [107, с. 277, 279–281, 292, 299; 94, с. 88]. Возможно, Милолюбль выступал также в роли базы наблюдения за наземными путями, известными впоследствии как Валуйский (Нежегольский) и Изюмский шляхи†.

Как пишет Вадим Егоров, жизнь обитателей русско-половецкого пограничья являла собой «*отношения двух разных миров с абсолютно разными хозяйственными укладами, с контрастными природными условиями. При всей их исторической неоднозначности и противоречивости они представляли все же нерасторжимые связи, которые не просто питали, но и позволяли развиваться и извлекать из них конкретные выгоды обеим сторонам. <...> Главнейший неписанный принцип взаимоотношений кочевников и Руси состоял в полном отказе от территориальных захватов друг у друга. Он был обусловлен противоположностью систем хозяйствования, приспособленных к определенным растительно-ландшафтным зонам*» [49, с. 185, 201]. С этой точки зрения, занятие лесных «островов» в Половецкой степи русскими выходцами не было проявлением агрессивного колонизаторства. Оно могло происходить в относительно спокойные периоды русско-кипчакских отношений (хотя, скорее всего, не

* Подобные названия, происходящие от двусловных антропонимов, принимаются за маркеры центров родовых общин или земельных владений времён феодальной колонизации [25, с. 78]. К таковым местам, по-видимому, следует отнести Милолюбский ез (упомянут в 1389 г., позднее – Милобудский погост в селе Ждановском на Шексне, центр волости Милобудье [45, с. 34; 93, с. 59]) и погост Милолюб (известен с 1585 г. как центр Милолюбской штины Озерецкой волости Великолуцкого уезда, ныне деревня в Псковской области [169, с. 186–187, рис. 11]), но из их числа, как кажется, выбивается деревня Милолюбь (первое упоминание – 1522 г., позднее – село Вердереве, Милолюб тож, в Пехлецком стане Ряжского уезда, ныне в Скопинском районе Рязанской области [74, с. 106–107]). Примечательно, что именно в Пехлецком стане находилась и Еголдаевская пустошь, «*что была казачья слобода*» (ей соответствует селище XVI–XVII вв. у села Старое Еголдаево Ряжского района Рязанской области [8, с. 100]), впервые означенная в межевой книге 1629–1631 гг. [126, л. 539].

† Валуйская дорога (Рыбный шлях), проходящая по междуречью Нежеголи и Волчьей, фигурирует в источниках XVII–XVIII вв. [14, 2-я паг., с. 60–61; 146, с. 65]. Топонимическими следами её положения могут служить названия близлежащих хуторов: Рыбальск (ныне село Рыбалкино Харьковской области Украины) и Валуйск (в наши дни – урочище Валуйское). Исследователи допускают возможность существования этой дороги (Нежегольского шляха по С.А. Плетнёвой) и Изюмского шляха в древнерусский период [78, с. 50, 62, 81, 136, 146; 106, с. 30; 76, с. 684].

обходилось без конфликтов) и приводило в итоге к своеобразному симбиозу оседлого и кочевого народа: «земледельцы испытывали нужду в скотоводческой продукции и товарах посреднической торговли, находившейся в руках племенной верхушки кочевников», а тем, в свою очередь, требовались «продукты земледелия и ремесла»* [97, с. 260].

По убеждению значительного числа историков, верховья Донца и Оскола в древнерусское время контролировались Курским княжеством [14, с.131; 39, с.320; 7, с.106-107; 106, с.29; 73, с.77; 51, с.11; 56, с.79-80]. Контроль этот, впрочем, признаётся непостоянным и весьма слабым† [86, с. 124-125; 56, с. 80, прим. 90]. Курск, в свою очередь, до рубежа XI–XII вв. подчинялся переяславским князьям, затем (вероятно, в 1097 г., во всяком случае, не позднее 1113 г.) перешёл под юрисдикцию новгород-северского князя Михаила–Олега Святославича, которого в 1115 г. сменил на престоле сын Кирилл–Всеволод, но в 1127 г. был занят племянником переяславского князя Ярополка Пантелеимоном–Изяславом Мстиславичем‡. Курские земли оставались под управлением Переяславля вплоть до 1136 г., а затем на десяток лет вернулись в подчинение представителей северской ветви черниговских князей. В середине столетия Курск стал ареной княжеских междоусобиц, власть в городе сменялась чуть ли не каждый год. Лишь на рубеже 50-х – 60-х гг. XII в. Курск закрепился в составе Черниговской земли [123, с. 7–14; 56, с. 78]. При этом бывшие переяславские владения («территории восточнее линии Хорол – Полтава») были поделены между Курской и Путивльской волостями, которыми правили сыновья черниговского князя Николая–Святослава Ольговича§ [73, с. 78]. Как считает Олег Сухобоков, местности «по верхним течениям Сулы, Псла, Ворсклы и, возможно, Северского Донца» тяготели именно к Путивлю [144, с. 299]. За Курском в таком случае мог остаться лишь бассейн Оскола, что вполне

* Симбиотические отношения кочевников и оседлых порубежников наблюдаются на археологическом материале: Александр Дьяченко обнаружил среди керамики Крапивинского комплекса «горшки биконических и округлобоких форм», схожие с кочевнической посудой [47, с. 104]. Доля тюрков в местном обществе выросла после 1223 г., когда «кипчаки разбрелись» и «большая толпа из них ушла в землю русских» [132, с. 26].

† Довольно радикального мнения на этот счёт придерживался Дмитрий Расовский: «Жители на Северном Донце вряд ли могли сохранить независимость и не подпасть под власть кочевников, будучи окружены с запада, юга и востока половецкими кочевьями, а с севера отделены от основного ядра населения Новгород-Северского княжества "полем" (между верховьями Ворсклы и Псла), в котором хозяевами были те же половцы» [124, р. 85]. Однако, по его же словам, «если половцы захватывали южнорусские степные города и сёла, то у кочевников всё же никогда не хватало сил включить их в круг жизни "Половецкого поля"; подобные завоевания не длились более нескольких лет, после чего всё возвращалось к исходному положению» [125, р. 99].

‡ Опираясь на данные археологии, основание Милолюбля можно приурочить к интервалу между 1097 и 1127 гг., т. е. именно к «северскому» периоду. Тогда после серии успешных военных походов руси половцы оказались временно вытеснены из лесостепной зоны верхнего течения Северского Донца [108, с. 106–107]. В 1113 г. они ещё прорывались к Вырю (ныне – город Белополье Сумской области Украины) «степным коридором» [97, с. 118, 189, 191], но в 1120 г. переяславский князь Ярополк Владимирович «ходи на половцы за Дон» и возвратился назад, так никого и не встретив [112, стб. 292]. На этом фоне показательна позиция новгород-северского князя Олега Святославича, женатого на дочери кипчакского князя Оселука. В 1103 г. он отказался участвовать в совместном походе русских князей в Половецкую степь (Дешт-и-Кипчак), а в 1108 г. сосватал одного из своих сыновей с дочерью князя Аепы Гиргенева [111, стб.277, 282–283]. Его сын Всеволод, заняв в 1127 г. Чернигов, пытался отстоять престол с половецкой помощью [56, с.75]. Глеб Ольгович в 1137 г. оказал поддержку своему брату Святославу, приведя к далёкому Пскову войско, в котором были «куряны с половцами» [98, с. 25, 210]. Всё это говорит о долговременных партнёрских отношениях северских князей с соседями-кочевниками [125, р.104, 116, 125; 34, с. 90–91].

§ Понятие *волость* в домонгольское время обозначало именно совокупность территориальных владений определённого князя, по сути являясь синонимом позднейшего термина *удел* [37, с.29–32]. Деление региона на волости в смысле локальных административно-территориальных единиц документально прослеживается только с XV в. [128, с. 368–370].

согласуется с историко-географическими данными*.

Судя по некоторым археологическим находкам, жители Милолюбля поддерживали торговые связи как с Поднепровьем, так и с Кавказом, Ромейской (Византийской) империей и даже странами Западной Европы [47, с. 105], чему способствовало местоположение города. Рядом с ним пролегали дороги, известные впоследствии как Царегородская и Посольская (Старая Посольская)[†]. Они позволяли спрямить маршрут, проходивший по «степному коридору» через междуречье Псла и Сейма, который соединял верховья Северского Донца с Черниговом [122, с. 109]. На Донце должны были существовать пристани и переправы, скорее всего, совпадающие с позднейшими бродами близ впадения Везёлки и Топлинки[‡] [57, с. 228, 240]. Нельзя исключать возможность сезонного (на период половодья) хождения маломерных судов по второстепенным рекам. В одной из заметок курского краеведа Михаила Парманина даже говорится о находке «остатков варяжской (? – авт.) ладьи в долине реки Коренья в бывшем Корочанском уезде» [103, с. 15].

Ордынский период

Многое изменилось в жизни здешних обитателей в конце 30-х гг. XIII в., когда русские земли подверглись нашествию войск Монгольской империи (Еке Монгол Улуса) во главе с Бату (Батыем), внуком Тэмучжина, более известного как Чингисхан. Не исключено, что Милолюбль был покорён ими ещё зимой 1238–1239 гг. в ходе сражений Берке (брата Бату) с половцами и наступления на Переяславль, взятый 3 марта. 18 октября 1239 г. монголами был захвачен Чернигов, после чего они атаковали поречье Сейма [63, с. 86; 147, с. 140]. «Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского» описывает эти события так: *«инии же бежаша в земли дальнии, инии же крыяхуся в пещерах и в пропастях земных. А иже в градах затворишася, ти исповеданием и со слезами богу молящеся, тако от поганых немилостивно избьени быша, а инии же крыяхуся в горах и в пещерах, и в пропастях, и в лесех, мало от тех остася. Тех же не по колицех времянех осадиха в градах, изочтоша я в число и начаша на них дань имати»* [135, с. 228]. По мнению В.А. Кучкина, западная часть Черниговской земли пострадала от нашествия сильнее, чем расположенная ближе к степям восточная [89, с. 30], однако численность населения здесь также значительно уменьшилась. В это время прекращает существование большая часть известных сельских поселений региона, а Крапивенский археологический комплекс подвергается частичному запустению.

* По мнению С.А. Плетнёвой, Холковское городище на Осколе в силу своего географического положения имело сильные экономические связи с Курском [106, с. 29].

[†] Царегородская дорога, соединявшая в XVII в. города Белгород и Царёв-Борисов (ныне село Оскол Харьковской области Украины), проходила по левобережью Донца. Перед Нижним бродом на Нежеголи от неё отделялась Валуйская дорога, которая тянулась правым берегом реки около 10 вёрст до Верхнего брода [14, 2-я паг., с. 60–61], а затем переходила на левый берег и поднималась на междуречную грядку (см. прим. 21). Посольская дорога фигурирует в станичной росписи 1571 г. как «новая дорога на Карпова сторожевища» [3, с. 14]. Несмотря на характеристику «новой дороги», этот путь функционировал уже в XV в. [145, с. 213]. Посольская дорога вела на северо-запад от впадения Везёлки в Северский Донец: пересекала русло Болхового колодезя (ныне – река Искринка) и Муравский шлях, после чего выходила к Ворскле и Карпову сторожевищу (в наши дни – село Красное Подгороднее), где в XVII в. прослеживались остатки старых укреплений [157, с. 108–109]. Не исключаем возможность существования в этом месте небольшой древнерусской заставы, контролировавшей переправу через Ворсклу. Далее дорога пролегла близ современного села Бутово, преодолевала реку Пену и тянулась вдоль правого берега последней к переправе через Псёл [95, с. 2–3], находившейся в 6 км от Гочевского городища, у нынешних сёл Самарино Белгородской области и Картамышево – Курской. В XVII в. на отрезке к северу от Псла Посольская дорога была известна как Рыльская, а к югу – как Хотмышская [12, с. 15, 17–18].

[‡] До начала повсеместного сооружения речных запруд в XVII–XVIII вв. места переправ редко изменялись, что позволяет гипотетически устанавливать их по данным источников Нового времени [97, с. 23–24]. Думается, что в древнерусское время судоходный участок Донца начинался от устья Везёлки, как и в XVI в. [95, с. 2, 4].

Политическая принадлежность Милолюбля после Батыева нашествия не вполне ясна. Согласно одной из гипотез, решающим фактором, повлиявшим на складывание рубежа русских земель с ордынскими владениями в Подонцовье, был природный. Вариант реконструкции предложил В.Л. Егоров, согласно которому *«северную границу собственно золотоордынской территории на Левобережье Днепра можно провести по нижнему течению р. Псел с последующим отступлением её к югу в среднем течении р. Ворсклы и далее на восток вдоль её левого берега»*. Далее, по его мнению, рубеж обходил с юга район города Донец и проходил через современную Белгородскую область, где *«находилась своеобразная нейтральная полоса, использовавшаяся поочерёдно в хозяйственном отношении»* [50, с. 39–40]. Вильям Похлёбкин также счёл, что граница представляла собой широкую «нейтральную полосу», но провёл её срединную линию от Ворсклы по верховьям Тагамлыка и Орчика, вдоль русла Мжи, а затем вверх по течению Донца и Волчьей до среднего течения Оскола, *«в северном направлении до истоков р. Тим и по её течению до рек Сосны, Труды, Неручи и Зуши»* [121, с. 37].

В наше время существование в XIII–XIV вв. нейтральной зоны, отделяющей области славянского расселения от степняков, опровергается [94, с. 116–117]. Несмотря на то, что после Батыева нашествия в Путивле и Курске сохранилась власть местных князей (которые были вынуждены стать вассалами джучидов), границы управляемых ими территорий значительно отодвинулись к северу. Как считает Алексей Зайцев, крайним рубежом Курского княжения к середине XIII в. стал днепро-донской водораздел, т. е. будущий Муравский шлях [56, с. 209–210]. Согласно Николаю Тропину, условная граница ордынских владений пересекла Псел западнее Гочевского городища и прошла вдоль рек Млодать и Рать (притоки Сейма), уклоняясь затем к верховьям Ведуги (приток Дона) [148, с. 651 (рис. 150, 12)]. Юрий Селезнёв пишет, что *«в Левобережье Днепра граница проходила на восток по реке Псел и, возможно, по реке Сула до верховьев Северского Донца, где поворачивала на северо-восток и тянулась вплоть до Оки»* [133, с. 80]. Возможность пролегания границы вдоль верхнего течения Псла не исключается и Леонидом Воротынцевым [28, с. 104]. Андрей Астайкин проводит её между Ворсклой и Псом, а Владимир Марков – по Сейму [170, р. 222–223; 94, с. 107]. Таким образом, многими современными исследователями район Милолюбля и Донца оказывается отнесён к ордынской территории. Данные построения выглядят вполне реалистично, особенно если учесть, что в интервале между 1275 и 1289 гг. даже вокруг Курска образовалась специфическая зона, власть в которой принадлежала наместникам джучидов, а основная масса населения оставалась славянской. В письменных источниках XV–XVI вв. эта область фигурирует под названием Курской тьмы [87, с. 44–49; 50, с. 39–40; 167; 28, с. 104–109].

О подвластности Милолюбля напрямую Улусу Джучи косвенно свидетельствуют находки медных пулов XIV в., практически не имевших обращения в русских землях [154, с. 193], а также обнаруженный близ Крапивного обломок бронзового кочевнического зеркала с узким высоким бортиком, украшенного зооморфным орнаментом (рис. 1, 5). Ещё одним аргументом в пользу данной гипотезы может служить прослеживаемое с конца XVI в. разделение Донецкой (Милолюбской) волости на юрты – хозяйственные участки, как правило, отделяемые друг от друга реками [50, с. 40; 157, с. 110–112]. В XVII в. *«севрютицкие юрты»* фиксируются в Мужецкой волости на Псле [11, с. 40]. Термин *юрт* имеет тюркское происхождение и обозначает местожительство, владение, закреплённое за кем-либо кочевье [152, с. 44]. По-видимому, степные участки северного приграничья Орды служили в хозяйстве татар-кипчаков летними пастбищами, тогда как лесистые пространства осваивались славянскими промысловиками и хлебопашцами [50, с. 49]. Как писал Матвей Любавский, *«татары, хотя и были кочевники, но занимались отчасти и земледелием, сеяли яровые хлеба, и привыкли таким*

образом к растительной пище. Раз представилась возможность употребить чужие руки для обработки земли, они не преминули воспользоваться этим» [92, с. 166].

В середине XIV в. изменяются основные направления внутренней торговли Улуса Джучи: активизируются перевозки по меридиональным линиям, т. е. по оси «север-юг» [154, с. 192–193]. Как заметил Владимир Сыроечковский, маршруты средневековых купцов во многом совпадают с известными из письменных источников Нового времени татарскими путями, топографические условия пролегания которых зависели от сочетания речных переправ и водоразделов [145, с. 236]. Наличие большого количества поселений ордынского периода близ Градижской, Кременчугской и Переволочинской переправ на Днепре свидетельствует о прохождении через эти точки дорог, известных впоследствии как Ромодановский и Бакаев (Сагайдачный) шляхи. Судя по вещественным находкам, в ордынское время функционировали переправы через Северский Донец (Каганский перевоз в районе Чугуева, Изюмский брод под горой Кремянец, перелаз у современного села Богородичное Донецкой области Украины, Маяцкий брод близ Царина городища), являвшиеся важными пунктами нескольких торговых путей [28, с. 120; 57, с. 229, 234–237; 55, с. 226; 159, с. 152–153; 166, с. 96; 75, с. 438, 451–462]. Один из таковых пролегал мимо Милолюбля, совпадая с позднейшими Царегородской и Посольской дорогами. Его посредством «в Горнальско-Гочевский район в верховьях р. Псёл джучидские монеты, вероятно, поступали с Северского Донца» [90, с. 501]. Тогда же в роли караванного пути выступал и будущий Муравский шлях [16, с. 84; 159, с. 157–159]. Что же касается водных путей, то, по мнению Германа Фёдорова-Давыдова, «области по среднему и верхнему течению Дона и Северского Донца имели связи с Югом. Именно по этим рекам осуществлялась русская торговля с Восточным Причерноморьем. Важнейшим центром на этих торговых путях был Азак, где в 60-х годах восстанавливается монетный чекан. Потому неслучайным представляется значительный процент монет города Азака вкладах, найденных на этой территории» [151, с. 109]. Верховья Донца и Оскола соединялись с Сеймом сезонными перелоками, посредством которых купцы добирались из Нижнего Подонья в Курск и далее в Поочье [17, с. 84; 106, с. 29].

С 1357 г. в Улусе Джучи начинается многолетняя смута, описанная в русских летописях как «замятня велиа» [115, с. 229, 232–233]. Вскоре великий князь литовский Дмитрий–Ольгерд Гедиминович берёт под контроль Киевское княжение, которым правил некий Фёдор, вероятно, принадлежавший к путивльской ветви рода Ольговичей*. К сентябрю 1360 г. киевские земли теряют протекторат ослабевшей Орды и переходят под литовский патронаж, а в промежутке между 1361 и 1372 гг. становятся владением сына Ольгерда Владимира [10, с. 146–147; 174, р. 348]. Северская земля (в частности, Посемье) закрепляется в составе Великого княжества Литовского на протяжении 60-х – 70-х гг. XIV в. [90, с. 500; 174, р. 347]. На то, что её подчинение не было одномоментным, намекает известие Рогожского летописца, помещённое под 1363 г.: «литва взяли Коршев† и сотворишас[я] мятежи и тягота людем по всеи земли» [118, стб. 75]. Район верхнего течения Донца переходит при этом под контроль т. н. Мамаевой Орды – политики, возглавляемой ставленниками эмира (князя) из клана кият Кичиг-Мухаммада (Мамая). Северной её границей служила долина Ворсклы или Псла [185, s. 9, not. 6; 6; 23, с.

* Долгое время Путивль носил статус киевского «пригорода», поскольку ещё на рубеже XIII–XIV вв. ордынский хан Токта наделил Киевом путивльского князя Ивана–Владимира Ивановича [69, с. 10–11]. Впрочем, киевские князья того времени не были полностью суверенными правителями: контроль над ними осуществляли ордынские баскаки.

† Согласно «Списку русских городов дальних и ближних», Коршов помещался на реке Сосне (очевидно, Быстрой) к северо-востоку от Курска [98, с. 475]. Впрочем, некоторые исследователи склонны отождествлять Коршев с Качевом [10, с. 137–138].

144], причём результаты археологических исследований говорят об ордынской принадлежности всего района, очерченного низовьями Сулы и Ворсклы (вплоть до села Старые Санжары Полтавской области Украины)* [143, с. 66–67]. Не позднее 1370 г. (вероятно, в 1365 г.) Мамай заключает с великим князем литовским договор о взаимной военной поддержке [24, с. 280], очевидно, признавая право Ольгерда на присоединение Киевщины, Подолья и Северщины. Татары Мамаевой Орды кочуют теперь у самого литовского рубежа: их летовища в XIV в. достигали верховьев Северского Донца и Тихой Сосны. Для того времени в регионе характерна тенденция к сокращению площади удобных для оседлой жизни широколиственных лесов и замещению их лугами [138, с. 27].

Милолюбль неизбежно затронула начавшаяся в 1363 г. вспышка чумы, когда *«бысть мор на люди в Орде, так по ряду и пошел и по русским городом, в Новосиле и в Коршеве, и в Брянске и по иным местом, и на Коломне»*[†]. [118, стб. 73]. В 1366 г. болезнь распространилась в Литве. В 1374 г. в Мамаевой Орде снова разразился мор, спустя два года добравшийся до Киева [116, с. 6, 21, 25]. Из-за различий в плотности населения эпидемии должны были привести к большей смертности среди горожан, нежели кочевников. Помимо людских потерь, на протяжении значительного времени в ордынских землях наблюдался общий упадок торговли, связанный с сокращением транзитных перевозок и разорением региональных рынков. Возможно, именно с этими потрясениями связано сокрытие Ястребовского клада, обнаруженного примерно в 15 км от Крапивенского археологического комплекса. В тот же кризисный период отложился и монетный комплекс, найденный в Харькове в 1857 г., который был спрятан не ранее 767 г. х. (1365/66 г.) [151, с. 111, 149 (№№ 104, 107)].

По мнению некоторых исследователей, в середине 60-х гг. XIV в. где-то между нынешними Харьковом и Белгородом находился политический центр Северного Причерноморья – место летней ставки хана Мамаевой Орды Абдаллаха, где чеканились монеты с легендой Орду Муаззам 766 г. х. Вместе с ним на летний период в степи близ верховьев Донца приходили ремесленники, а также многие рядовые номады со скотом. Впоследствии кочевая ставка перемещается на среднее течение Донца, в район современного села Шипиловка Луганской области Украины [23, с. 144–145].

Судя по вещественным находкам, демонстрирующим, помимо прочего, масштабы локального денежного оборота[‡], оседлая жизнь в Милолюбле с округой в достаточной мере восстанавливается лишь к 80-м гг. XIV в. В это время завершается «великая замятня», Улус Джучи объединяется под властью хана Токтамыша, на сторону которого переходят «Мамаевы князи» [24, с. 284], а Верхнее Подонцовье переживает подъём экономики, связанный с возобновлением русско-ордынских торговых отношений. Нехватка наличных средств привела к

* Предполагается, что здесь, на бывших переяславских землях, в конце XIV в. вошедших в состав Глинского княжества, проживали как татары, так и потомки древнерусского населения [28, с. 147–148]. Никоновская летопись относит эту территорию к «полю Татарскому» [116, с. 173]. Сам Переяславль на рубеже XIII–XIV вв. был владением князя Ивана Дмитриевича из северской ветви рода Ольговичей [69, с. 10–11], а затем попал под юрисдикцию правителей Киева.

[†] Примечательно, что Милолюбль не вымер в прошлые эпидемии: 1346–1349 гг., когда *«бысть мор силен зело под восточную страну: на Орнахи и на Азторокани, и на Сараи, и на Бездежи и на прочих градах стран тех, на крестиянех и на арменех, и на фрязах, и на черкасах, и на татарех, и на обязех, и яко не бысть кому погребати их»*; или 1352–1353 гг., когда *«бысть мор силен зело в Смоленске и в Киеве, и в Чернигове, и в Суждале, и во всей земле Русстей смерть люта»*, в результате чего даже в относительно недалёком (250 км) Глухове *«ни един человек не оставя, вси изомроша»* [115, с. 217, 224].

[‡] Обращаем внимание на тот факт, что «денежное обращение было возможно только в населенной местности. Таким образом, находки монет являются важным источником для датировки жизни на той или иной территории» [19, с. 72].

выпуску значительного количества местных подражаний джучидским дангам. Помимо территории современных Белгородской и Курской областей, таковые находят в Тульской, Рязанской, Воронежской и Московской областях, а также в Сумской, Полтавской и Харьковской областях Украины [36, с. 54–55, 58 (табл. 2а, *подгр. D*); 160, с. 174–175]. Очевидно, все перечисленные регионы поддерживали экономические связи с районом верхнего течения Северского Донца. Значимую роль в торговле играло и крымское направление [31, с. 187]. «Оживление» района было прервано уже в конце XIV в., когда на жителей Дешт-и-Кипчака обрушились потрясения, связанные с внешней политикой соседних государств – Мавераннахра (Турана, или империи Тимуридов) и Литвы.

Литовский период

Безусловно, Верхнее Подонцовье не могло входить в состав территории «Семёновых людей», отобранной Великим княжеством Литовским у Орды в 50-х гг. XV в.^{*}, поскольку здешние города уже в 1432 г. значились среди литовских владений [158, с. 72–73 (карта); 110, с. 523, 525]. Согласно Борису Черкасу, они были присоединены к Киевской земле после того, как в апреле 1395 г. войско Токтамыша было разбито верховным эмиром Турана Тимуром (Темир-Аксаком, иначе Тамерланом). Тамерлан разорил значительную часть земель Улуса Джучи (в ходе преследования одного из ордынских полководцев, Бек-Ярык-оглана, его армия должна была дважды пересечь территорию современной Белгородской области), а также русские города Елец и Карасу (Коршев?) [156, с. 172–173; 28, с. 160–161]. Сарайский престол занял чингизид Тимур-Кутлуг, войско которого возглавил эмир из клана мангыт Идигу (Едигей). Токтамыш, не имея сил бороться с ними, бежит в Киев, но уже в феврале 1396 г. пытается занять Крым с помощью «неверных франков» (очевидно, литвы). Ненадолго это ему удаётся, однако к апрелю 1397 г. полуостров вновь оказывается в руках Тимур-Кутлуга [40, с. 158–159]. Тем временем великий князь литовский Александр–Витовт Кейстутович выдвинулся с войском в направлении Дона и увёл в плен несколько тысяч татар с семьями и скотом [176, с. 288–289]. Как заметил Владислав Гулевич, поход Витовта мог состояться лишь в интервале с 1 февраля по 28 марта 1397 г., следовательно, цель его находилась не слишком далеко от Киева, служившего главной литовской базой на южном направлении [174, р. 354]. Вероятно, в ходе кампании Витовт намеревался лишить Тимур-Кутлуга контроля над пограничными с Литвой областями Улуса Джучи. С нашей точки зрения, именно с этим известием и следует связать вхождение Милолюбля в состав Киевской земли Великого княжества Литовского.

Насколько можно рассудить, Витовт максимально использовал помощь Токтамышу как инструмент для распространения собственной власти. Так, прусский хронист Иоганн фон Посильге, современник описываемых событий, утверждал, что в 1397 г. многие татары стали благодаря ордынскому хану литовскими подданными [186, р. 216]. В 1398 г. Витовт закладывает замок у Тягинской переправы через Днепр и берёт под контроль часть черноморского побережья. При этом он вновь способствует Токтамышу в овладении Крымом и Поволжьем, но, как и в прошлый раз, тот оказывается вынужден ретироваться в Киев. Вскоре союзники заключили договор, согласно которому в обмен на полноценную военную поддержку хан-изгнанник формально уступал Витовту территории, находившиеся когда-то в составе Улуса Джучи или под его протекторатом: собственно Киевскую, Смоленскую, Северскую и другие земли [174, р.

^{*} К «Семёновым людям», предположительно, относились только Песьи Кости из «Списка русских городов дальних и ближних» [98, с. 475]. Согласно документации Разрядного приказа 70-х – 80-х гг. XVI в., урочище с этим названием находилось на левом берегу Днепра, вероятно, близ устья Орели [3, с. 50, 58]. Быть может, речь идёт о летописном «месте, нарецаемемь Ерель, его же роусь зоветь Оугол», где в XVII в. находилось поселение Орель (позже – Старый Орлик) [113, стб. 631–632; 78, с. 96–99].

354–355]. В их число, очевидно, попали и недавние территориальные приобретения великого князя.

Направленная на ордынские земли литовская экспансия угасла после поражения в битве на Ворскле, нанесённого Витовту и Токтамышу войсками Тимур-Кутлуга в августе 1399 г. Дойдя до Киева, татары взяли с горожан контрибуцию, после чего направились к Волыни, *«много городов поплениши и много стран повоеваши»* [114, с. 251]. По сообщению Новгородской Первой летописи, Тимур-Кутлуг даже учредил наместничество в Киевской земле [98, с. 395], однако данное известие не поддерживается синхронными источниками. У исследователей до сих пор нет однозначного ответа на вопрос, почему хан не отнял у Литвы «исконные» ордынские территории, хотя соотношение сил явно сместилось в его пользу [174, р. 355]. По-видимому, решающую роль сыграл тот факт, что Киев, обороняемый наместником Иваном Гольшанским, всё же не был захвачен. Как заметил Сергей Полехов, в Средневековье *«административные функции крепостей переплетались с военными: чтобы подчинить себе ту или иную территорию (землю, повет, удельное княжество), необходимо было взять замок, являющийся её центром»* [110, с. 270]. Тем не менее, жители южных земель Великого княжества Литовского были обложены данью [94, с. 135].

В конце XIV в. близ донецко-ворскольского перешейка оседает беспрецедентное количество монетных кладов. На наш взгляд, сокрытие большинства из них имеет смысл ассоциировать с разорением Орды Тамерланом в 1395 г. Несмотря на значительное опустошение бассейна Северского Донца, торговые маршруты, проходившие близ Милолюбля и соединявшие земли Верхнего Поочья с Крымом и Азаком, продолжают функционировать вплоть до 20-х гг. XV в., после чего экономическая система Верховских княжеств переориентируется на Рязань, Москву и Литву [151, с. 125–127; 15, с. 93–95]. Вместе с угасанием прежних торговых путей в литовских Посемье и Подонцовье прерывается обращение джучидских монет [90, с. 500; 159, с. 152–153, 159]. До минимума сокращаются и товарные перевозки, что делает практически бессмысленным существование здесь крупных поселений. Время их упадка определяется при обращении к летописному «Списку русских городов дальних и ближних», первоначальная редакция которого, согласно В.А. Кучкину, относится к 1448–1449 гг.^{*} В данном памятнике сохраняются названия свыше 350 мест (причём «киевские» описаны особенно подробно), однако среди городов региона упомянут только *«на Ворскле Хотмышль»*, а Милолюбль, Донец, Оскол и Мужеч отсутствуют [88; 98, с. 475–476].

Похоже, что вышеозначенные пункты утратили значимость[†] или полностью запустели в промежутке с 1432 по 1449 гг. Не исключено, правда, что дела обстояли аналогичным образом

^{*} Многие исследователи отмечают, что данный список, будучи составлен на основе нескольких разновременных источников, во многом отображает реалии XIV в. и даже более ранние (обзор историографии см.: [43]). Владимир Кучкин допускает, что в него были включены топонимы, почерпнутые из летописей и других текстов [88, с. 71; 89, с. 26, 28]. Тем не менее, гипотезу о составленном около 1375 г. дефтере как источнике данных для летописца [2, с. 198] приходится признать правдоподобной лишь в отношении части «Списка...», касающейся городов Северо-Восточной Руси.

[†] В особенности это касается Мужеча, выполнявшего, наряду с Донцом и Курском, роль одного из локальных административных центров, к которым тяготели «многие волости» (*“multis districtibus”*) [110, с. 523, 525]. К середине XV в. этот город, возможно, превратился в сельское поселение. Внутренний двор крепости (городище Царский Дворец близ села Гочево Курской области) после её разрушения служил кладбищем, время существования которого отмечает обнаруженный в одном из погребений полутрош Александра Ягеллончика, чеканенный в Вильно в 1496 или 1497 гг. [142, с. 331–332; 140, с. 93–94]. Быть может, окончательное запустение Мужеча связано с московско-литовской войной 1500–1503 гг., когда *«князь московский забрал все замки северские и всю Сивер, у головах замки Бранеск, Стародуб, Новгород-Сиверский, Трубческ, Чернигов, Путивль и иных по Сиверы замков, всех*

уже к моменту составления «Списка городов Свидригайла». По мнению А.В. Зорина, «Свидригайло вряд ли пытался впечатлить тевтонцев обладанием несуществующим местом, все города его списка вполне себе реальны, и было бы странно включать в него город-призрак» [60, с. 129]. Однако направленный орденскому руководству документ содержал не только астионимы, о чём прямо говорит его заголовок*. Так, в «Список городов Свидригайла» помещён Воронеж («*Wronasz*»), соответствующий рязанской волости, означенной в качестве одного из «отъезжих мест» княжеского договора 1496 г. [110, с. 525; 45, с. 334–335, 339; 148, с. 358–360, 380–381]. Существующий поныне город с таким названием был основан только в конце XVI в. [54, с. 28–29, 197–202].

Опишем далее события, которые, возможно, привели в своей совокупности к запустению Милолюбля. Согласно составленной в XVII в. «Хронике литовской и жмойтской», в 1416 г. «москва севруков литовских розбила под Путивлем, двоих бобров и меду кад взяли, сокер две и три сермяги зодрали з них, зараз у четверо того записали и жаловались о тое Витолтови в Вилни о розбой такий». Нападение на путивльских севрюков вылилось в полноценный военный ответ литовской стороны, после чего «князь Василий московской, видячи в панстве своем намалую шкоду от литвы, послал до Витолта, просячи покою». Источник сообщает о мирном урегулировании конфликта, причём «москаль хлопом литовским казал путивцом у четверой нагородити, а тых повешано розбойников». Более ранняя «Хроника Быховца», относя нападение к 1402 г., приводит несколько иные сведения: «мужики московские пришедши под Путивль и на Тихой Сосне погромили севруков витолтовых, взяли у них два бобры а три кади меду. И он посылал до великого князя московского, абы винных обыскавши показнил, а шкодное севрюком его оправити». Московский правитель Василий Дмитриевич не отреагировал на просьбу найти виновных, в результате чего Витовт «собравши войска свои и пошел на противку великого князя московского, мстячи обиды своей, и много пожог и повоевал и попленил около реки Угры у Оки» [119, с. 77–78, 149] (транслитерация наша – авт.). По сути, оба произведения выставляют локальную стычку на окраине Северщины поводом к началу московско-литовской войны 1406–1408 гг., в действительности вызванной конфликтом интересов двух держав вокруг Пскова [18, с. 195–196, прим. 79].

Весной 1414 г. Витовт пробовал договориться о военном сотрудничестве с ордынским ханом, но из-за политического кризиса в Улусе Джучи это мероприятие не увенчалось успехом [175, р. 370]. Осенью «повоеваши татарове Елецкую землю», примыкавшую к литовской границе† [98, с. 405]. Неизвестно, удалась ли новая попытка переговоров, имевшая место летом 1415 г., но уже через год «повоеваши татарове около Киева и монастырь Печерский пограбиши и пожгоша» [114, с. 260]. Левобережная часть Киевской земли при этом, скорее всего, не пострадала, так как ордынское войско подошло к Киеву с юга [41, с. 136]. В 1419 г. «мор бысть в Киеве и во всех странах тамо велик зело», причём, согласно Никоновской летописи, эпидемии охватывали Русь вплоть до 1427 г. [116, с. 235–236, 238–239; 117, с. 3, 6–7]. В

шестьдесят» [120, с. 166]. Событием, уничтожившим древний Мужеч, мог стать и какой-либо из татарских набегов начала XVI в.

* «*Nomina civitatum, castrorum et districtuum, quos possidet Swidrigall*» («Имена городов, замков и волостей, которыми владеет Свидригайло») [110, с. 522].

† После татарского разгрома Елец вошёл в состав Великого княжества Литовского, что подтверждается письменными источниками, датированными 1422 и 1432 гг. «Список городов Свидригайла» подчёркивает тяготение к нему «волостей многих и замков» («*districtibus multis et castris*») [110, с. 524 (прим. 12)], опровергая летописные известия о запустении Елецкой земли [116, с. 225; 120, с. 55]. В княжеских грамотах 1483–1572 гг. Елец значится как принадлежащий Москве, причём «волости многие» фигурируют в них как «Елецкие места» или «Елецкие земли» [45, с. 285, 289, 354, 435].

1428–1430 гг. *«в землях Сарайских и Деишских и в степях кипчацких были сильная засуха и чрезвычайно большая моровая язва, от которой погибло множество народа, так что уцелели из них (татар) со стадами только немногие роды»* [132, с. 442]. В 1430–1431 гг. засуха случилась и в русских землях, вызвав массовый голод [117, с. 9]. В то же время ордынский эмир из клана кунграт Хайдар (Айдар) напал на Мценск и забрал в плен множество людей, включая тамошнего воеводу. Татарский набег затронул и Днепровское Левобережье: по данным Софийской Первой летописи, в 1430 г. Хайдар не дошёл лишь 15 миль (около 80 км) до Киева [114, с. 264]. Весной 1431 г. состоялись переговоры, по результатам которых хан Улуса Джучи Улу-Мухаммед отпустил мценского воеводу и других пленников, обязуясь при надобности оказать военную поддержку великому князю литовскому Болеславу–Свидригайлу Ольгердовичу [110, с. 191].

Поначалу хан выполнил договорённость, заняв сторону Свидригайла в борьбе с младшим братом покойного Витовта Сигизмундом (Жигимонтом) Кейстутовичем, узурпировавшим великокняжеский престол. Зимой 1432–1433 гг. Улу-Мухаммед направил в помощь Свидригайлу мощную армию, которая, однако, добралась лишь до Киева, повернув обратно из-за непроходимых снегов. Не исключено, что силы поддержки отозвал сам хан, которому требовались войска для противодействия внутривосточным конкурентам. Весной Улу-Мухаммед заключил соглашение с противником Свидригайла, польским королём Владиславом–Ягайлом (Ягелло) Ольгердовичем, в результате чего новое ордынское войско, направленное в Литву летом 1433 г., разорило владения свергнутого великого князя [110, с. 321, 332–334]. По сообщению польского хрониста Яна Длугоша, дойдя до Днепра, татары развернулись и принялись опустошать Киевскую и Черниговскую земли [177, s. 124]. В отместку Свидригайло лишил Улу-Мухаммеда контроля над степями Днепровского Правобережья, где воцарился литовский выходец Саид-Ахмед Бексубович [175, р. 371–372].

Вышеназванный татарский набег видится вполне вероятной причиной угасания Мужеча – одного из городов, соседствующих с Милолюблем. Впрочем, Геннадий Стародубцев и Александр Зорин предложили альтернативную датировку данного события. Согласно выдвинутой ими гипотезе, городская цитадель (городище Царский Дворец) могла быть уничтожена летом 1449 г. в ходе борьбы великого князя литовского Казимира Ягеллона с мятежным князем Болеславом–Михаилом Жигимонтовичем (сыном убитого Сигизмунда Кейстутовича). Судя по находке остатков печи, подготовленной к отопительному сезону, но не имеющей следов эксплуатации, гибель замка действительно произошла в тёплое время года [141, с. 194, 196–197]. В промежутке с 25 июня по 26 августа 1449 г. войско Михаила Жигимонтовича было разгромлено татарами, возглавляемыми сыном Улу-Мухаммеда Якубом (Ягупом Махметовичем) [153, с. 187]. Разрушение Мужеча можно было бы приурочить именно к этому временному интервалу, если бы не одна деталь: города и так уже не существовало. Из датировки «Списка русских городов дальних и ближних», в котором Мужеч не фигурирует, следует, что его упадок случился не позднее весны 1449 г. [88, с. 71–72].

Ян Натансон-Лески заметил, что обладание Верхним Подонцовьем было для литовских князей стратегически невыгодно в силу географической обособленности района [185, s. 40]. Неудивительно, что часть данной территории, потерявшей к 30-м гг. XV в. экономическую привлекательность для центральной власти, была пожалована татарскому федерату Еголдаю Сараевичу, принявшему православное крещение под именем Дмитрия. Возможно, вместе с ним в Литву переселилась и часть ордынских подданных [94, с. 188]. Дмитрий–Еголдай не

возрождает города региона*, ограничиваясь лишь строительством усадьбы-замка в верхнем течении Оскола. Остатки этого сооружения фигурируют в источниках XVI–XVII вв. как Еголдаево (Волдаево, Голдаево) городище [157, с. 100]. Основную прибыль князю Еголдаю и его людям приносила эксплуатация лесостепных угодий. Пользуясь натуральными доходами с путивльских волостей, здешние феодалы издавна *«кони ездживали и шубы теплы куньи одевали, и з року на рок теми волостьми всеми <...> завжды одеваны и обуты были»* [70, с. 287]. Традиционным занятием населения Путивльщины было бортовое пчеловодство. Здешние леса разделялись на множество хозяйственных участков, за пользование которыми взимался натуральный и денежный оброк. По сведениям 1649 г., только в западной половине Мужецкой волости, некогда принадлежавшей Еголдаю, трудилось более трёхсот бортников, которые, однако, не жили здесь постоянно, а посещали свои юрты «наездом» [12, с. 10]. Добытый ими мёд заменял собой тростниковый сахар, бывший тогда исключительной роскошью, а также служил сырьём для производства спиртных напитков. В свою очередь, пчелиный воск, необходимый для изготовления свечей, составлял одну из главных статей международной торговли в литовский период [27, с. 59–60]. Вероятно, и в ордынское время продукты бортничества поставлялись далеко за пределы Подонцовья – в частности, в Тану (Азак), где торговля воском достигла внушительных объёмов к концу XIV в. [64, с. 266–267].

В самой Еголдаевой тьме активный торг не вёлся, но время от времени на здешних дорогах появлялись купцы, избегавшие мест сбора провозных пошлин. Ввиду традиционной практики *«отдачи мыта на откуп и выдач пожалований из доходов того или другого мыта»*[†] существование обходных маршрутов было проблемой для большого числа заинтересованных лиц, так что контрабанду пресекали [145, с. 222–223]. Население литовских окраин *«старалось заставить караваны ходить "звыклыми дорогами" и охраняло их только на этих звыклых дорогах, не ручаясь за безопасность в степи»* [27, с. 13]. Пути через Еголдаеву тьму контролировались весьма слабо, поэтому во время московско-литовской войны 1486–1494 гг. ими пользовались дипломаты, опасавшиеся перехвата литовцами и ордынцами. Известно, что в 1486 г. шедшее из Москвы в Крым посольство *«пограбили цареви Муртозины люди да Темиревы на реце на Мерли, близко Колмак, <...> а стерегли, сказывают, послов наших в трех местех: на Осколе, на Донце да тут, на Мерли»*. В 1489 г. *«на Донце усть Оскола»* (у Изюмского брода?) ограбили группу московских купцов-«гостей» во главе со Степаном Васильевым, а *«на Псле на реце»* – отряд ратников, посланных *«под улусы под Муртозины и под Седахматовы»*. Подозрения в разбое пали на крымцев [131, с. 52, 79]. В 1490 г. на Северском Донце мценяне Григорий (Гриша) Лукин и Евстафий (Остапок) Воронцов погромили два отряда московских сторожей, *«которые ездили под Орду, Тора Татарина с товарищи да Ивашика Ширина с товарищи, а грабежу взяли коней и платья, и доспехов, и мелкие рухляди на полтора ста рублей»* [130, с. 66]. В 1495 г. направлявшихся в Азак московских купцов

* Аналогичная точка зрения отражена в современном российском издании Шестой книги записей Литовской Метрики, согласно которому в великокняжеском привилее от 19 марта 1497 г. Мужеч, Милолюбль и Оскол упомянуты не в качестве населённых пунктов, а как волости в составе Путивльского повета [4, с. 150–151 (№215), 545, 547, 550]. Топоним Милолюбль (ошибочно: «Мимолубль», «Милубов» и т. п., на польском языке – *“Milanob z ziemiami, wodami”* [184, р. 107] и *“Milehub z ziemiami, wodami u ze wszelkimi dochodami u pozytkami”* [183, р. 119]), фигурирующий в крымско-литовской дипломатической переписке 1507–1541 гг. [178, р. 557, 595, 606, 634, 643, 682, 703, 723], де-факто обозначает целую волость, поскольку отсутствует в списке городов, захваченных Великим княжеством Московским в ходе войны 1500–1503 гг. Это название не попало в текст перемирного договора, будучи включено в совокупность *«города Путивля с волостьми»* [60, с. 126–127].

[†] Так, 24 апреля 1486 г. великий князь литовский Казимир выделил *«князю Яголдаю 10 коп грошей з мыта путивльско-го»* [179, р. 33 (№1.5)].

перехватили на Донце «азовские татарове да турчанин Костя Арменин, да убили у них 22 человека, а 23 за мертвых пометали», забрав товара на 1500 рублей [131, с. 297–298]. В 1497 и 1498 гг. великий князь рязанский Иван Васильевич жаловался на литовских подданных, «на мченян и на рылян, и на путивлян», которые «на поле его сторожей до смерти побили, а иных переграбили, а приходя на его землю, безспрестани его людей бьют и грабят, и головами сводят» [130, с. 236, 262].

Библиографический список:

1. 1159-0 №5342 // Русские монеты 14–17 веков. URL: http://rus-moneta.ru/big_g.php?mon_id=5342
2. Аверьянов К.А. Загадка завещания Ивана Калиты. История присоединения Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. – М.: Центрполиграф, 2018. – 319 с.
3. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук / ред. Н.А. Попов. – Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. – СПб, 1890.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России. – Т. 1(6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / сост., коммент., вспом. указ.: М.Е. Бычкова (отв. сост.), О.И. Хоруженко, А.В. Виноградов; отв. ред. тома С.М. Каштанов. – М.–СПб: Нестор-История, 2012. – 664 с.
5. Алиев Т.М. Отчёт об археологических разведочных работах на земельных участках в Валуйском, Красногвардейском и Шебекинском районах Белгородской области в 2018 году / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 62528.
6. Амелькин А., Селезнёв Ю., Темушев В. Рост Мамаевой Орды. 1360 – 1380-е гг. // Элита Золотой Орды / Селезнёв Ю.В. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 120 (карта №5).
7. Андріяшев О. Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. – Кн. XX. – Київ, 1928. – С. 95–128.
8. Археологическая карта России: Рязанская область / сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. – Ч. 3. – М.: ИА РАН, 1996. – 210 с.
9. Археологічні пам'ятки Української РСР (короткий список) / відп. ред. Д.Я. Телегін. – Київ: Наукова думка, 1966.
10. Бабенко А.А., Комаров О.В. Битва на Синих Водах – факт или историографический миф? // Novogardia. – 2020. – №2(6). – С. 135–160.
11. Бабин И.П., Озеров М.М. Об основании и строительстве Обояни // Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре. – Обоянь, 2013. – С. 32–46.
12. Бабин И.П., Озеров М.М. Первое описание Обоянского уезда 1649 г. воеводы Ивана Колтовского // События и люди в документах курских архивов. – Вып. XVII. – Курск, 2018. – С. 8–18.
13. Багалец Д. История Северской земли до половины XIV ст. – Киев, 1882.
14. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846.
15. Беспалов Р.А. Денежное обращение в верховьях рек Оки и Дона во второй половине XIV – первой трети XV века в контексте политической истории региона // Позднесредневековый город III: археология и история. – Тула: Куликово поле, 2011. – С. 84–97.
16. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437–1445 гг.) // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 5. – Казань, 2012. – С. 53–70.
17. Беспалов Р.А. Особенности раннего этапа денежного обращения в верховьях рек Оки и Дона: конец 1360-х – 1370-е годы // Средневековая нумизматика Восточной Европы. – Вып. 5. – М., 2015. – С. 122–140.
18. Беспалов Р.А. История Новосильско-Одоевской земли до начала XVI века в контексте международных отношений в Восточной Европе. – М.–СПб: Нестор-История, 2021. – 692 с.
19. Беспалов Р.А., Казаров А.А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века, обнаруженные в верховьях Оки, Дона и Десны в 2008–2011 годах (по результатам предварительного

- исследования) // Город Средневековья и раннего Нового времени IV: археология, история. – Тула, 2013. – С. 72–86.
20. *Беляева С.О.* Розкопки поселення кінця XIII – XIV ст. на Сумщині // Археологія. – Вип. 13. – Київ: Наукова думка, 1974. – С. 98–102.
21. *Божко А.А.* Отчет о проведении археологических работ (разведки) в бассейне р. Разумная в Белгородском, Корочанском и Яковлевском районах Белгородской области в 2016 году / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 55229.
22. *Божко А.А.* Объект археологического наследия «Культурный слой г. Белгорода XVII – начала XX века» // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. – Вип. 5. – Белгород: Константа, 2020. – С. 4–13.
23. *Булава Л.Н., Шевчук О.О.* Знахідки монет Золотої Орди 60 – 70-х років XIV ст. на Полтавщині // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2017: збірник наукових праць. Пам'яті М.Я. Рудинського (1887–1958). – Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК, 2017. – С. 142–149.
24. *Варваровский Ю.Е.* «Мамаева Орда» (по данным письменных источников и нумизматики) // Stratum plus. – 1999. – №6. – С. 276–287.
25. *Васильев В.Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 816 с.
26. *Веретюшкин Р.С.* Керамика средневекового Рыльска золотоордынской эпохи // Российская археология. – 2005. – №4. – С. 159–167.
27. *Верзилов А.В.* Очерки торговли Южной Руси с 1480 [по] 1569. – Чернигов, 1898.
28. *Воротынцев Л.В.* Контактные зоны русско-ордынского лесостепного пограничья в XIII – первой половине XV в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, Елец, 2020.
29. *Голотвин А.Н., Бессуднов А.А., Бирюков И.Е., Инишаков А.А.* Многослойное поселение Яблоново 4 на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. – Вип. 8. – Липецк, 2017. – С. 94–120.
30. *Голубева І.В.* Дослідження в історичній частині м. Харків у 2009 р. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. – Київ: ІА НАН України, 2010. – С. 78.
31. *Голубева І.В.* Дослідження пам'яток Золотої Орди на території Харківської області // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2015: збірник наукових праць – Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК, 2015. – С. 184–189.
32. *Голубева І.В., Окатенко В.М., Голубев А.М.* Дослідження посаду Харківської фортеці // Археологічні дослідження в Україні 2016. – Київ: ІА НАН України, 2018. – С. 244–245.
33. *Голубева І.В., Свистун Г.Є.* Дослідження Харківської фортеці // Археологічні дослідження в Україні 2012. – Київ: ІА НАН України, 2013. – С. 334–335.
34. *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар. – М.: Вече, 2011. – 288 с.
35. *Гордова Ю.Ю.* Лингвистические проблемы региональной ономастики в исторической перспективе (на материале рязанской топонимии и антропонимии): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.21. – Ин-т языкознания РАН, М., 2018.
36. *Горлов А.В., Казаров А.А.* О группе монет конца XIV в. из находок в курско-белгородском ареале и о времени вхождения «Ягодаевой тьмы» в состав Великого княжества Литовского // Средневековая нумизматика Восточной Европы. – Вип. 5. – М., 2015. – С. 46–63.
37. *Горский А.А.* Земли и волости // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. – М.: Индрик, 2008. – С. 9–32.
38. Государственная почвенная карта СССР. Лист М-37. 1:1 000 000. – М., 1949.
39. *Грушевський М.* Історія України-Руси. – 2-е вид. – Т. II. XI–XIII вік. – Львів, 1905.
40. *Гулевич В.* Тука-Тимуриди і західні землі улусу Джучі в кінці XIII–XIV ст. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. – Число 22–23. – Київ: НАН України, Ін-т історії України, 2013. – С. 138–178.

41. Гулевич В.П. Борьба за политическое наследие Улуса Джучи (1399–1441 гг.) // История крымских татар. – Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. – С. 135–141.
42. Гулецкий Д.В., Зайончковский Ю.В. Новые и уточненные данные о литовских надчеканах «колюмны» времен Витовта // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2015 года. Памяти Нины Андреевны Фроловой (24.01.1936 – 20.10.2015). – М., 2015. – С. 161–163.
43. Дедук А.В. «Список русских городов дальних и ближних»: история изучения // Русский книжник. 2014. – М.: Пашков Дом, 2015. – С. 129–141.
44. Дедук А.В. Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в.: методика локализации: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – ИАИ РГГУ, М., 2018. – Т. I.
45. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подг. Л.В. Черепнин, отв. ред. С.В. Бахрушин. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
46. Дьяченко А.Г. Заключение по результатам археологических наблюдений в охранной зоне памятника архитектуры 18 в. «Успенско-Николаевский собор» (г. Белгород. 2002–2003 гг.) / Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области.
47. Дьяченко А.Г. Городище Крапивное – город-крепость на юго-восточном пограничье Руси // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: матеріали міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В.Й. Довженка. – Київ–Чернігів, 2012. – С. 102–105.
48. Дьяченко А.Г. Памятники раннего железного века и эпохи Средневековья в лесостепном междуречье Ворсклы и Среднего Дона // Русский сборник. – Вып. 8. – Т. 1. – Брянск: РИО БГУ, 2016. – С. 54–73.
49. Егоров В.Л. Русь и её южные соседи в X–XIII веках // Отечественная история. – 1994. – №6. – С. 184–202.
50. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – 3-е изд. – М.: Красанд, 2010. – 248 с.
51. Енуков В.В. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. – Вып. 6. – М.: УРСС, 2002. – С. 3–46.
52. Ермолов Ф.В., Добромислов Л.Б. О чеканке новосарайских серебряных монет в Хаджи-Тархане во времена Токтамыша (782–791 гг. х.) // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии. – М.–Казань: Исламская книга, 2020. – С. 296–314.
53. Ефимов К.Ю. Отчёт об археологическом надзоре зоны строительства (II очередь) – примыкающие гаражи к строящемуся зданию «Внешторгбанка» в г. Белгороде, ул. Фрунзе, 35 / Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области.
54. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 272 с.
55. Зайончковский Ю.В. Клад джучидских дангов XV века с берега реки Северский Донец // Русь. Орда. Литва. В памятниках нумизматики и сфрагистики. – Вып. 1. – Минск: Джи энд Джи, 2015. – С. 226–243.
56. Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв.: избранные труды. – М.: Квадрига, 2009. – 226 с.
57. Звагельський В.Б. Стародавні переправи Сіверського Дінця // Сумська старовина. – 2005. – №XV. – С. 224–242.
58. Златоверховников Н.И. Памятники старины и Нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902.
59. Златоверховников Н.И. Курская губерния на XII археологическом съезде // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. – Вып. I. – Курск, 1911. – Ч. I. – С. 28–44.
60. Зорин А.В. Средневековый Курск в письменных источниках XI–XVI вв. // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. – Вып. 6. – Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2021. – С. 114–134.
61. Зорин А.В., Раздорский А.И. Порубежье. Курский край в XVII в. – Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2001. – 340 с.

62. [Карамзин Н.М.] История государства Российского. – Т. III. – СПб, 1816.
63. Карпов А.Ю. Батый. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 348 с.
64. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. – Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. – СПб.: Алетейя, 2021. – 378 с.
65. Качало С.І. Прикордонна роль давньоруських пам'яток в басейні Сіверського Дінця // Праці Центру пам'яткознавства. – Вип. 26. – Київ, 2014. – С. 105–111.
66. Квітковський В., Свистун Г. Розвідки в Зміївському та Печенізькому районах // Археологічні дослідження в Україні 2017 р. – Київ: ІА НАН України, 2019. – С. 247–250.
67. Квітковський В., Свистун Г. Дослідження Кицівського археологічного комплексу // Археологічні дослідження в Україні 2018. – Київ: ІА НАН України, 2020. – С. 201–203.
68. Квітковський В., Свистун Г. Дослідження Кицівського археологічного комплексу // Археологічні дослідження в Україні 2019. – Київ: ІА НАН України, 2020. – С. 292–293.
69. Келембет С.Н. Князья Новгород-Северские: конец XII – начало XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2019. – №4(78). – С. 5–17.
70. Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли. – Т. I. Литовский период. – Одесса, 1912.
71. Книга Большому чертежу / подг. и ред. К.Н. Сербиной. – М.–Л., Изд-во АН СССР, 1950.
72. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
73. Коринный Н.Н. Переяславская земля. X – первая половина XIII века. – Киев: Наукова думка, 1992. – 312 с.
74. Коростелев В.А., Российский М.А. Прошлое Скопинской земли в очерках по истории её сёл и деревень. Алмазово – Кушуново. – М.: Вече, 2017. – 752 с.
75. Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Кишинёв: Stratum Plus, 2015. – С. 411–478.
76. Кравченко Э.Е. Средневековые поселения на территории донецких степей // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Т. 2. – Кишинёв: Stratum Plus, 2019. – С. 669–690.
77. Кудрявцева Е.Ю. Древнерусско-половецкое пограничье в лесостепном Подонье (вторая половина XII – первая треть XIII вв.): дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Воронежский гос. ун-т, Воронеж, 2000.
78. Кудряшов К.В. Половецкая степь. – М.: ОГИЗ, Географгиз, 1948.
79. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения – 2-е изд., доп. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. – 560 с.
80. Кулатова І.М., Мироненко К.М., Приймак В.В., Супруненко О.Б. Житлово-господарські комплекси X–XIV ст. з розкопок посаду літописної Лтави 1998 р. // Археологічний літопис Лівобережної України. – 1999. – Число 1(5). – С. 47–68.
81. Кулешов Ю.А. Ордынский воинский вещевой комплекс со шлемом из Печенежского района // Харьковский историко-археологический сборник. – Вып. 25. – Харьков: Мачулин, 2020. С. 4–31.
82. Купчинський О.А. Статистика та географія двочленних відприсвійних географічних назв України на -*їь // Історичні джерела та їх використання – Вип. 4. – Київ: Наукова думка, 1969. – С. 217–236.
83. Купчинский О.А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности: этногенез, материальная культура Древней Руси. – Киев, 1980. – С. 45–72.
84. Купчинська З. Семантичний простір з домінантою люди́на (на матеріалі української ойконімії) // Лексикографічний бюлетень. – Вип. 14. – Київ: Ін-т української мови НАН України, 2006. – С. 13–20.
85. Купчинська З. Йотово-посесивна ойконімія України: хронологічний аспект // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки: Філологічні науки. Мовознавство. – 2014. – №2(279). – С. 70–75.
86. Кучера М.П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М.: Наука, 1975. – С. 118–143.
87. Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. – Вып. 1. – М.: Российское университетское издательство, 1996. – С. 5–57.

88. Кучкин В.А. Датировка списка «А се имена градом всѣм руским далним и ближним» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015. – №3(61). – С. 70–72.
89. Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. – 2020. – №4. – С. 3–30.
90. Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение Курской земли в золотоордынское время // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Т. 6. – Донецк: ДонНУ, 2008. – С. 487–506.
91. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. – М., 1892.
92. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 688 с.
93. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М.: Скрипторий, 1997. – 386 с.
94. Марков В.И. Тюркский след в истории Украины X–XVII вв. – СПб: ЕВРАЗИЯ, 2016. – 382 с.
95. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии / ред. Д.И. Багалея. – Харьков, 1886.
96. Митрофанова В.І. Пам'ятки зарубинецького часу на Дінці // Археологія. – Т. XVIII. – Київ: Наукова думка, 1965. – С. 190–195.
97. Моргунов Ю.Ю. Историческая география Переяславской земли (Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович). – Вологда: Древности Севера, 2019. – 375 с.
98. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
99. Обломский А.М. Отчет о работе Белгородской раннеславянской экспедиции за 1985 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 10910.
100. Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. – М.–Сумы, 1991.
101. Омельченко Ю.А., Тесленко І.Б., Чміль Л.В. Українська наддніпрянська кераміка XIV–XVIII ст. (методичні рекомендації). – Київ, 1994.
102. Отписные и отдельные книги, а которого года начала и окончания, не значит[ся] / РГАДА. Ф. 1209. Оп. 92. Кн. 15828.
103. Парманин М.П. Необходимость изучения Курской губернии в историко-культурном отношении // Известия Курского губернского общества краеведения. – 1927. – №3. – С. 14–16.
104. Петров С.В. Находки у второй Белгородской крепости // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. – Вып. 2. – Белгород: Константа, 2017. – С. 90–96.
105. Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (до питання про татарську Україну) // Східний світ. – 1993. – №2. – С. 133–143.
106. Плетнева С.А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. – Вып. 99. – М.: Наука, 1964. – С. 24–33.
107. Плетнева С.А. Половецкая степь // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М.: Наука, 1975. – С. 260–300.
108. Плетнева С. Половцы. – М.: Ломоносовъ, 2010. – 216 с.
109. Подлинная писцовая книга государевых оброчных, поместных и монастырских бортных ухажьев и всяких угодий в волостях Желвацкой, Городецкой, Мужецкой, Биринской, Ницанской, Хотмышской, Тешковской, Печерской, Залуцкой, Лосицкой, Немирской, Клепецкой, Корельской, Хотенской, Синецкой и Ордынской письма и дозора Петра Ивановича Мусорского и подьячего Гаврилы Федорова / РГАДА. Ф. 1209. Оп. 14. Кн. 368.
110. Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. – М.: Индрик, 2015. – 712 с.
111. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. – 2-е изд. – Вып. 1. Повесть временных лет. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926.

112. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. – 2-е изд. – Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
113. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. – 2-е изд. – СПб, 1908.
114. ПСРЛ. Т. V. Псковские и Софийские летописи. – СПб, 1851.
115. ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб, 1885.
116. ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб, 1897.
117. ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб, 1901.
118. ПСРЛ. Т. XV. – 2-е изд. – Вып. 1. Рогожский летописец. – Пг, 1922.
119. ПСРЛ. Т. XXXII. Хроники: Литовская и жмойтская и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – М.: Наука, 1975.
120. ПСРЛ. Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские. – М.: Наука, 1980.
121. *Похлёбкин В.В.* Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). – М.: Международные отношения, 2000.
122. *Приймак В.В., Поряднева В.О.* Населені пункти на шляху з Чернігова до Білої Вежі й Тмуторокані // Археологія. – 2002. – №3. – С. 108–114.
123. *Раздорский А.И.* Владельческая принадлежность Курского княжества в XI–XIII вв. // Очерки феодальной России. – Вып. 2. – М.: УРСС, 1998. – С. 3–21.
124. *Расовский Д.А.* Половцы. III. Пределы «поля половецкого» // *Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*. – Vol. IX. – Praha: Institut Kondakov, 1937. – С. 71–85.
125. *Расовский Д.А.* Половцы. IV. Военная история половцев // *Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*. – Vol. XI. – Beograd: Kondakov Institute, 1940. – С. 95–128.
126. Реестр книге межевой Ряз... письма и межевань Григория Киреева с товарищи 137, 138 и 139 годов, в коей явствуе, за каким владельцем какие села, селища, деревни, пустоши, займища, пожни, погосты и прочее [состояли], значит под сим / РГАДА. Ф. 1209. Оп. 14. Л. 534–557.
127. Реестр писцовой книге Путивльского уезда письма и меры Петра Мусорского да подьячего Гаврилы Федорова 136-го и 137-го годов, в коей явствуе, за каким владельцем какие села, деревни, пустоши, селища, займища, пожни, погосты и прочее состояли / РГАДА. Ф. 1209. Оп. 14. Л. 16–35.
128. *Русина О.В.* Путивльські волості XV – початку XVII століть // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – Т. ССXXX. Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. – Львів, 1996. – С. 114–136.
129. *Сарапулкіна Т.В.* Отчёт о разведочных работах на территории Белгородского, Грайворонского, Ровеньского, Шебекинского и Яковлевского районов Белгородской области в 2010 году / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 39479.
130. Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским / под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб, 1882.
131. Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией / под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб, 1884.
132. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / пер. и сост. В. Тизенгаузен. – Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб, 1884.
133. *Селезнёв Ю.* Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. – М.: Ломоносовъ, 2017. – 272 с.
134. *Селищев А.М.* Труды по русскому языку. – Т. 1. Язык и общество. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 632 с.
135. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора / подг., пер. и комм. Л.А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 228–235.

136. *Скинкайтис В.В.* Керамический комплекс золотоордынского времени с поселения Чернышова Гора // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 6. – Липецк, 2014. – С. 584–588.
137. *Словохотов А.* Муравский шлях как граница между Донецкой и Хотмыжской волостью Путивльского повета // Курск дореволюционный. – 2019. – URL: <http://old-kursk.ru/book/slovohotov/st1906182.html>
138. *Смирнова О.В., Киселева Л.Л.* Изменение видового состава и распространения восточноевропейских широколиственных лесов в голоцене по споропыльцевым и археологическим данным // Восточноевропейские широколиственные леса. – М.: Наука, 1994. – С. 7–29.
139. *Станюкович А.К.* Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-прически XI–XVI веков. – М.: ИскательИ, 2011. – 224 с.
140. *Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В.* Три группы погребений с городища Царский Дворец: предварительное сообщение // Русский сборник. – Вып. 10. – Брянск: РИО БГУ, 2021. – С. 87–94.
141. *Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В.* Гибель городища «Царский Дворец»: вопросы датировки // Русский сборник. – Вып. 10. – Брянск: РИО БГУ, 2021. – С. 194–199.
142. *Стародубцев Г.Ю., Степанова Ю.В., Зорин А.В.* Два погребения литовского времени с городища Царский Дворец: предварительное сообщение // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: археология, история. – Тула, 2018. – С. 331–338.
143. *Супруненко О.Б., Мироненко К.М.* Археологічна предтеча козацької доби: Пам'ятки золотоординської епохи на Полтавщині // Переяславська Рада 1654 року: історія і наслідки. – Полтава: Вид. ПДПУ, 2003. – С. 58–67.
144. *Сухобоков О.В.* «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X–XIII вв. (по материалам роменско-древнерусского комплекса в с. Каменное). – Киев: Вид. Олег Філюк, 2016. – 376 с.
145. *Сыроечковский В.Е.* Пути и условия сношения Москвы с Крымом на рубеже XVI века // Известия академии наук СССР. VII серия. Отделение общественных наук. – Вып. 3. – Л., 1932. С. 193–237.
146. *Терновский Д.А.* К истории Нижегольского уезда в 17 и 18 в. // Известия Курского губернского общества краеведения. – 1927. – №5. – С. 57–68.
147. *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. – СПб: Алетейя, 2003. – 160 с.
148. *Тропин Н.А.* Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. – Ин-т археологии РАН, М., 2007.
149. *Тропин Н.А.* Чугунные котлы с территории Елецкого княжества XIV–XV вв. // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф., посв. 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ БелГУ, 2018. – С. 398–402.
150. *Узбек? Редкий?* // Форум по исламской нумизматике. 2007. URL: <https://rasmircoins.ucoz.ru/forum/2-291>
151. *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет (основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых норм в Золотой Орде) // Нумизматика и эпиграфика. – Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 94–192.
152. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973.
153. *Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. – Вып. 10. Славяне и кочевой мир. – М.: Наука, 2001. – С. 172–196.
154. *Хромов К., Хромова І.* Місцеві монети-наслідування другої половини XIV ст. на литовсько-ординських прикордонних територіях // Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського. – Т. III. – Київ, Інститут історії України НАН України, 2015. – С. 191–203.
155. *Цыбин М.В.* Некоторые закономерности формирования русско-кочевнического пограничья в Среднем Подонье в IX–XVII вв. // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф., посв. 80-летию со дня рождения А.Г. Николаенко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ БелГУ, 2018. – С. 388–397.
156. *Черкас Б.* Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 157–179.
157. *Чурсин Д.И.* «Еголдаева тьма» и её волости по данным исторических источников // История. Общество. Политика. – 2021. – №2(18). – С. 96–119.

158. *Шабульдо Ф.* «Семёновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века // *Ruthenica*. – 2010. – №9. – С. 57–73.
159. *Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В.* К истории Харьковского Поудья в золотоордынское время // *Поволжская археология*. – 2017. – №4(22). – С. 147–164.
160. *Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В., Овсянников О.В.* Комплекс серебряных монет XIV века из с. Заудье Чугуевского района Харьковской области // *Средневековая нумизматика Восточной Европы*. – Вып. 7. – М., 2018. – С. 172–180.
161. *Шапошник В.Г., Овсянников О.В.* О возможном прототипе изображений на одном из вариантов реверсов именных монет Корибута-Дмитрия Ольгердовича // *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2021 года. Памяти Г.К. Мельник*. – М., 2021. – С. 124–130.
162. *Шпилев А.Г.* Древнерусские клады Курского края // *Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур. К 25-летию Курского государственного областного музея археологии*. – Курск, 2018. – С. 240–261.
163. *Шрамко Б.А.* Отчет об археологических разведках экспедиции ХГУ на территории Белгородской и Курской областей в 1958 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 1843.
164. *Шрамко Б.А.* Древности Северского Донца. – Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1962.
165. *Шрамко Б.А.* Хорошевское городище // *Археология славянского Юго-Востока: материалы к межвузовской научной конференции / отв. ред. А.Г. Дьяченко*. – Воронеж: Воронежский пединститут, 1991. – С. 50–59.
166. *Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П.* Справочник по археологии Украины: Харьковская область. – Киев: Наукова думка, 1977.
167. *Щавелев С.П.* Курская тьма – пограничье Руси и Золотой Орды (по документальным и археологическим материалам) // *Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II-ой международной научной конференции*. – Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2016. – С. 411–422.
168. *Ююкин М.А.* Древнерусские летописные ойконимы XIV–XVII веков с формантом *-жь // *Филология и человек*. – 2015. – №1. – С. 141–148.
169. *Янин В.Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 216 с.
170. *Astaykin A.* The heyday of the White Horde under Uzbek Khan. 1312–1341 // *Atlas Tartarica*. – Kazan–Moscow–Saint-Petersburg: Intergroup, 2020. – P. 222–223.
171. *dmvm. 794 AH. Dang. Toqtamish khan. Urdu mint* // *Oriental Coins Database*. 2009. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=76088>
172. *Gandzak. Jandar AR dirham, temp. Adil Bey, (Sinob) (751) AH* // *Oriental Coins Database*. 2007. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=46047>
173. *Gordian. Date? Dang. Shadi Beg khan. Urdu mint* // *Oriental Coins Database*. 2010. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=80101>
174. *Gulevych V.* Expansion of the Grand Duchy of Lithuania in the middle and the second half of the fourteenth century and its relations with the Horde // *The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe. Political, Economic, and Cultural Relations*. – London–New York: Routledge, 2021. – P. 340–367.
175. *Gulevych V.* The Grand Duchy of Lithuania, the Kingdom of Poland, and the Tatar World in the fifteenth century // *The Routledge Handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe. Political, Economic, and Cultural Relations*. – London–New York: Routledge, 2021. – P. 368–388.
176. *Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego*. – Ks. 10. 1370–1405 / kom. red. S. Gawęda et al., oprac. tekstu łac. D. Turkowska, M. Kowalczyk, przekł. na jęz. pol. J. Mrukówna, red. i koment. Z. Perzanowski. – Wyd. 2. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. – 383 s.
177. *Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego*. – Ks. 11 i 12. 1431–1444 / kom. red. K. Baczkowski et al., oprac. tekstu łac. C. Pirożyńska, przekł. na jęz. pol. J. Mrukówna, weryfikacja przekł. i red. J. Wyrozumski, koment. L. Korczak. – Wyd. 2. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. – 406 s.

178. *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th – 18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. – Leiden–Boston: Brill, 2011.
179. Lietuvos Metrika. Knyga nr. 4 (1479–1491) / par. L. Anužytė. – Vilnius: Žara, 2004. – 285 p.
180. lowvolga. 777 AH. Dang. Qagan beg. Sarai al-Jadida mint // Oriental Coins Database. 2016. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=169905>
181. lowvolga. Imitation of aqche 15th c. // Oriental Coins Database. 2021. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=266776>
182. markgg. Иконка // Форум кладоискателей. 2010. URL: <https://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=53701&view=findpost&p=727058>
183. Machmetgireia czara pacta roku panskie 1522 / PAN Biblioteka Kórnicka. Ms. 222. №20. P. 118–122.
184. Menligereia wielkiej Ordy wolnego czara pacta roku pan[s]k. 1514 / PAN Biblioteka Kórnicka. Ms. 222. №16. P. 106–109.
185. *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. – Cz. 1. Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej. – Lwów–Warszawa: Książnica Polska Towarzystwa Nauczycieli Szkół Wyższych, 1922.
186. *Scriptores Rerum Prussicarum.* Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / hrsg. T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Bd. 3. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1866.
187. *Tarasevich.* Mstislav Principality. C/m by Mikhail Olelkovich (coup of 1481) over Juchid coin // Oriental Coins Database. 2009. URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=78483>



Сведения об авторе:

Чурсин Дмитрий Игоревич – член Белгородской региональной общественной организации «Общество любителей древней истории». E-mail: cizmandavid@gmail.com

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

УДК 94(73)"1845/1905"+289.3

А.Д. Фельдман

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» В СОВЕТСКОЙ КА- РИКАТУРЕ 1970-Х ГГ., НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Аннотация: В статье рассмотрена эволюция образа «холодной войны» в «Правде» за 1970-е гг.: от отдельных деталей и разрозненных художественных работ к устоявшемуся образу – мадам «холодная война».

Ключевые слова: холодная война, СССР, США, карикатура.

Feldman A.D. Evolution of the Cold War image in Soviet cartoons of the 1970s, based on the materials of the newspaper "Pravda"

Abstract: The article deals with the evolution of the Cold War image in "Pravda" during the 1970s: from individual details and disparate artworks to a well-established image, the Cold War Madame.

Keywords: Cold war, USSR, USA, cartoons.

Визуальные источники (в т.ч. и карикатуры) являются способом официальной репрезентации различных образов происходящих и происходивших событий, так и формой стихийного народного творчества, которые создают собственное пространство образов и смыслов [1].

«Карикатурист намеренно предлагает зрителю смешное изображение лица, персонажа или события. При этом специфика сатирического творчества диктует ему «такой отбор художественных приемов, который зачастую исключает чрезмерное приближение к натуре и правдоподобию» - утверждал известный советский карикатурист Б. Ефимов.[2]

По его мнению, в карикатуре есть свои законы, метафорическая логика, а также система. Она переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов. Журнальная карикатура в этом отношении представляет интереснейший материал, так как, обладая признаками массового исторического источника, является ценнейшим документом для исследования массового сознания эпохи.

Внешнеполитические события эпохи «холодной войны» стали почвой для рождения новых журнальных карикатур в советской периодической печати. В начале десятилетия была опубликована работа В. Фомичёва «Этот холодильник нам ещё хорошо послужит...» [3], где появляются первые карикатурные детали, которые будут использованы в последующих рисунках – «очеловечивание» «холодной войны» и шлем (метафора воинственности). (изображение 1)

Изображение 1.



Образ «холодной войны» дополняется новыми элементами: в сборнике карикатур «Весна-73. Оберегая от жаркого солнца» Ю. Черепановой, «холодная война» представлена в виде ракеты, тающей под лучами солнца международной разрядки.[4] (изображение 2)

Изображение 2.



Мотив «таянья» был повторён в сборнике карикатур «Ядовитые грибы. Мухомор идеологический» М. Абрамова в том же году.[11] Здесь же добавляются компоненты будущего образа «холодной войны» - большой, длинный, крючковатый нос и основание шлема в виде хвоста ракеты. (изображение 3)

Изображение 3.



«Летние хлопоты... поборников «холодной войны» М. Абрамова в 1973 г. снова изображали знакомый читателям холодильник. В этой работе примечательна изменившаяся форма носа - вместо человеческого стал ракетой, тающей на солнце. [6] (изображение 4)

Изображение 4.



В 206 выпуске «Правды» в карикатуре «Господа! Интервью у нее можете взять после укола! М. Абрамова 1973 г. «холодная война» приобрела черты тиражируемого образа во всех карикатурах десятилетия - женщина преклонных лет, тающая на глазах, со шлемом на голове в виде ракеты и носом как дуло автомата. [9] (изображение 5)

Изображение 5.



Похожая мадам была помещена на щит сенатор Г. Джексона, «выступавшего с провокационными речами и известный оголтелым антисоветизмом» [12] как гласит подпись к карикатуре «Горячий рыцарь холодной дамы» В. Фомичёва. (изображение 6)

Изображение 6.



С 1973 г. «холодная война» чаще всего являлась читателю именно в этом образе. Это можно отследить в карикатурах М. Абрамова: «Мини в макси» (1973 г.), «Антисоветская комета и её хвост» (1974 г.), «Очередные гастроли ансамбля «НАТО»» (1974 г.), «Свобода творчества на Западе. Скульптор» (1977 г.) «Вас ждут, мадам» (1978 г.) [21], «Прошу, мадам, наверх» (1978 г.) А. Фомина [23] и др. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

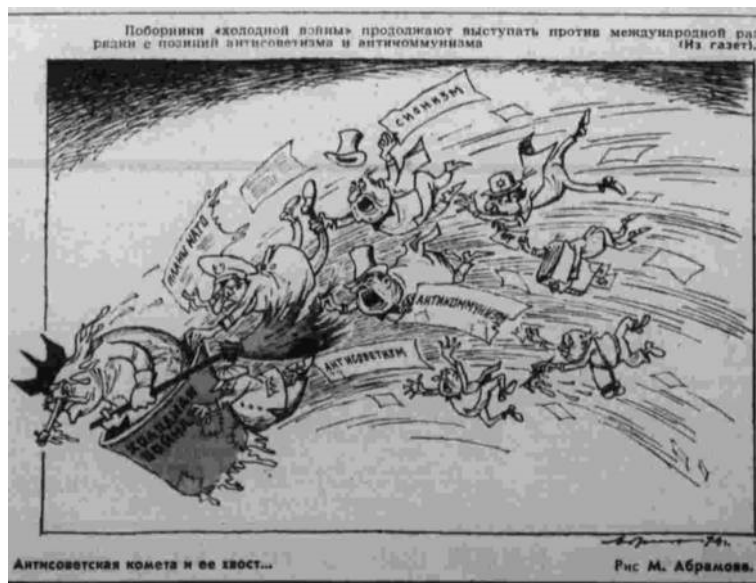
«Мини в макси» изображает Дж. Мини – председателя АФТ – КПП (прим. американская федерация труда – конгресс производственных профсоюзов), укравшего юбку «холодная война» у мадам. Дж. Мини стал героем этой карикатуры за «демонстрацию приверженности «холодной войне»» [10]. (изображение 7)

Изображение 7.



«Антисоветская комета и её хвост» дополняют образ «холодной войны» сравнением с фольклорным персонажем – Бабой Ягой. Здесь присутствуют все атрибуты – старая, заплата-ная ступа и метла, которой она пытается разогнаться и оторваться от хвоста кометы в виде антикоммунизма, сионизма, плана НАТО, антисоветизма. [13] (изображение 8)

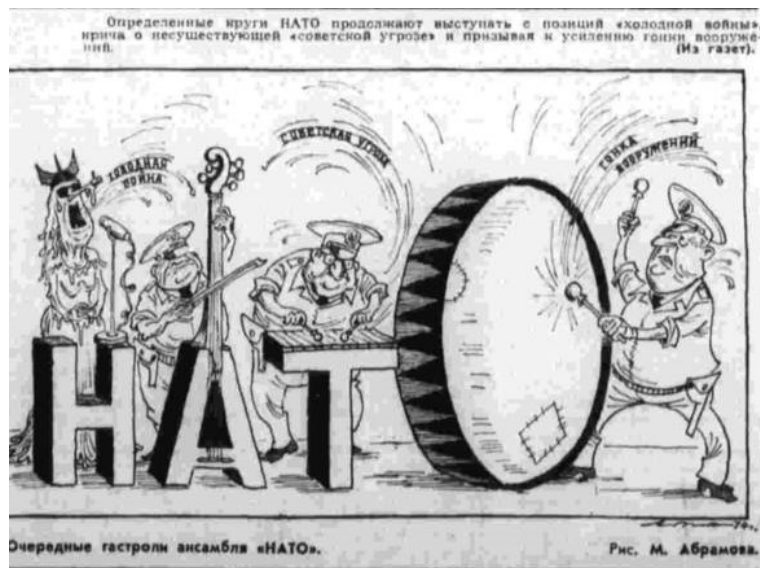
Изображение 8.



«Очередные гастроли ансамбля «НАТО»» показывает «холодную войну» певицей музыкальной группы «НАТО», исполняющую песню о «холодной войне». Отметим, что образ

мадам сопровождается черными очками и платьем, такого рода дополнения на ранних карикатурах отсутствуют. [16] (изображение 9)

Изображение 9.



Сборник карикатур ««Свобода творчества» на Западе» 1977 г. представила мини работы «Скульптор», «Живописец», «График», «Монументалист». В «Скульптуре» из камня с помощью инструментов мастер вытачивает фигуру мадам «холодная война» [20] (изображение 10)

Изображение 10.



От события к событию образ «холодной войны», использованный карикатуристами, был разнообразными. Помимо сформированного восприятия в качестве мадам «холодная война» встречаются «холодная война» - пластинка (Заезженная пластинка, 1973 г., Кукрыникисы) [5], гроб (Тщетные старания, 1973 г. В. Фомичёв) [7], тонущий корабль (Неважные перспективы, 1973 г., Г. Оганов) [8], ксилофон (Устаревший репертуар, 1974 г., М. Абрамов) [15], снеговик (Натовское пугало, 1974 г., В. Волков [14]; К родным пенатам... 1977 г., Ю. Черепанова[19]), вывеска ателье (МИНИкен, 1975 г., М. Абрамов) [17], танковые ежи (Плацдарм барабанщиков «холодной войны», 1978 г., В. Фомичёва) [22] и др.

Постепенно карикатурные образы «холодной войны» был вытеснен разрядкой международной напряженности, о чём свидетельствует карикатура Д. Агаева «Весеннее таяние» 1976 г. [18] Количество карикатур о «холодной войне» на это время сокращается.

Анализируя количество карикатур с мадам «холодная война», можно сделать вывод, что она занимает 45% всех художественных работ за 1970-е гг. Мадам «холодная война» советских карикатуристов родилась из различных элементов и делателей в карикатурах начала 1970-х гг., а именно – длинный крючковатый нос со временем стал похож на дуло оружия, под лучами солнца или без них женщина преклонных лет таяла, на голове водружён шлем в виде хвостовой части ракеты и др.

Таким образом, риторика «холодной войны» в советском политическом плакате и карикатуре — это, как правило, противопоставление по принципу «мы – они» образа жизни, внешней и внутренней политики. В советской визуальной пропаганде сложился ряд символов и метафор. [24]

Все эти детали соотносились с событиями этой эпохи – нос с дулом автомата означает проблему разоружения. Советские карикатуристы в рамках пропаганды обрисовывали идею таяния «холодной войны», соответственно таяние мадам стало той самой метафорой. Нередко это таяние было сопровождено лучами солнца, означавшее разрядку. Шлем в виде хвостовой части ракеты подтверждает тезис о проблеме разоружения, а также напоминает о гонке вооружения. Сам выбор образа в виде женщины был ассоциативным от женского рода слова «война». Так образ «холодной войны» был «принят» массовым читателем и популяризировался советской пропагандой.

Библиографический список

1. Аксенов В.Б. «Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914-1918)». М. 2020. С. 572
2. Б. Е. Ефимов. Основы понимания карикатуры. М. Акад. художеств СССР, 1961. 71 с.
3. Правда 1970, №305.
4. Правда 1973, №79
5. Правда 1973, №125
6. Правда 1973, №178
7. Правда 1973, №191
8. Правда 1973, №204
9. Правда 1973 №206
10. Правда 1973, №233
11. Правда 1973, №238
12. Правда 1973 №365
13. Правда 1974 №49
14. Правда 1974, №176
15. Правда 1974 №264
16. Правда 1974, №356
17. Правда 1975, №5
18. Правда 1976, №121
19. Правда 1977, №204
20. Правда 1977, №352
21. Правда 1978, №202
22. Правда 1978, №226
23. Правда 1978, №237

24. Мамедова А. О. Символы войны и мира в советском политическом плакате и карикатуре периода «холодной войны» // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvoly-voyny-i-mira-v-sovetskom-politicheskom-plakate-i-karikature-perioda-holodnoy-voyny> (дата обращения: 05.12.2022).



Сведения об авторе:

Фельдман Анастасия Дмитриевна, студентка III курса магистратуры истории и международных отношений (Педагогическое образование: Историческое образование) Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: ru_nasty00@mail.ru

УДК 9.93

В.Ю. Назин

“КРАСНЫЙ НАНТЕР” ПЬЕРА ГРАППЕНА И ПОЛЯ РИКЁРА

Аннотация. Данная статья посвящена интеллектуальному движению второй половины 60-х годов XX века во Франции. Событиям, которые историк Ричард Вайнен называл как “Долгий ‘68”. Основная цель работы, проследить эволюцию развития идеи университета будущего “Paris-X” и того, что в это вкладывали первые деканы-философы, работавшие в нем, Пьер Граппен и Поль Рикёр. Изучение темы проводится с использованием опубликованных интервью, воспоминаний участников и вырезок из газет того периода. Работа позволяет расширить понимание проблем общественных движений во Франции конца 60-х годов и связанных с ней идей.

Ключевые слова: Париж-Нантер, Пьер Граппен, Поль Рикёр, Волнения, Студенческое движение

Nazin V.Y. Pierre Grappin and Paul Ricoeur's “Nanterre La Rouge”

Annotation. This article focuses on the intellectual movement during the second half of the 1960s in France. Events that historian Richard Weinen has referred to as “The Long ‘68”. The main purpose of the work, to trace the evolution of the development of the idea behind the university of the future “Paris-X” and what the first deans-philosophers who worked there, Pierre Grappin and Paul Ricoeur, put into it. The topic is researched using published interviews, memoirs of participants, and newspaper clippings from that period. The work allows us to expand our understanding of the problems associated with social movements in France in the late 1960s and the ideas associated with it.

Keywords: Paris-Nanterre, Pierre Grappin, Paul Ricoeur, Riots, Student Movement.

Парижский университет Нантера “Paris-X” стал настоящим символом протестов мая 1968 года. Построенный на окраине Парижа как продолжение Сорбонны в 1960-х годах он должен был стать местом экспериментального университета будущего, однако получил названия “Безумного” “Nanterre, la folle” и “Красного” “Nanterre la rouge”.

О том, как и на каких идеях создавалось учебное заведение вспоминал философ и декан университета “Paris-X”, Поль Рикёр (1913–2005), который в 1966 году принял предложение декана Сорбонны, где он в тот момент преподавал, перейти на работу в Нантагер. Вместе с французским германистом, философом и первым деканом Пьером Жан Граппеном (1915–1997) согласившимися на перевод в должности декана в 1964 году, ученые философы намеревались создать “новый университет”, где отношения между преподавателями и студентами должны были руководствоваться древней идеей “сообщества-полиса”, а занятия проводились в форме открытого диалога, где “каждый учил бы каждого” [1, С. 18-19].

Рикёр видел в этом возможность получить новый опыт. Он вспоминал что приехал в Нантер на закладку первого камня, когда вокруг были лишь трущобы: “В первый раз я поехал в Нантер зимой, и таксист отказался ехать всю дорогу, грязи было столько что он сказал мне: «Вы принимаете мою машину за десантный корбаль?». Помню бурлескную сцену закладки первого камня, мы с Пьером Граппеном везли этот знаменитый камень на такси, но не знали, что с ним делать. Мы поставили его в грязь и ушли. Очень любопытно, что я не осознавал, какое это было безлюдное место. Может быть, меня захватила какая-то рабочая фантазия, которая заставила меня думать, что не так уж и плохо построить университет посреди трущоб” [13, р. 34].

Итогом стал университет больше похожий на американский кампус, чем на стандартный французский университет. К тому же, в силу либерального управления студенты сильно склонялись к радикальным движениям Франции того времени.

Пьер Граппен вспоминал переломный момент для университетской жизни в “Paris-X”, когда студенты отказывались от признания авторитетов: “Однажды вечером в ноябре 1966 года я вдруг почувствовал приближение перемен, которые еще не были очевидны. Я вышел из

офиса довольно поздно, после семи вечера. В холле факультета, выходя из главного лекционного зала, меня встретила плотная толпа студентов [...] Когда я приблизился к ним на расстояние пяти метров, я остановился. Они прошли справа и слева от меня. Никакой реакции ни от кого. Я просто стоял там, застыв. Для меня это было откровением: в этой массе из двухсот студентов никто не мог опознать декана, или они хотели его не замечать. За год до этого, в 1965 году, мы все еще знали друг друга. [...] В тот момент у меня было предчувствие, что эти молодые люди идут прямо, без оглядки направо или налево. [...] В этой толпе студентов не было ни враждебности, ни любопытства: они просто шли своей дорогой. Меня поразило их безразличие" [10].

Об этих событиях вспоминал и Поль Рикёр: "События начались в Нантере на почве вопросов, не относящихся к сфере преподавания, таких как право юношей посещать девушек в их резиденциях; в конечном счете, именно "сексуальная революция" стала их детонатором... В то время я видел это положительно; Я думал, что положительное перевешивает отрицательное; опыт свободы слова, тот факт, что все разговаривают друг с другом, все аспекты праздничности казались мне необычными... Это то, что я унаследовал в 1969 году, когда меня избрали деканом. У меня была перед собой воля к беспорядку, которая больше не основывалась ни на каких политических мотивах, а основывалась только на местной мотивации в дисфункции – препятствовать функционированию университета. Таким образом, возможности для обсуждения были чрезвычайно малы. В 1969 году ситуация ухудшилась, никакого политического плана, кроме чисто идеологической конфронтации, где власть сразу отождествлялась с насилием и нагло осуждалась как таковая" [13, р. 36–38].

В связи с начавшимися протестами мая 1968 года декан Пьер Граппен был вынужден снять с себя полномочия и закрыть университет [9, р. 21]. Это лишь усилило волнения студентов, требующих восстановления преподавания. Лозунги протестующих студентов того периода, помимо отмеченных Полем Рикёром, были связаны с идеей реформы системы экзаменов как устаревшего инструмента и отказа от устаревших учебных программ [8, р. 4].

Противостояние вспыхивает с новой силой, когда на усмирение вышедших студентов прибывает полиция. Уже 4 мая число демонстрантов достигло шести тысяч человек, происходили локальные столкновения. 6 мая конфликт вышел за пределы университета, протестующие били машины, забастовка охватила Париж и шла по нарастающей [4, р. 7]. Продолжающиеся вплоть до июня протесты привели к роспуску Национального собрания и досрочным парламентским выборам в стране, а также дали возможность студентам и профессорам избирать своих представителей в управляющие советы по закону Форэ ("Loi Faure"), принятому 12 мая 1968 года.

Именно в такой ситуации, управление университетом переходит к Полю Рикёру, который становится новым деканом университета. Его политика, проводимая в университете, не претерпела значительных изменений после работы Пьера Граппена. Взгляд на университетскую работу можно найти в работе философа "История и истина". В ней, Рикёр, критикует современную культуру как виновную в эксплуатации труда [2, С. 249] а на ее смену видит "цивилизацию труда" которая не страдает безнравственностью, притворством, нарциссизмом и должна принести с собой "союз людей труда" [2, С. 254].

Обстановка 1969 года, в Нантере представляла интерес в связи выборами студентов своих представителей в "Университетский совет". Однако, даже такие выборы во многом бойкотировались студентами из Нантера. В день выборов студенты ходили с гигантской морковью, прикрепленной к палке символизируя проводимую, по их мнению, к ним политику "кнути и пряника" (в Европе, устойчивым фразеологизмом является "морковка и палка" ("la carotte et le baton")) как комбинации вознаграждения и наказания для побуждения к желаемому

поведению) со стороны власти. Один ультралевый студент установил винный прилавок перед участком для голосования, бесплатно раздавал вино и развернул баннер со словами: "Пей, не голосуй" [6, р. 11]. Отмечался случай, когда активисты освистали учителя и требовали изучения "трех «ма»", "Маркса, Мао и Маркузе", вместо того что положено программой обучения [14, р. 11].

Новые беспорядки вспыхнули уже весной 1970 года и стихийно переросли в прямые стычки с полицией: "После решения Административного совета попросить полицию поддерживать порядок в университетском центре, волнения не утихают. Сегодня повторились драки между правыми и левыми экстремистами, в результате которых пострадали трое молодых людей. Затем полиция потребовала положить конец столкновениям и еще один студент оказался в больнице. Тогда около тридцати правых экстремистов, перед которыми выстроилась сотня левых, смогли покинуть университет. Их противники сделали то же самое в середине дня, но вскоре после этого произошли новые инциденты между полицией и демонстрантами. Студенты перекрыли проспект, и жандармы снова атаковали, преследуя их даже до факультета искусств. Когда они вышли, то подверглись жестокой бомбардировке всевозможными предметами, бросаемыми из окон и с крыши. В ответ студентов забросали бомбами со слезоточивым газом" [11, р. 16].

В заметке, опубликованной двумя, днями позже отмечалось: "Снег, выпавший сегодня ночью на протяжении большей части дня, покрыл обломки, разбросанные вокруг факультетов права и литературы в Нантере. Это обломки шестичасовой драки, в которой вчера столкнулись студенты и полицейские: под двадцатисантиметровым слоем снега лежит почти вся мебель двух факультетов, в кусках, вместе с десятками серьезно поврежденных автомобилей, мопедов, сорванных с полов плиток и кафеля. Не менее 180 человек получили ранения, более или менее поровну с обеих сторон, некоторые из них довольно серьезные. В основе беспорядков лежат провокации, осуществленные в последние несколько дней группами фашистов, вооруженных железными прутьями и в стальных касках, многие из которых даже не являются студентами. В прошлый понедельник один из таких отрядов выстроился у входа в юридический факультет и не пускал студентов, которые должны были сдавать экзамены по экономике" [15, р. 17]. В этой же заметке отмечалось влияние Поля Рикёра на происходившие события: "Однако декан факультета гуманитарных наук Поль Рикёр, известный своими либеральными настроениями и враждебно относящийся к любой форме репрессий, впечатленный продолжением этой ситуации и опасаясь худшего, потребовал присутствия полиции (в кампусе, но не на территории факультета), чтобы восстановить условия, обеспечивающие нормальное продолжение курсов" [15, р. 17].

Сам Рикёр отрицал, что вызывал полицию в тот день сам: "Однажды вечером меня вызвал министр Гишар в самый разгар кризиса, после того как мой административный совет, на свое несчастье, проголосовал за текст, в котором говорилось, что порядок в кампусе больше не может поддерживаться и что мы сохраняем только ответственность за безопасность зданий. В тот самый вечер, когда состоялось это голосование, министр сказал мне: «Порядок должен быть восстановлен, так больше продолжаться не может». Я вернулся домой, и в полночь мне перезвонил его генеральный секретарь: «Завтра утром в семь часов полиция будет в кампусе». Я ответил, что он не может так поступить. «Могу», - сказал он. «Вы вчера проголосовали за то, чтобы освободить кампус от своих полномочий. Вы отказались от своих полномочий, поэтому мы вмешиваемся». Вот так я обнаружил полицию на территории. Я их не вызывал, они уже были там... Я отреагировал, выбрав наихудшее из возможных решений: запретить полиции входить в здания. Полиция не входила, за исключением нескольких случаев против моей воли. Это было худшее решение, потому что полиция, окружавшая здания, была

бомбардирована пишущими машинками, столами и так далее, и я искренне боялся, что будут смерти. Нантер был закрыт на три дня. Через неделю я подал в отставку” [13, pp. 38–39].

Следует отметить, что еще одной причиной отставки Рикёра явились личные нападки студентов, начавшиеся с января 1970 года. Так, после увольнения Рикёра, газета “La Stampa” отмечала: “С января директор школы Поль Рикёр подвергается личным нападкам... Они [протестующие] захватили его на два часа в его кабинете. Несколько раз они плевали ему в лицо. Затем самый сенсационный эпизод последнего времени: на его голову высыпали мусорный бак, когда он выходил из университетского общепита” [7, p. 13].

Произошедшие события явились важным водоразделом в жизни Поля Рикёра, он стал сомневаться в силе коммун и возможности самоуправления отстраняясь от левого движения: “Я бы сказал, что моя неудача в Нантере была провалом невыполнимого плана по примирению самоуправления и изначально иерархической структуры любого учреждения; или, во всяком случае, асимметричного распределения определенных ролей которое оно подразумевает... Но то, что я попытался сделать это и потерпел неудачу, было большим уроком” [13, pp. 39-40].

Несомненные данные события стали водоразделом для обоих философов. Так французский историк Жан-Жак Беккер отмечал: “Как и революция, Нантер пожирал своих детей - П[ьера] Граппена, Поля Рикёра, и если не гильотинировал их, то такое ощущение, что он хотя бы частично разрушил их взгляды, или, если формула кажется чрезмерной, ознаменовал разлом” [5, p. 123].

После произошедшего Пьер Граппен как философ и исследователь был забыт, его мемуары “Memoires d’un universitaire humaniste” как активного участника французского сопротивления остались неизвестными широкой публике, а его интеллектуальное наследие еще предстоит открыть.

Жизнь Поля Рикёра оказалась богатой на происходившие события. Разочаровавшись в возможности жизни коммун исходя из опыта Нантера, Рикёр постоянно находился в потоке мыслительного процесса. Его идеи подвергались трансформации и это не было реакцией вида критика-ответ, Рикёр как философ диалога видел в том, что его идеи не становятся простым грузом в истории философии свое основное назначение. Отойдя от интеллектуальной жизни Франции Рикёр находит себя востребованным в США, особенно в связи с достаточно распространенной формой обучения в виде диалога, что он и пытался привнести в университет в Нантере.

Поль Рикёр вернется в Нантер в 1975 году, при этом не покидая работы в Чикагском университете. Получив еще прижизненное признание, в 1999 году Полю Рикёру, была присуждена высшая премия Бальцана за достижения в науке и культуре. Которая была встречена словами: “За его способность объединить все наиболее важные темы и признаки философии 20-го века и переработать их в оригинальный синтез” [12].

Несмотря на устойчивые студенческие движения университет “Paris-X”, в настоящее время является одним из самых престижных французских университетов в области гуманитарных наук и знаменит своими уникальными билингвистическими специальностями. Можно сказать, что этот хрупкий баланс, созданный философами все же был сформирован.

Библиографический список

1. Поль Рикёр в Москве / Под ред. Вдовина И. С. - М.: Канон+, 2013.
2. Рикёр П. История и истина. - СПб.: Алетейя, 2002.
3. Ricoeur P. Critique and Conviction. - N. Y.: Columbia University Press, 1998.
4. Augusto P. Dalla Francia, giorno per giorno // l'Unità. - 1968. - 26 Maggio.

5. Becker J.-J. Grappin Pierre, L'Ile aux peupliers. De la Résistance à Mai 68: souvenirs du doyen de Nanterre // Vingtième Siècle, revue d'histoire, n°41, janvier-mars 1994. La guerre de 1914-1918. Essais d'histoire culturelle. - Nancy: Presses universitaires de Nancy, 1994.
6. Elezioni contrastate all'Ateneo di Nanterre // La Stampa. - 1969. - 26 Febbraio.
7. Fazio M. L'esile Ricoeur // La Stampa. - 1970. - 17 Marzo.
8. France Protests // Escanaba Daily Press. - 1968. - May 31.
9. French Close University // Eugene Register-Guard. - 1968. - May 5.
10. GRAPPIN Pierre, Jean // Le Maitron URL: <https://maitron.fr/spip.php?article87470> (дата обращения: 20.12.2022).
11. Mannucci L. Duri scontri a Nanterre fra studenti estremisti // La Stampa. - 1970. - 3 Marzo.
12. Paule Ricoeur - Balzan Prize Philosophy // International Balzan Prize Foundation URL: <https://www.balzan.org/en/prizewinners/paul-ricoeur/> (дата обращения: 10.12.2022).
13. Ricoeur P. Critique and Conviction. - N. Y.: Columbia University Press, 1998.
14. Sandro V. Caos in Francia in tutte le scuole // La Stampa. - 1969. - 28 Marzo.
15. Volta S. Gli scontri a Nanterre provocati dai fascisti hanno fatto 180 feriti: alcuni sono gravi // La Stampa. - 1970. - 5 Marzo.



Сведения об авторе:

Назин Валерий Юрьевич, магистрант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, БГУ. E-mail: Jordan9000@list.ru

НОРДИЧЕСКАЯ ИДЕЯ ГАНСА ГЮНТЕРА, ЕЁ ИСТОКИ И ВЛИЯНИЕ

Аннотация: В данной статье изучается процесс создания нордической теории, а также ее влияние на нацистскую идеологию. В основе исследования лежат труды Ганса Гюнтера и его ближайшего окружения, радикально повлиявшие на формирование расовой политики Третьего Рейха.

Ключевые слова: Ганс Гюнтер, Третий Рейх, нацизм, нордизм, расовая политика.

Fedotov A.A. Hans Gunther's Nordic Idea, its Origins and Influence.

Abstract: This article examines the process of creating the Nordic theory, as well as its influence on Nazi ideology. The research is based on the works of Hans Gunther and his inner circle, which radically influenced the formation of the racial policy of the Third Reich.

Keywords: Hans Gunther, the Third Reich, Nazism, Nordism, racial politics.

«Э то война идеологий и борьба рас. На одной стороне стоит национал-социализм: идеология, основанная на ценностях нашей германской, нордической крови.... На другой стороне стоит 180-миллионный народ, смесь рас и народов, чьи имена непронизосимы и чья физическая сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать — это расстреливать без всякой жалости и милосердия. ... Когда вы, друзья мои, сражаетесь на Востоке, вы продолжаете ту же борьбу против того же недочеловечества, против тех же низших рас, которые когда-то выступали под именем гуннов, позднее — 1000 лет назад во времена королей Генриха и Оттона I, — под именем венгров, а впоследствии под именем татар; затем они явились снова под именем Чингисхана и монголов. Сегодня они называются русскими под политическим знаменем большевизма». [5.С.138]

Данная цитата принадлежит одному из виднейших идеологов Третьего Рейха и по совместительству рейхсминистру внутренних дел Генриху Гиммлеру. Эти пугающие и наполненные злобой слова были обращены к толпе со знанием дела и были направлены в сердца и умы бойцов СС на выступлении в Штеттине. Эти слова носят характер некоего маркера. Они оставляют неизгладимый след эпохи противоречий и вражды между народами в виде расовой доктрины Третьего Рейха, сокрытой в словах Генриха Гиммлера. По своей сути это главная смысловая часть идеологии нацизма на первом плане из уст одного из непосредственных создателей этой преступной идеи, носящей характер упрощенного перефразирования расовой теории, созданной задолго до выступления самого Гиммлера и начала его работы в министерстве пропаганды.

Данная теория в первую очередь была построена на преобладании одной расы над другой. В частности, речь идет о «нордических» или «арийских» расах и всех остальных жителях земного шара, ставших препятствием на пути к мировому господству. Основной расцвет этой антигуманной и во всех смыслах злодейской идеи пришелся на правление печально известного Адольфа Гитлера. Именно она стала идейным двигателем нацистской машины и стремительно изменила мировоззрение немцев, оглушенных поражением в мировой войне.

Появление некоего деления народов на «низшие» и «высшие» было неслучайным. Подобная дифференциация имела прикладной смысл. Это был один из многих инструментов формирования новой идеологии, которая должна была заменить устаревшую картину мира, оскорбленных немцев итогами мирного договора в Версале. Завершение крупнейшей

европейской войны подталкивало на этот рискованный и опасный шаг и неминуемо вело к обновлению национальной психологии немцев. В ходе этих противоречий жители Германии оказались вытесненными за пределы мировой политики и теперь немецкому населению приходилось возрождать свою национальную идею в извращенном расовом ключе.

Такой долгий и планомерный процесс имел под собой сразу несколько ступеней. Если на первом этапе ставилась задача создать некий идейный базис, то на следующем имелись изменения в религиозном контексте. Воздействие на несколько культурных и социальных центров побуждало население слепо следовать идейным постулатам нацистской идеологии, выгодно встраиваемой в обновленную картину мира.

На втором этапе ставилась цель насаждения мысли о том, что «нордическая раса» имела высокую миссию и занимали главное место в возродившемся мире.[1] Эпоха нового возрождения как раз пришлась на межвоенный период и давала немцам надежду на главенствующее положение. С их точки зрения «нордическая идея» была вместилищем всего светлого и лучшего, стоявшего против зла за пределами Германии.

В данном тезисе против «нордизма» выступали «низшие расы», которые взяли на себя все самое ужасное и стали олицетворением разрушения или же хаоса. С этой позиции вся мировая история от сотворения мира, до наших дней это постоянная борьба света и тени, хаоса и порядка, «высших и низших». Эти идеи плотно засели в умах тех, кто попадал под влияние пропагандистов и идеологов. Даже сам фюрер считал, что представители «высшей расы» подобны легендарному Прометею, принесшему людям огонь и свет.

С этой точки зрения «высшие расы» в глазах фюрера и других партийных деятелей НСДАП имели некий образ Прометея, героя олимпийца, несущего свет и добро в темные глубины человечества. Этот символизм не просто так проходил красной линией сквозь данную теорию. Этому есть обоснование в виде того, что ключевая деталь теории — это просветительская роль народа, получившего название «арийцы».[2] Долгие годы ученые на службе Рейха активно пытались доказать исключительную роль «нордических рас» и ее вклад в извечную борьбу с теми, кто находился гораздо ниже по расовой иерархии. В частности, ученые в стенах знаменитого «Наследия Предков» и других исследовательских организациях, выдвигали более точные тезисы о том, что так называемые «высшие» играют главную роль в развитии человечества и на полных правах могут управлять отстающим представленными «низшими». Именно об этом, по мнению ряда идеологов, и повествует «нордизм», который тесно переплетен с идеями об «арийской расе».

Но как бы далеко не заходили работники разнообразных исследовательских центров у них всегда начали свой путь с уже созданной задолго до них идеи нордизма. Так очень многие исследователи в своих работах утверждали, что настоящим «отцом расологии» является теоретик Ганс Фридрих Карл Гюнтер. По своему главному призванию известный лингвист. С 1930 года занимал должность главы кафедры социальной антропологии в Йенском университете. Там он неоднократно блистал своими знаниями в разных научных областях, за что снискал славу одного из умнейших преподавателей и заполучил в свои руки огромное влияние на студентов и ученых по всему свету. Его яркая лекция «Причины расового упадка немецкого народа после великого переселения народов» стала настоящим прорывом в изучении рас и во многом она стала причиной того, что сам Герман Геринг обратил свое внимание на Гюнтера. Вполне закономерно, что интерес партийной элиты был связан с растущим интересом к истории немецкого народа и популяризации научного расизма. Спустя всего лишь пять лет этот интерес принесет плоды, и сам Артур Розенберг вручит Гансу Гюнтеру премию НСДАП в области науки за его вклад в создание нордизма.

Теория Гюнтера строилась на нескольких основных положениях. Каждое из них важно в отдельности, но вместе образуют уникальный теоретический конструкт. По мнению Гюнтера: одним из главных путей сохранения расы, должно служить избирательный выбор мужчин и женщин для создания брака, а в последствии и семьи с детьми. В то же самое время процесс рождения детей в данном случае главная установка для формирования сильной нации, с высокими показателями здоровья и низкой смертностью. Так же Ганс Гюнтер в своих изысканиях пришел к выводу, что при существовании сразу нескольких необходимо выделять характерные признаки или же отличительные черты. Представители нордической расы представлялись автору, как люди со светлыми волосами, светлым оттенком радужки глаза с перечнем от голубого до зеленого, высоким ростом, а также должна была иметься долихоцефалия и астеническое телосложение. Вкупе эти признаки создавали полный портрет представителя древней нордической расы. Однако не только она имела ярко выраженные черты. По мнению автора теории народы входящие в так называемую динарскую расу, населявшую территорию Динарских Альп имели совершенно иной набор внешних данных. Важно отметить, что сам термин был придуман не Гансом Гюнтером, а введен Деникером, который называл ее еще и «адриатической». Если провести параллель, то можно предположить, что «динарская раса» это часть балкано-кавказкой расы. Их основные черты выглядели следующим образом: высокий рост, обязательное наличие признаков брахикефалия, темно-русые волосы в купе с матово-белой кожей. [З.С.92]

Для создания максимально полной картины Гюнтер вводил еще одну расу, заселившую в далеком прошлом территорию Индии. Она носила название западной расы и в теории занимала далеко не последнее место. По мнению автора нордизма именно в Индии племена западной расы захватили коренное население и создали четкую иерархическую систему в виде системы варн и каст. Идеологии Третьего Рейха видели в этой системе яркий пример того, каким должно быть их государственное и общественное управление и старались перенять основы древней иерархии народов Индии. Что выгодно сочеталось и с идеей Гюнтера, и с запросами партии, и с влиянием времени. Потому данная теория получила такое широкое распространение. Главный ключ в ее гибкости и выгодной позиции для иных философских течений, даже тех, что появились гораздо раньше. Так влияние великой культуры Индии расширяло идейное поле теории. Идеальный соратник Гюнтера Макс Мюллер, занявшийся переводом текста легендарной «Ригведы» в 1849 сильно на это повлиял. Сама по себе «Ригведа» имела огромное значение, как источник и памятник индийской литературы, а также вносила серьезные дополнения в нордизм. Последователей Гюнтера пришел к выводу «арии» имеют культурное превосходство над остальным населением земли, но в данный момент потеряли свой потенциал и главенствующую позицию в развитии цивилизации. Доказательства этому он якобы нашел на страницах древнего текста, вдохновившись идеями Гюнтера. И он пошел гораздо дальше и начал исследовать причины упаднического положения нордической расы. И он и Гюнтер видели корень проблемы в «смешении рас». Под этим понимается долгий процесс ассимиляции с представителями других рас, приведший «нордической расы» к некому упадку, деградации и утрате потенциала. Ко всему прочему эпоха колонизации, по мнению Мюллера, наложила свой отпечаток на углубление ситуации и стала одной из причин торможения культурных и иных процессов в Индии. Можно предположить, что веяние данной теории послужили подспорьем в создании исторического труда по истории Индии. Не только Мюллер интересовался культурой Индии, древними индийскими текстами и выдвигал свои теории. Известный знаток санскрита Пауль Тиме изучая древнеиндийские веды пришел к выводу, что термин «арий» напрямую связан с термином «человек». По его мнению, оба термина имеют синонимическую

связь. Исходя из логики Тиме его радикальных утверждений, чернокожие люди не являются людьми вовсе.

Некий шарм, присущий древней индийской культуре и комплекс верований индийского народа породил теории, получившие симбиоз сразу нескольких теорий. Так появилось некое синкретическое учение именуемое – Теософия. Связь теософии и «нордической расы» причина постепенного отхода от первоначального понятия и влияния мистицизма и оккультных веяний. Автором данного ученого был Елена Блаватская. Она описала основы своего учения в своей книге «Тайная Доктрина» и упомянула арийскую расу, как одну из ключевых рас, давших жизнь всему человечеству с прародиной в мифической Атлантиде.

В своей системе она одновременно сочетала буддизм, учение о карме, противостояние семитских народов и «арийцев», учение о человеческом братстве. [4.С. 64] Последний тезис имел противоречие, поскольку по мнению автора семитские народы являлись частью арийской расы, но в результате необратимых процессов деградации потеряли первоначальный вид и теперь больше похожи на «полуживотных», чем на людей.

Эта во всех отношениях преступная теория легла в основу исследований Ганса Гюнтера, став источником многих наслоений в виде оккультных движений фелькише и развития антисемитизма и шовинизма.

Такая опасная смесь из лженаучных взглядов лишь подпитывало растущую агрессию по отношению к разным группам населения и вносила хаос и смуту в рядах немецких граждан. Его идея ужасного разделения людей на основе биологических признаков стала оружием в руках кровавой машины Третьего Рейха, уничтожившей миллионы невинных людей. Такая опасная смесь из лженаучных взглядов лишь подпитывало растущую агрессию по отношению к разным группам населения и вносила хаос и смуту в рядах немецких граждан.

Библиографический список:

1. Васильченко А.В. Руны. Обряды и наследие предков. М. 2014. [Электронный ресурс] URL:<https://www.litmir.me/br/?b=229704> (дата обращения 17.12.22)
2. Васильченко А.В. Оккультный миф III Рейха. М. 2008. [Электронный ресурс] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=151214&p=1> (дата обращения 18.12.22)
3. Ганс Ф. К. Гюнтер. Избранные работы по расологии. М. Белые Альвы. 2005. 576 с
4. Карамазов В. Д. Всеобщая история религий мира. М. 2011. с. 543
5. Керстен Ф. Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача 1940-1945. М. Центрполиграф. 2004. 430 с.



Сведения об авторе:

Федотов Антон Анатольевич, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: fedotov_32@bk.ru

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 930:378.4

С.Ф. Блуменау

ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ НА ПОДЪЕМЕ

Аннотация: Статья посвящена 40 - летнему пути кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета. Ее коллектив много сделал для воссоздания на Брянщине современного корпуса знающих и деятельных преподавателей истории. Кафедра вносит заметный вклад в подготовку научных кадров и специалистов в разных сферах общественной жизни.

Ключевые слова: кафедра всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, преподавание, наука, аспирантура.

Blumenau S.F. Four Decades on the Rise

Abstract: The article deals with the 40-year journey of the Department of World History and International Relations of Bryansk State University. Its staff have done a lot to recreate the modern corps of knowledgeable and active history teachers in the Bryansk region. The department makes a significant contribution to the training of academic staff and specialists in various spheres of public life.

Keywords: Department of World History and International Relations, Bryansk State Academician I. G. Petrovski University, teaching, science, postgraduate study.

Кафедра всеобщей истории родилась в 1982г. одновременно с кафедрой истории СССР. Обе были наследницами кафедры истории, появившейся в педагогическом институте, недавно переехавшем из Новозыбкова в областной центр. Перед возглавившим ее участником Великой Отечественной войны Юрием Борисовичем Колосовым - замечательным человеком и хорошим организатором - встала непростая задача: обеспечить чтение основных лекционных курсов квалифицированными преподавателями. Ему взялся помочь выпускник аспирантуры МГУ Юрий Михайлович Шашков. При его посредстве в Брянске оказались: воспитанница кафедры истории средних веков Московского университета Ольга Алексеевна Руденко и закончившие аспирантуру кафедры новой и новейшей истории того же вуза Михаил Васильевич Александров и Семен Федорович Блуменау. Не хватало дипломированного специалиста по истории древнего мира. В следующем 1979г. в наш институт прибыла Нина Константиновна Сопова, уже много лет проработавшая в Хабаровске ассистентом, доцентом, зав. кафедрой, деканом исторического факультета. Она переехала из-за болезни мамы, нуждавшейся в более благоприятных климатических условиях средней полосы России (9, с.6-7).

Нина Константиновна вскоре стала деканом истфака БГПИ, а затем возглавила нашу кафедру, которой руководила 11 лет до 1993г. Свою творческую жизнь она посвятила изучению Боспорского царства, возникшего в V в. до н.э. и просуществовавшего около тысячелетия. В центре внимания исследовательницы находился государственный строй эллинистического Боспора. Она занималась и политической историей данного царства, в состав которого

входили земли Крыма и черноморское побережье Северного Кавказа (9, с.8-11). На своих лекциях Н.К. Сопова увлекала студентов не только историей античной демократии, но и рассказами о функционировании восточных деспотий. Она практиковала и такой любопытный метод изучения древней истории, как составление исторических кроссвордов.

Много времени приходилось уделять хозяйственным делам, связанным с переездом истфака в другое здание. Но особое значение имело «строительство» кафедры. По сравнению с историками СССР «всеобщники» выглядели поначалу бледно. У наших «смежников» был один доктор наук (Н. И. Платунов), другой преподаватель - В. А. Архипов - заканчивал докторскую диссертацию, которую защитил в 1984г. На той кафедре находились два кандидата исторических наук (А.М. Дубровский и Ю.Б. Колосов), и один - И. А. Тарасова - юридических (16, с.168). Наши преподаватели оставались, в основном, «неостепененными». И здесь выручил молодой выпускник аспирантуры МГУ Евгений Александрович Шинаков, читавший археологию и близкие к ней дисциплины, находясь в штате нашей кафедры.

Коллектив не был избавлен от текучки кадров. О.А.Руденко, закончив аспирантуру в «alma mater», не вернулась в Брянск, а уехала в Глазов (Удмуртия), где стала одним из создателей истфака и его первым деканом. Зато из Нижнего Новгорода к нам в 1983г. с семьей прибыл Всеволод Иванович Золотов - кандидат наук по медиевистике, быстро завоевавший авторитет у студентов. На кафедре оказались также Н.Н. Фрищина, А.П. Скогореv, защитивший кандидатскую по историографии восстания Уота Тайлера. Из Одессы в Брянск приехал Г.М. Пятигорский - специалист по новой истории Греции. Но позднее эти коллеги покинули институт и город. Разной получилась судьба тех, кто уже прочно вошел в состав кафедры. Я защитился в Диссертационном Совете МГУ; после окончания аспирантуры в МПГУ в 1991г. праздновал свой успех и Валерий Александрович Астахов. Он, как и Нина Константиновна, был знатоком истории Боспорского царства. Много лет он был доцентом нашей кафедры. М.В. Александрову, к сожалению, не удалось завершить работу о мадьярской деревне. Это требовало длительной командировки в Венгрию, чего ему не удалось добиться. Не согласившись с переводом в ассистенты, он в 1987 г. уехал из Брянска в родной Краснодар.

Но несколькими годами раньше в наш институт прибыл выпускник РУДН, кандидат исторических наук, востоковед- арабист Виктор Павлович Ранчинский, ставший вскоре зам. декана. С 1987г. он впервые избрался деканом нашего факультета и оставался на этом посту до 2015г. С европоцентризмом на кафедре было покончено. Восточная экзотика и глубокие лекции В.П. Ранчинского увлекли студенческую аудиторию. Через некоторое время на кафедре оказался и другой «выходец» из РУДН - Николай Алексеевич Тюкачев. Он читал новейшую историю Запада. Позднее перешел на кафедру отечественной истории и защитил докторскую диссертацию по историографии народничества (16, с.169).

К концу 80-х годов позиции нашей кафедры в институте, не говоря о факультете, существенно укрепились. Кандидаты наук в ней уже преобладали, а теперь в коллектив влился и первый доктор исторических наук. В 1989г. (3, с.5) к нам приехал Виктор Павлович Викторov, с которым я познакомился еще в ранней молодости, работая на одной кафедре в Чечено-Ингушском государственном университете. Он тоже был франковедом, занимался историей радикальной партии после Первой мировой войны (6). Мы находились в приятельских отношениях, несмотря на значительную разницу в возрасте (Он родился в 1931г.).

В 1993г. профессора избрали заведующим кафедрой. В.П. Викторov энергично взялся за дело. Именно он положил начало выпуску кафедрального сборника статей, стал редактором первых трех его выпусков, изданных еще ротاپринтным способом. Приезд В.П. Викторова в Брянск совпал с политическими потрясениями в государствах Восточной Европы, приведшими к смене общественного строя. Из классической дисциплины «Новейшая история стран

Европы и Америки» профессор выделил самостоятельный курс по восточноевропейскому региону. Он также инициировал создание учебного пособия: «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы и Азии: судьбы социализма», написав его вместе со своим тезкой В.П.Ранчинским (7). Последнему принадлежала «азиатская» часть работы, а В.П.Викторов дал характеристику происходившего в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Югославии с конца Второй мировой войны до начала 90-х гг. Он решительно пересмотрел принятую в советской историографии трактовку общественно-политических процессов, имевших место в указанных странах в период социализма.

Важным достижением заведующего стало появление на кафедре аспирантуры. Под его руководством аспирант А.Г.Федоров выполнил работу о внутрипартийной ситуации и борьбе среди французских радикалов во времена Народного фронта, защищенную в МОПУ осенью 1994г. Другой ученик В.П. Викторова - В.Н.Залепеев - исследовал советско-германские торгово-экономические отношения в сентябре 1939-июне 1941гг. Эта кандидатская диссертация отчасти основывалась на документах из ряда архивохранилищ нашей страны. Она была защищена в Диссертационном Совете БГПИ в 1995 г. Чуть раньше он стал преподавателем нашей кафедры, на которой проработал всю жизнь, увы, совсем недолгую. Владимир Николаевич высоко ценил своего научного руководителя, относился к нему по-сыновьи. Казалось, ничто не могло помешать В.П. Викторову и дальше эффективно направлять деятельность коллектива. Но случилась беда: в феврале 1995г. во время рядовой операции Виктор Павлович скончался (3, с.6).

Новым заведующим пришлось стать мне. Я только что успел защитить в ИВИ РАН докторскую диссертацию о полувековой французской историографии революции 1789г. В следующем 1996 г. доктором наук стал В. И. Золотов. Его исследование посвящалось английскому обществу эпохи «войны роз» (10). Пополнялась кафедра и кандидатами наук. В1993г. кандидатскую диссертацию в нашем Диссовете защитил представитель первого Брянского выпуска историков С.А. Кокотов.

Наличие сильного кадрового потенциала побуждало выступать с серьезными начинаниями. Кафедра приняла решение о создании учебного пособия по всеобщей истории для абитуриентов. Эта дисциплина входила тогда в номенклатуру приемных экзаменов на исторических факультетах. Мы довольно быстро и успешно справились с задачей. Книга, написанная членами нашей кафедры, получилась одновременно полновесной и компактной. Она появилась в 1998г. и разошлась за короткий срок (8). Позднее пособие удостоилось похвалы на одном из совещаний зав. кафедр и деканов, собиравшихся в Институте всеобщей истории.

Мы подхватили почин В. П. Викторова и продолжили ежегодный выпуск сборников статей. Их обложки оформлялись все интереснее, а объем становился внушительней. Сборники выходили в бумажном формате до 2014г. под названием «Всеобщая история: современные исследования». Было сделано всего 23 выпуска. Позднее стал издаваться сетевой факультетский журнал «История. Общество. Политика» под редакцией декана С. В. Артамошина

Главной задачей кафедры оставалась высококачественная организация учебного процесса. Исторический факультет сделался вместе с физматом своеобразным «полигоном» перехода на двухуровневую систему высшего образования - бакалавр-магистр. Магистратура была введена у нас уже в 1999г. В преподавании, как и в исследовательской работе, кафедра стремилась совершенствовать междисциплинарный подход. В магистратуре готовили выпускников к самостоятельному творческому труду.

Начало третьего тысячелетия принесло факультету и кафедре новые перспективы. Мы стали готовить историков классического профиля, что соответствовало статусу нашего вуза, признанного классическим. В этой связи возникли новые дисциплины: история мировых

религий, история южных и западных славян. Разрабатывались авторские курсы: «Военное дело античности», «История английского общества и государства от средневековья к новому времени», «Старый порядок и революция во Франции», «Современное западноевропейское общество», «Духовная жизнь народов Востока». В 2006г. открылась специальность «Теология». Большое внимание уделялось как различным богословским курсам, так и изучению древних языков: латыни, древнегреческого, древнееврейского. В 2008г. началась специализация по «Международным отношениям» и «Регионоведению». Соответственно изменилось и название факультета. С тех пор — это факультет истории и международных отношений. Постепенно подверглось изменениям и название нашего структурного подразделения. Выделилась отдельная кафедра международных отношений под руководством В. П. Ранчинского. Затем она соединилась с нашей и стала именоваться так: «Кафедра всеобщей истории, международных отношений и международного права». И, наконец, в 2020г. обрела нынешнее название кафедры всеобщей истории и международных отношений. Едва ли не большую часть лекционных курсов по вопросам дипломатии читал А.П.Левчук, получивший в свое время специальное образование. К сожалению, сотрудничество с ним оказалось недолгим. Он вскоре оставил наш мир.

Еще раньше произошли перемены на уровне науки. С1998г. наш Диссовет получил право принимать к защите кандидатские диссертации по всеобщей истории. К этому времени завершил работу над диссертацией С.И. Денисов, ученик В. П. Викторова, а затем Н. И. Смоленского, декана истфака МОПУ. Он успешно защитился и неумоимо трудится на юридическом факультете нашего вуза. В следующем году кандидатскую степень обрел аспирант В.П. Ранчинского Ю.Н. Исаев (3, с.8-9).

Вернувшись после срочной службы в родной Брянск, С.В.Артамошин подготовил диссертацию за два года. За ним последовали другие аспиранты кафедры, мои ученики А. В. Лапонов и А. В. Федин. Сергей Викторович и Андрей Валентинович были зачислены в штат кафедры. Вскоре защитились и две ученицы В.И. Золотова - Н. А. Пономарева и М. А. Зайцева. Последняя после нескольких лет работы на кафедре переехала в Москву. В 2003г. в Диссовете БГУ была успешно защищена кандидатская диссертация А.В. Сагимбаева, посвященная роли Великобритании в формировании системы управления и границ ближневосточных подмандатных территорий (науч. руководитель В.П. Ранчинский). После этого Алексей Викторович вошел в состав нашей кафедры. В дальнейшем защиты кандидатских, а затем и докторских по кафедре всеобщей истории стали частым явлением. Показательно, что в 2006г. у нас работали только «остепененные» преподаватели: двое докторов и девять кандидатов наук. Даже лаборантом кафедры была кандидат исторических наук А. В. Разгонова (16, с.180).

К слову сказать, лаборанты играют значимую роль на кафедре. Кроме набора текстов программ, других необходимых материалов кафедры и преподавателей, им приходится вести протоколы заседаний, давать необходимые объявления, собирать отчеты, а, порой, и помогать преподавателям в ведении учебного процесса. Лаборанты являются также важным связующим звеном между кафедрой и университетскими службами. От их расторопности, такта, умения ладить с людьми часто зависит настроение преподавателей. Мне в этом повезло. 17 лет трудилась на кафедре Анна Витальевна Крайкина. Она не только с редкой добросовестностью выполняла свою работу, но и была первым помощником зав. кафедрой.

Кафедра — это люди. Из творческих, порой, блистательных, успехов отдельных личностей и складывается общее благоприятное впечатление о коллективе. В этом отношении яркий пример - С.В. Артамошин. Он первым выбрал тему исследования и пошел в докторантуру. В марте 2011г. вышла его основательная, цельная монография «Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в

политической жизни Веймарской республики» (2), а уже в июне он защитил докторскую в нашем Диссертационном Совете. И после знаменательного события исследователь не снижал своей научной активности. В 2018г. появилась его следующая книга «Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики» (1). Он стал научным руководителем кандидатских диссертаций, а позднее выступил в качестве научного консультанта докторского труда. Сергей Викторович не только непременный участник всероссийских и международных конференций. Он нередко является и их организатором. С 2015г. С.В. Артамошин - декан факультета.

В 2016г. пришел черед защищать докторскую диссертацию В. В. Прилуцкому, написавшему солидный интересный труд о разнообразных протестных движениях в США в 1820-1850-х. Годом раньше вышла его объемная монография по этой многогранной проблематике (13). В 2017г. молодой брянский исследователь выиграл Президентский грант по заявке, охватывавшей уже протестные движения в США в XIX- XXI вв. Виталий Викторович напряженно работает над новыми учебными курсами, руководит магистратурой по международным отношениям, пишет содержательные и во многом новаторские статьи об американских мормонах.

Весной 2018г. успешно защитил докторскую диссертацию А. В. Федин. Его исследование посвящено необычайно интересной, но очень трудоемкой теме иезуитской миссии в Новой Франции в первой половине XVIIв. Ей предшествовала одноименная монография (15). Работа основывалась на солидной и разнообразной источниковой базе. Особое внимание уделялось нескольким переизданиям «Иезуитских реляций», письмам супериоров миссий, «Журналу иезуитов», записям актов священнической деятельности среди туземной паствы. Изучались и источники личного происхождения - автобиографии миссионеров и их светских слуг, а также свидетельства неиезуитских современников. В труде Андрея Валентиновича выпукло представлены миссионеры, показано их героическое подвижничество. Одновременно рассматриваются отношения с Ватиканом, французским государством, колониальными властями. Особый интерес вызывает вторая сторона в межцивилизационном общении - индейцы. Автор ярко воссоздал их быт, поведение, мировосприятие.

Вскоре новым доктором исторических наук стал Алексей Викторович Сагимбаев, научным консультантом которого был С.В. Артамошин. Диссертация Сагимбаева, как и выпущенная перед тем монография (14), являла собой вдумчивый анализ колониальной политики Великобритании в межвоенный период. Молодой ученый раскрыл глубинные причины, диктовавшие истеблишменту необходимость принципиальных изменений. Он выявил напряженные поиски английской политической элиты по разработке новой колониальной стратегии. Приятно поражает разнообразие использованных источников. А.В. Сагимбаев почерпнул необходимые архивные материалы из фондов АВП РФ и РГАСПИ. Среди опубликованных официальных документов должно назвать многотомные издания, «транслирующие» дебаты в обеих палатах британского парламента. А.В. Сагимбаевым осмыслены сочинения политических деятелей, партийные проекты и манифесты, памфлеты. Изучены автобиографии политиков, их дневники, переписка, воспоминания. Автор смог привлечь множество центральных и региональных органов печати разных направлений. О широте его эрудиции свидетельствует перечень использованных источников и литературы, насчитывающий без малого 700 наименований. Итак, появилась целая плеяда молодых преподавателей - питомцев БГУ, которые зарекомендовали себя, и в качестве способных исследователей, и как отменные лекторы.

В 2010-ые гг. и мне удалось опубликовать две новые монографии. В одной - «Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789- 1791годах» (4) освещался первый период революции, увы, крайне непопулярный в нашей историографии. То был мой вклад в полемику с якобиноцентризмом, долго господствовавшим во Франции и в СССР.

Книга была тепло встречена у нас и за рубежом. Другую работу я написал в соавторстве с моей ученицей, кандидатом исторических наук Викторией Салимон (5). Речь в ней идет об одном из течений в Национальном собрании, о «левом центре», обнаруженном мною ходе научных изысканий. И об этой книге позитивно отзывались историки. Предыдущие опыты ободряли и подталкивали к новым исследованиям. Хотелось разобраться и в иных темах: бесчинствах «революционных толп», поведении духовенства, дворянства в начале судьбоносных событий 1789-1799 гг.

Но это требовало сосредоточения. Обязанности зав. кафедрой, обилие программ и отчетов сильно отвлекали от науки. К тому же возраст и связанные с ним болезни давали о себе знать. Созрела мысль освободиться от административных забот, тем более что прежняя кафедральная молодежь уже «заматерела», и все задачи ей были по плечу. Я решил баллотироваться на должность профессора, полагая, что Алексей Викторович Сагимбаев, имевший опыт административной работы, не только справится с заведованием кафедрой, но и придаст учебному и научному процессам большую мобильность.

Наши надежды оправдались. Под руководством А.В. Сагимбаева кафедра успешно выдержала испытание дистантом - неизбежным следствием пандемии коронавируса. В непростых условиях удалось сохранить рабочее настроение преподавателей и студентов. Усилился контроль за созданием и претворением в жизнь учебных программ всех специальностей кафедры. Это облегчило прохождение очередной аккредитации осенью 2020г. Заведующий добивается баланса интересов при решении щепетильных вопросов преподавательской нагрузки. А.В.Сагимбаев будирует исследовательскую активность членов кафедры, а его заботы о научной деятельности студентов и аспирантов выливаются в проведение конференций, «круглых столов», обсуждение актуальных проблем истории и мировой политики. В результате - у наиболее подготовленных бакалавров не иссякает желание продолжить свои изыскания в магистратуре, а затем и в аспирантуре. Не случайно Алексей Викторович с недавних пор совмещает свой нелегкий труд с должностью ученого секретаря нашего Диссертационного Совета. Он входит также в состав редколлегии университетского научного журнала «Вестник БГУ».

Благодаря активности декана и заведующего кафедра обрела во многом новое лицо. Коллектив пополнился тремя молодыми и энергичными преподавательницами. Доцент Е.А.Завидовская занята очень нужным делом, обучая студентов - международных китайского языка. Это особенно важно в связи с активизацией нашей внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Екатерина Александровна много занимается наукой, часто публикуется. Серьезный специалист - китаевед, она недавно выиграла грант РНФ.

Большую роль на кафедре и факультете играет Наталья Николаевна Богомолова. Наша выпускница, она еще в 2013г. защитила кандидатскую диссертацию по интересной и новаторской теме: «Имперская идея и викторианская пресса: репрезентация образа колониальной империи Великобритании в 70-е гг. XIX века». Являясь заместителем декана, Наталья Николаевна сосредоточена на решении сложных задач учебного процесса. Сама она разработала многотрудный курс «Истории древнего мира». Делает это преподавательница с большим воодушевлением, перелопачивая большой массив научной литературы.

Другой заместитель декана, но уже по воспитательной работе – Ирина Ивановна Жигунова. Это очень занятой человек на факультете. Ей приходится организовывать множество мероприятий, она не только координирует связь студенческого актива с университетскими службами, но и с различными государственными и общественными структурами. А ведь у нее такая же учебная нагрузка, как и у других преподавателей, забота о семье, о двух замечательных детках.

Показательно, что многие годы все три руководящие должности на факультете - декана и двух его заместителей - занимают представители кафедры всеобщей истории и международных отношений. Так, заместителями по воспитательной работе являлись кандидат наук Дмитрий Селиверстов и выпускник аспирантуры Альберт Роленков. Заместителем декана по учебной работе продолжительное время была Юлия Николаевна Устинова - кандидат исторических наук, германист, автор диссертации о деятельности немецких национал-либералов в 70-е гг. XIX века. Будучи преподавателем иностранных языков, она вела разнообразные дисциплины по нашей кафедре.

Свою роль на кафедре выполняет старшее поколение - ветераны. К ним принадлежат В. П. Ранчинский, В. И. Золотов и я. Виктор Павлович был деканом факультета 28 лет. Огромный срок. За это время влияние историков в Университете стало значимым. Сложились замечательные традиции преподавания, научного поиска и великолепной самодеятельности. В конце прошедшего учебного года В. П. Ранчинский попрощался с университетом. На торжественном собрании ректор - Андрей Викторович Антюхов - высоко оценил сделанное Виктором Павловичем за десятилетия работы. Собравшиеся, среди которых присутствовали выпускники разных лет, с теплотой отзывались о ярком лекторе и отличном руководителе. Кто-то предположил, что он быстро заскучает на пенсии и оказался прав. Виктор Павлович продолжает читать лекции и в новом учебном году.

Другой ветеран кафедры - В. И. Золотов - недавно отметил свое 75-летие. Он по-прежнему отличается бодростью, активностью и требовательностью к студентам. Большое внимание ученый и преподаватель уделяет сложным аспектам методологии истории. Еще с сентября 2007г. на факультете действует Дискуссионный клуб, привлекающий студентов, аспирантов и преподавателей жаркими спорами по актуальным проблемам отечественной и всемирной истории (12, с.15, 27), которым руководит В. И. Золотов. В 2010 г. В. И. Золотов выпустил интересную монографию о позднесредневековой Англии (11). Содержательные выступления Всеволода Ивановича на защитах диссертаций нередко задают тон возникающей полемики.

Костяком же коллектива остается когорта относительно молодых докторов наук. Прежде всего, им предстоит закрепить и приумножить достижения кафедры. На их плечи ляжет и задача по обеспечению дальнейшего успешного функционирования Диссертационного Совета, имеющего хорошую репутацию в научном пространстве современной России. Мы леем надежду на возобновление штудий «историков-исследователей» со всеми свойственными этой специальности авторскими спецкурсами. Уверен: коллектив не обманет ожиданий и следующий 50-летний юбилей кафедры ознаменуется новыми впечатляющими результатами.

Библиографический список

1. Артамошин С. В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. СПб. 2018.
2. Артамошин С. В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011.
3. Блуменау С. Ф. Путь длиной в четверть века // Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 16. Брянск, 2007.
4. Блуменау С. Ф. Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789-1791 годах. Брянск, 2011.

5. Блуменау С.Ф., Салимон В. Ю. Политические группировки Учредительного собрания революционной Франции (1789-1791). «Левый центр». Брянск, 2016.
6. Виктор В. П. Политика французских радикалов и радикал- социалистов: 1919-1926. Ростов-на – Дону, 1984.
7. Виктор В. П., Ранчинский В. П. Страны Центральной и Юго- Восточной Европы и Азии: судьбы социализма. Учебное пособие в 2-х частях. Брянск, 1995.
8. Всеобщая история: от античности до наших дней. Пособие для старшеклассников и абитуриентов. Брянск, 1998.
9. Дубровский А. М. Нина Константиновна // Страницы истории. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9. Брянск, 2001.
10. Золотов В. И. Английское общество накануне «войны роз». Брянск, 1995.
11. Золотов В. И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск, 2010.
12. Поляков Г. П., Бобков В. А. Факультет истории и международных отношений: вчера и сегодня. Брянск, 2011.
13. Прилуцкий В. В. «Свобода, равные права и демократия»: Протестные движения в США в 1820-1850-е гг. Брянск, 2015.
14. Сагимбаев А. В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины и особенности трансформации М., 2018.
15. Федин А. В. Иезуитская миссия в новой Франции в первой половине XVII века. М., 2016.
16. Яковлева С. П. Памятные даты исторического факультета: 1946-1976-2006 // Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 15. Брянск, 2006.



Сведения об авторе:

Блуменау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия). E-mail:blumenausf@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 943.085.2

С.В. Артамошин

СУДЬБА НЕМЕЦКОГО ЛЕВОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ: БАРАНОВ Н.Н. МЕЖДУ БИСМАРКОМ И БЕБЕЛЕМ: НЕМЕЦКИЙ ЛЕВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ЕГО ВОЖДИ. – ЕКАТЕРИНБУРГ: ИЗД-ВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2020. – 186 с.)

Аннотация: В статье анализируется монография Н.Н. Баранова, посвященная левому либерализму в кайзеровской Германии и его вождям. С критической точки зрения рассматривается исторический контекст и особенности левого либерализма. Осуществляется сопоставление интеллектуальных точек соединения и расхождения О. Рихтера и Ф. Наумана.

Ключевые слова: либерализм, левый либерализм, кайзеровский рейх, О. Рихтер, Ф. Науман.

Blumenau S.F. Four Decades on the Rise

Abstract: The article analyzes the monograph by N.N. Baranov, dedicated to left-wing liberalism in Kaiser's Germany and its leaders. From a critical point of view, the historical context and features of left-wing liberalism are considered. Comparison of intelligent points of connection and divergence of O. Richter and F. Naumann is carried out.

Keywords: liberalism, leftist liberalism, Kaiser's Reich, O. Richter, F. Naumann.

Немецкий либерализм имеет необычную судьбу. Его путь к политической власти на протяжении XIX–XX в. был извилист и труден в плане обладания политическим влиянием на принятие решений, так и воздействия на социальные слои. Развитие германского государства от монархической авторитарной системы с последующей трансформацией империи в Веймарскую республику делало важным осмысление особенностей развития германского либерализма. Демократическая система республики оказалась неустойчивой перед вызовами радикальных сил. Двенадцатилетие нацизма оставило глубокий шрам на германской истории и становление ФРГ, опиравшиеся на принципы либерализма и демократического общества, вновь сделали актуальным обращение к истокам развития либеральной идеи в Германии. Следует подчеркнуть, что отечественная историография, заостренная на изучении радикальных политических сил Германии, будь то коммунисты или национал-социалисты, обращала мало внимания на тенденции развития либеральной мысли и либеральных политических партий в Германии.

В этой связи монография доктора исторических наук Николая Николаевича Баранова, посвященная немецкому левому либерализму и его вождям в годы кайзеровской Германии, вносит существенный вклад в осмысления феномена германского либерализма в российской исторической науке.

Монография рассматривает немецкий левый либерализм сквозь призму истории идей и политической деятельности двух ее ярких представителей – Ойгена Рихтера и Фридриха

Наумана. Композиционная структура книги имеет три главы, в которых последовательно анализируется историография немецкого либерализма и левого либерализма, а также биография и интеллектуальное наследие О. Рихтера и Ф. Наумана. Таким образом, с первых страниц книги автор закладывает основу для комплексного понимания проблемы германского либерализма в годы кайзеровской империи. Претворяя рассмотрение проблемы, Н.Н. Баранов подчеркивает исключительную черту немецкого либерализма, состоящую в двух элементах: во-первых, это позднее начало либерального движения по сравнению с классическими представителями либерализма Англией и Францией; во-вторых, доминирование в политических устремлениях немецкого либерализма задач национального объединения, из которого вытекал приоритет политических целей. «сначала единство, потом свобода» [1. С.5].

Представляя читателю динамику исторических поисков исследователей особенностей и вариативности развития немецкого либерализма, Н.Н. Баранов указывает на имевшуюся особенность подходов германских ученых. Дело в том, что не только при исследовании немецкого либерализма, но и при изучении событий германской истории конца XIX – первой половины XX в. германские историки испытывают давление теории континуитета, сущность которой состоит в идее преемственности от Бисмарка до Гитлера. Тень Гитлера, отбрасываемая на германскую историю данного периода, заставляет рассматривать германские исторические события, деятельность германских политических и экономических элит, активность политических партий и иных организаций и союзов, формирование политических идей и представлений, сквозь меру ответственности всей германской истории за национал-социализм и рассмотрение самого нацизма как явления, логически вытекающего из событий конца XIX – первой половины XX в. Мы солидарны с утверждением Н.Н. Баранова, что «подобный прямолинейный детерминизм скорее затемняет, чем проясняет проблему» [1. С.6]. Исследователь предлагает оптимальный способ осознания специфики немецкого либерализма путем рассмотрения его в широком контексте европейской и региональной истории, что последовательно осуществлено на страницах монографии. Автор отмечает противоречивость немецкого левого либерализма, состоящую в том, что называемый современниками «радикальный либерализм», преувеличивал значение либеральных принципов и использовал понятие «народная партия». Н.Н. Баранов утверждает, что левые либералы «оказались не способны к мобилизации масс и даже не стремились к этому» [1. С.9]. В годы правления кайзера Вильгельма II левые либералы политические объединились с другими представителями германского либерализма в 1910 в рамках Прогрессивистской народной партии. Левый либерализм был представителем оппозиционных политических сил Германии, но при этом стремилось быть частью общества, придерживаясь современных тенденций. Н.Н. Баранов иронично подчеркивает, что левый либерализм «оказался отравлен ядом империализма и национализма» [1. С.12].

Исследование Н.Н. Баранова представляет собой пример интеллектуальной биографии О. Рихтера и Ф. Наумана. Автор осуществил анализ их интеллектуальной и публицистической деятельности в контексте германских внутривнутриполитических вопросов, проследил процесс формирования идей и политической позиции двух лидеров левого либерального движения. Рассматривая О. Рихтера, исследователь отмечал его блестящие ораторские способности, проявившиеся на заседаниях рейхстага, которые принесли ему славу блестящего полемиста и едкого критика правительственного курса. На протяжении всей политической карьеры перед нами предстает убежденный либерал, склонный отстаивать свои принципы до конца, обдумывающий стратегию политической деятельности через следование догматическим принципам либерализма, особенно экономическим. Рихтер выступал последовательным оппонентом политики протекционизма из принципиальных оснований, не учитывая конъюнктуру экономических отношений. Н.Н. Баранов отмечает, что «краеугольным камнем социальной

философии Рихтера является связь между политической и экономической свободой – концепция, которая отличала левый либерализм от массы национал-либералов. <...> Стремление постоянно увязывать принципы экономической и политической свободы между собой стало в будущем главной исключительной чертой Рихтера как леволиберального политика» [1. С.57]. Для О. Рихтера было характерно неприятие политики Бисмарка, а также критика социал-демократического движения, причем основная аргументация против последних, определялась экономическим базисом, фактически критика марксизма по-марксистски. Представляется, что полемика с Бисмарком была для Рихтера формой самовыражения, так как в канцлере он нашел не менее острого оратора, чем был сам, и его отставка лишила достойного оппонента. Как отмечает исследователь, «в эпоху Бисмарка в Германии не было ни политика, ни тем более оратора, кто бы, подобно Рихтеру, целиком и полностью противопоставлял себя «железному канцлеру»» [1. С.71-72]. Интересны наблюдения Н.Н. Баранова относительно партийной деятельности Рихтера, направленной на формирование однородной сплоченной партии с жесткой партийной дисциплиной и диктаторскими качествами партийного лидера [1. С.62-63]. Фактически можно отметить склонность либерала к диктатуре, как и склонность либерализма к жесточайшему неприятию нелиберальной точки зрения и стремление к тоталитарной однородности. Рихтер, скорее всего. Представлял собой тип политика будущего, политика XX века.

Антисоциалистические взгляды Рихтера опирались как на отрицании социализмом свободы экономической деятельности, так и на угрозу с его стороны свободе человека как таковой. «Рихтер одним из первых рассматривал социализм как своего рода контрреволюцию и полагал, что достижение социалистических целей приведет и к ужасающей бедности, и к всевластию государства» [1. С.80]. В перспективе политические взгляды Рихтера оказали воздействие на развитие немецкого либерализма и вписываются в контекст политического развития европейской цивилизации в начале XXI в. Конечный вывод о значении интеллектуального наследия О. Рихтера, к которому приходит Н.Н. Баранов, справедлив: «Рихтер был последовательным защитником тех тенденций, которые пережили катастрофы XX в. и принесли свои плоды. В этом смысле Ойген Рихтер был предвестником современности» [1. С.101].

Фридрих Науман был человеком иного склада, чем О. Рихтер. Пройденный им путь от протестантского пастора до леволиберального политика указывает на длительные искания собственной политической позиции, путь от христианского либерализма к левому либерализму. Н.Н. Баранов справедливо утверждал, что «Фридрих Науман является прежде всего персонифицированным воплощением ситуации кризиса модерна и мучительных поисков его альтернативы» [1. С.103]. Автор прослеживает путь его политических и интеллектуальных исканий, подчеркивая присутствующий уже в ранних работах интерес к социальной политике в отношении рабочих [1. С.107]. В исследовании отмечается, что политические воззрения Ф. Наумана представляли собой комбинацию требований проведения социальных реформ и поддержки империалистической политики кайзера Вильгельма II. Это тесным образом сближало Наумана с М. Вебером, влияние идей которого прослеживается в политических взглядах левого либерала [1. С.114-115]. Видимо не случайно, что лабильность взглядов М. Вебера и Ф. Наумана, облаченные в колебания между либерализмом и национализмом, представляли собой слепок немецкого мышления позднего кайзеровского времени, для которого характерно стремление к выражению имперскости. Отсюда справедливое замечание Н.Н. Баранова о том, что трансформация наумовского восприятия либеральных ценностей состояла в том, что «либерализм должен был стать «национально-социальным» [1. С.116]. Это сочеталось с восприятием им кайзера Вильгельма II как императора-реформатора, но с 1908 г. эта иллюзия прошла [1. С.119-120].

Рассматривая партийную деятельность Ф. Наумана, Н.Н. Баранов проводит сравнение его личности с О. Рихтером, отмечая существенное отличие их патриейной деятельности, состоящее в том, что Ф. Науман был склонен к большему демократизму в партии и стремлением стать политическим и интеллектуальным наставником, способным пробудить сердца людей к восприятию либеральных ценностей. В этом ключе рассматривается и одна из самых известных работ Ф. Наумана «Срединная Европа». Автор справедливо относит ее к серии работ, возникших в годы Великой войны как реакция на изменившуюся политическую и экономическую ситуацию. Можно согласиться с мнением исследователя о том, что не следует рассматривать данное сочинение как теоретическое основание внешнеполитической концепции Германии, а скорее в этом следует видеть стремление к осмыслению необходимости глубокой германо-австро-венгерской интеграции [1. С.138-140, 155]. Затрагивая вопрос реализации предложений Ф. Наумана в области практической политики Н.Н. Баранов справедливо указывает, что «на протяжении всей своей карьеры Фридрих Науман никогда не находился у власти и не входил в крупные партии, оказывавшие влияние на политический курс рейха. Поэтому реализация его программы в полном объеме была невозможна» [1. С.177].

Делая общий итог после рассмотрения монографии Н.Н. Баранова следует сказать, что перед нами обстоятельное научное исследование судьбы левого либерализма в кайзеровской Германии сквозь жизнь и идеи ведущих ее интеллектуалов О. Рихтера и Ф. Наумана. Это исследование вселяет надежду на то, что в обозримой перспективе может быть создано обобщающее исследование либерального проекта в кайзеровской Германии на более широкой основе. Стремление к демократизации, проявлявшееся в Веймарской республике, определенно имело свое рождение в кайзеровское время.

Библиографический список

1. Баранов Н.Н. Между Бисмарком и Бебелем: немецкий левый либерализм и его вожди. – Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2020.



Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clcio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clcio-brgu.ru